

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

НИКОЛАЙ НИКОНОВ

СОЗВЕЗДИЕ КАКТУСОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3	3. Горы	126
Часть первая. ПУТИ ПОЗНА-		4. Тропический лес	128
НИЯ		Часть четвертая. СОЗВЕЗДИЕ	
1. Открытие	5	КАКТУСОВ	
2. От Канады до Огненной Зем-		1. Астрофитумы	135
ли	11	2. Род Эхинофоссулокактус	157
3. Радость «через» кактусы...	18	3. Жемчужины рода Мамилля-	
4. Систематика, педантизм и		рия	160
бухгалтерия	28	4. Монотипы	171
Часть вторая. ПУТИ К ТВОР-		5. Североамериканские цереусы	186
ЧЕСТВУ		6. Эхинокактус и Эхиноцереус	192
1. Как за малыми детьми	36	7. Мелокактусы и дискокак-	
2. В поисках новой земли...	49	тусы	197
3. Кое-что из области химии	56	8. Бразиликактус, Нотокактус,	
4. Вода и воды	61	Эриокактус, Пародия	202
5. Можно ли быть солнцем?	68	9. Чилийские кактусы	209
6. Мои «тамаулипасы»	73	10. Южноамериканские горные	
7. Разбойники, грабители, вре-		цереусы	215
дители...	79	11. Эхинопсисы, лобивии, ребу-	
8. Кое-что из области хирургии	88	ции и другие	218
9. Особенности содержания		12. Гимнокалициумы	223
редких кактусов	92	13. Опунции и тефрокактусы	228
10. Цветение кактусов	109	14. Ответы читателю	234
Часть третья. УРОКИ ГЕОГРА-		Приложение. СИСТЕМАТИКА	
ФИИ		КАКТУСОВ ПО К. БАКЕ-	
1. Пустыня	116	БЕРГУ	241
2. Степень и саванна	122	Список литературы	254

Автор более тридцати книг, Николай Никонов счастливо соединяет в себе наблюдательность и изобразительный дар писателя с обширными знаниями и увлеченностью натуралиста. Уральским читателям хорошо знакомы не только повести и рассказы Никонова, но и дважды издававшаяся его книга «Певчие птицы». Увлечение миром пернатых не помешало Никонову стать тонким знатоком мира растений - и родных российских, и таких экзотических, как кактусы, которые писатель коллекционирует вот уже три десятилетия. В книге «Созвездие кактусов» Н. Никонов рассказывает о жизни этих удивительных растений, делится своим опытом кактусовода-любителя. Изданная в Свердловске в 1978 году, книга была с большим интересом встречена читателями. Готовя «Созвездие кактусов» к новому изданию, Н. Никонов внес в текст ряд уточнений и дополнений. Написаны, в частности, новые главы «Особенности содержания редких кактусов» и «Цветение кактусов». В конце книги автор отвечает на некоторые вопросы, содержащиеся в обширной читательской почте.

ОТ АВТОРА

Книга, которую вы взяли, не является стандартным руководством по выращиванию кактусов, хотя и такие сведения в ней имеются.

Главная цель автора — поделиться радостями открытий и наблюдений, сделанных за три десятилетия общения с колючим миром кактусов. При этом автор смеет утверждать, что кактус — это больше чем растение, это как бы существо со своими собственными привычками, откровениями и загадками.

И только тот, кто воспринимает кактусы именно так, пользуется благосклонностью этих детей природы.

Книга не содержит и не может содержать описания всех видов кактусов, что невозможно хотя бы исходя из ее объема, да, по-видимому, и не требуется, ибо нет на Земле и такой коллекции, которая содержала бы все виды.

Автор берется рассказать о наиболее интересных, «трудных» и редких видах и родах семейства кактусовых и заранее приносит извинения тем любителям, которые, как это всегда бывает, будут упрекать его за то, что он изложил какие-то аспекты не так, а они знают лучше и глубже. Естественно, что в книге обобщается не только личный опыт, но и новейшие сведения в области кактусоводства, так или иначе опробованные и перепроверенные автором. Список литературы о кактусах читатель найдет в конце приложения. В книге использованы фотографии растений из коллекции автора.

Если вам встретится растение, приближающееся по форме к идеальному шару, к сплюсненной сфере, полушарию, многоугольнику, кубу, цилиндру, многограннику или пирамиде, — скорее всего это будет кактус.

Если вы видите растения, похожие на колонны, столбы, палицы первобытных охотников, скипетры и державы, на булавы, шерstopеры, на ежей, дикобразов, ершики для мытья бутылок, на клочья хлопка, подушки мха, куски гранита, изделия из камня, нефритовые безделушки, орденские звезды, ананасные, еловые и сосновые ишики, на голову старого волшебника, на морских ежей, на бутылки, блюда, пуговицы от пальто и вообще уже ни на что не похожие уродливо причудливые куски и комья живого зеленого и шерстистого вещества, — все это кактусы.

Если вы встретите цветки, похожие на майские желтые одуванчики, на желтые же ромашки-пулавки, на чашечки мака, на ландыши без черешка, на мелкие подснежники, на белые лилии, колокольчики всех цветов — от палевого до зеленого, сиреневого и нежно-фиолетового, если вы увидите крохотные цветочки, подобные жемчужинкам, нанизанным на гирлянду или торчащим из каждой зазубринки-пазушки плоского «листа», или цветы, образующие хороводы на темени растения или бьющие вверх цветным «фонтаном» белого, желтого, розового и красного цвета, или наткнетесь на цветы-громадины до полуметра в размахе крайних лепестков, белые, пахучие и светящиеся в темноте, — все это тоже кактусы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТИ ПОЗНАНИЯ

1.

ОТКРЫТИЕ

Было мне лет семь, а может быть, и того меньше. Я шел по теневой стороне нашего узенького, заросшего тощей лебедой, одуванчиками и подорожником переулка, до того родного мне, привычного, как все тут: дома, заборы, ветхие осветительные столбы со ржавыми абажурами, — столбы, почему-то называвшиеся телеграфными, — что переулок как-то и не воспринимался, а просто входил в мой мир, был всегда со мной, — и вдруг я увидел нечто странное. На окне одного из домишек, припавшего к земле, наклоненного и прислушивающегося, на подоконнике, заставленном обыкновенными геранями и бархатцами в консервных банках, сидел круглый щетинистый ежик с пестрыми, отливающими сизо-черной сталью колючками. Ежик сидел в единственном тут глиняном горшке.

Растение такое было мне совершенно незнакомо. В том, что это растение, я, пожалуй, не сомневался: посажено в горшок, и цвет между иглами глянцевый, живозеленый... Но откуда такие иглы и круглая форма и никаких листьев, даже намека на них? Словно бы совместились в этом чуде и растительное и животное. Да и сам вид ежика был загадочно как-то смеющийся. Может быть, это плод? Что-нибудь вроде гигантского репья? Или чертополоха? Нет, оно все-таки не походило на плод, оно именно росло и, по-видимому, на корнях, как и подобает растению.

Я долго в задумчивости стоял перед окном домишки. Жила в нем какая-то старуха, похожая на ветошницу; сколько я ни видел ее, все тащила что-нибудь к себе: то оторванную доску, то щепки

в мешке, то тряпье, то ковыляла на базар с пучками моркови, укропа и лукового пера. Откуда у нее могло взяться такое диво?

Где мне было знать, что примерно четыреста лет назад, может быть, с таким же или еще большим изумлением рассматривали матросы Колумба подобные растения где-то на песчаных побережьях только что открытых островов. Именно испанцы, спутники Колумба, столкнулись в первом же путешествии с кактусами, и, как знать, не один ли из отростков, отпрысков тех колумбовых находок, рос теперь в нашем глухом, забытом временим переулке на старухином окне. Скорее всего так оно и было...

Может быть, читатель ждет, что с этого открытия и началось мое собирательство — любовь, страсть, увлечение... Нет. Наверное, всякой страсти, подобно заболеванию, необходим некий скрытый инкубационный период с тем, чтобы потом вдруг неожиданно для «инфицированного» — употребим здесь и второе сравнение из медицины — проявить себя резко, бурно, со всеми признаками заболевания и потрясения: жаждой, ознобом и неумными желаниями.

Чтобы закончить о первой встрече с кактусом, скажу лишь, что я восторженно описал «ежика» родителям, получил от них информацию, что это кактус, растет в пустынях, что его можно не поливать, и на этом удовлетворился, как удовлетворяется подобными же знаниями большинство людей, и не подозревающих, как неверно они представляют жизнь кактусов. О «ежике» я перестал как будто вспоминать, тем более что старуха из двухоконного домика куда-то девалась, исчезли с окон герани и бархатцы, потом и самые окна закрыли на ветхие, серые с вековой прожелтью ставни, заколотили их поперек досками, а там подошло то, что неминуемо подходит к, казалось бы, самому долговечному: дом разобрали, а за ним начал исчезать как-то с обоих концов и наш переулок, так что теперь помнят его разве старожилы да остался он еще вместе с тем домишком в моей памяти,

Возможно, что я редко вспоминал про кактус еще и потому, что всякого рода увлечений с избытком хватает в детстве. Увлечения перебивают друг друга, наслаиваются, мешают, идут одновременно и вместе, — тут могут быть и камни, и бабочки, и птицы, и жуки, и путешествия, и рогатки, луки со стрелами, индейские обычаи пле-

мени черноногих и навахо — мало ли что еще, чем увлекаются азартно, с отдачей себя всему новому целиком, всему открывающемуся и открытому как будто лишь тебе, для тебя и твоим детским умом... Не самая ли это счастливая пора, оттого что в ней больше всего открытий?

Наверное, я всегда любил растения и терпеть не мог ботанику, по крайней мере тогда, с тех пор, как столкнулся с нею, преподававшей по удивительно казенному учебнику. Растения я любил по-разному. С одной стороны, простая и родственная, если можно так сказать, потребительская любовь, присущая каждому, кто с пеленок рос в усадьбе, где есть огород, сад, двор и, следовательно, своя лебеда, своя крапива, своя гусиная трава, разные там хлопунки, «царские кудри», «калачики» и так без числа, ведь любое самое непонятное растение на детском языке имеет свое название, чаще всего произведенное от исследования на зуб, на вкус, на ощупь и на запах — кому не известно, что одуванчик горький, полынь еще горше, хуже не бывает, лебеда пресная, конопля терпкая, черемуха — вот бы и сейчас пожевал, крапива, если хотите, сами попробуйте, — ко всему этому, не говоря про горох, бобы, морковь, малину, лук, огурцы, помидоры, репу, — ко всему ты земно причастен, так же как к своему небу, крылечку, отцу-матери, заборам, поленицам — и мало ли еще к чему. Но я хочу сказать и о любви другой, более возвышенной и более изысканной. Другая любовь — это любовь к экзотике, к растениям дивным и чудным: к пальмам, панданусам, орхидеям, тропическим голубым кувшинкам, манграм, баобабам, пампасовой и слоновой траве, ко всякого рода лианам, бромелиям, ротангам и бамбукам — всему таинственно неведомому, что составляет понятие тропики, южные страны, дальние берега...

Замечено, что интересующиеся многим, как правило, не достигают совершенства ни в чем. На этот счет есть две восточные поговорки — одна из них гласит: знающий сто ремесел не знает ни одного; другая: тот, кто хвалит всех, не любит никого... И все-таки можно утверждать, что иногда из многообразия страстей, именно

из этой коллекционерской всеядности в конце концов, как из пересыщенного раствора, начинает выкристаллизовываться одно, а иногда и два-три больших и прекрасных увлечения.

Тот зеленый веселый эхинопсис (конечно, это был самый заурядный кактус, с точки зрения искушенного любителя), возможно, не привел бы меня к собиранию и выращиванию кактусов, он был лишь запалом, капсюлем, а ведь капсюли дают и осечки. Нужно было еще что-то, чтобы этот капсюль дал взрыв, движение, говоря языком техники. А тем временем грянула война, и надолго заглохло, отдалилось все, что росло и цвело в душе или ждало этого цветения, — заменилось житейской болью, тревогами, голодными днями, всем, что составляет страдное и страшное в своей сути понятие «война».

Дорога к кактусам открылась много лет спустя после войны, когда я опять невольно и опять на чужом окне увидел уже другой кактус. Это была опунция — растение с овальными колючими «лепешками», которое тотчас воскресило в моей памяти известный всем рисунок: пустыня, пирамиды, верблюд и эта самая опунция, ошетиленная иголками. Будучи к тому времени человеком уже достаточно просвещенным, я понимал, что все на таком рисунке неверно, ибо пирамиды находятся в Африке, на окраине Сахары, верблюд, по крайней мере двугорбый, животное азиатское, а опунция — растение из Америки. Конечно, сейчас же можно и возразить, что верблюдов теперь распространили по всему свету, а опунции растут ныне и в Египте, и в Испании, и на Кавказе, но все-таки истина дороже, и знать ее надобно каждому. Немало еще литераторов, к сожалению, населяют Африку тиграми, Америку львами, крокодилов называют земноводными, об «африканских кактусах» читаешь сплошь и рядом, даже у, казалось бы, весьма серьезных авторов, таких, к примеру, как Йенс Бьерре в книге «Затерянный мир Калахари».

«Помня, что спуск занял семь часов, мы начинаем подъем до того, как солнечный свет достигает дна каньона. Греющиеся на солнце ящерицы с любопытством провожают нас взглядом и исчезают между камнями. Вот лежит сброшенная какой-то змеей кожа, вот несколько кактусов в цвету... »

Нет, не кактусы цвели в каньоне среди пустынной Калахари — здесь живут не менее удивительные растения (так и хочется сказать существа), так же своеобразно приспособленные к экологическому режиму пустыни: зною, безводью, сезонным дождям и перепадам температур — это могли быть виды группы мезембриантемум, литопсы, конофитумы — «живые камушки». В Калахари есть растения, подражающие кактусам, замещающие их на Африканском материке, — кактусоподобные, как, например, молочаи *Euphorbia horrida*, *Euphorbia meloformis*, *Euphorbia obesa*, либо растения, целиком погруженные в почву и выступающие на поверхность своеобразные прозрачные линзы-окна, через которые проникает в них свет; есть в Калахари и целые мощные «деревья», скрытые «стволом» и «сучьями» под землей...

Но мы уклонились от темы — вот только дай себе волю... Опунция же, увиденная на окне, и произвела давно готовившийся взрыв страстей. Почти каждый день проходя мимо того окна, я бросал на него, как писали в старину, жадные взоры. Опунция манила меня, точно некая красавица. Кстати, почему не может быть красавицы с именем Опунция; они ведь, говорят, тоже с колючками и тоже редки, пусть простят автору такую вольность те, кто ждет поскорее описания опунций, их посадки, выращивания и точного видового названия, тем более что тогда я его не знал... В магазинах «Цветы» — были они в те дни до безобразия бедны, и купить там можно было лишь столетник-алоэ, гортензии, аспарагусы и еще что-то немудреное в унылых горшках — об опунциях слыхом не слыхали. В ответ на вопрос продавца: «А что это такое?» — я, горько махнув, уходил. Сие, наверное, и заставило меня решиться на отчаянный шаг и позвонить в незнакомую квартиру. Может быть, сейчас, тридцать лет спустя, меня просто бы не пустили за порог, но тогда нравы были не столь строги. Хозяин в полосатых пижамных брюках не только широко распахнул дверь, не только позволил уколоться об опунцию, но еще и щедро отломил мне без всяких просьб большую лепешку и снабдил устной инструкцией к выращиванию — все это с улыбками, с добротой невыносимой, на которую я сам, очевидно, совершенно не способен. Так на моем окне появился первый кактус. Мой кактус. И начался период

собиранья, первичный и начальный, точнее ею можно было бы назвать «оконным», имея в виду не столько свое, сколько чужие окна, «попрошайническим» или еще того хуже...

О периодах собиранья ниже будет сказано, а кактус мой, без всякой, впрочем, надежды, после подсушивания в течение двух дней (владелец рекомендовал сушить неделю-другую, но я так боялся потерять лепешку-черенок, что не мог вынести такого ожидания) был посажен в обычную жирную и черную землю с добавлением малой толики песку. Я посадил бы и вообще в один песок, помня, что опунция родом из пустыни, но даритель не рекомендовал мне этого, и сама его опунция росла в черной садовой земле. Недели три кактус был без признаков жизни. Оглядывая его всякое утро и всякий вечер, я лишь удовлетворенно отмечал, что опунция не гибнет, не сгнила и не свалилась. А на четвертую неделю на одном из округлых боков лепешки обнаружилась ярче других зеленеющая точка, уже на другое утро точка превратилась как бы в зеленый бутончик, а «бутончик» с каждым днем все явственнее стал превращаться в новую ярко-зеленую и необычайно прекрасную, как мне тогда казалось, лепешку. Кактус ожил! Много с тех пор миновало времени, тысячи самых разных кактусов довелось мне видеть, иметь и выращивать, но никогда уж не было такой свежей радости, как от той первой лепешки-побега, растущей как будто не по дням, а по часам. Кактус ожил. Он дал начало всей моей коллекции, а возможно, и этой книге.

Хотелось мне в ней рассказать о кактусах с момента их возникновения на Земле, рассказать о своей гипотезе их распространения, поделиться опытом как собственным, так и собранным и проверенным, хотелось, чтоб кактусы стали друзьями каждого равнодушного к чудесам природы. Тридцать лет отделяют начало коллекции автора от этих строк, и все кажется, что мало еще изучен кактус, лишь начал приоткрывать свои тайны; строптивное, замкнутое, неразговорчивое это растение, и многое-многое еще не понято в нем, хотя попадаетея и немало любителей с апломбом, мнящих, что знают и ведают все. Забывают они только, что истинная мудрость не растет на догме, что там, где воцаряется самодовольство всезнания, кончаются и удивления, и открытия, и сама радость

находок. Идти же к открытиям приходится с усвоения и повторения простого, с тех известных истин, подвергая сомнению которые только и можно прийти к открытию нового...

2.

ОТ КАНАДЫ ДО ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ

Уже говорилось, что если вы встретите кактусы в Египте, Индии, Испании, на Лазурном берегу или на Черноморском побережье, все это будут кактусы-переселенцы либо растения, внешне похожие по законам конвергенции, когда в близких условиях существования даже очень разные виды обретают сходство, как, скажем, акула и дельфин.

Кактус — дитя Америки и не обязательно Мексики, хотя в Мексике эти растения представлены, пожалуй, самыми удивительными, самыми разнообразными и самыми древними формами. Мексика невольно представляется местом возникновения кактусов или же своего рода естественным заповедником, где они многие тысячелетия развивались в мало меняющихся климатических условиях. Кактусы же появляются уже на суровых плоскогорьях Канады, индейской «страны Северного ветра» и далее распространяются от скалистых каньонов Вайоминга и Колорадо, через пустыни Аризоны и Техаса, через хребты мексиканской Сьерры, невысокие горы Центральной Америки и пояс Анд в Америке Южной до пасмурных побережий Огненной Земли и бесчисленных бухт Магелланова пролива. Везде растут и цветут кактусы, кактусы, кактусы, то соседствуя с горной елью и осинолистым тополем в Канаде, то среди жестких трав, колючего чаппарала в Мексике, то на отвесных скалах, на застывших и голых лавовых потоках, то в песках, то в жаркой саванне либо на морских побережьях, иногда окатываемые прибоем, рядом с упавшими пальмовыми орехами и пустыми раковинами, разнообразие которых ведаёт только природа.

Кактус — дитя Америки.

Но почему? Почему кактусы — если не считать некоторых эпи-

фитов-рипсалисов — встречаются еще только кое-где на островах Океании, занесенные туда явно птицами и течениями, и больше их нет нигде, если не считать «переселенных» человеком? Почему? В конце концов растет же бамбук, пусть разных видов, в Южной Азии, в бассейне Конго, на Амазонке и даже в Австралии, и точно так же распространены многие другие семейства: орхидеи, бромелии, пальмы... Загадка кактусов еще не разгадана полностью, можно лишь предположить, что они — растения более «молодые», чем орхидеи, бромелии и пальмы, разумеется, относительно молодые, ибо растения вообще долговечнее в смысле существования семейства, рода, вида, чем животные, и мамонты, например, бродили когда-то среди вполне современных ивняков, берез и елей. Итак, предположив, что кактусы сравнительно молодая и позднее других развившаяся группа, мы можем высказать и второе предположение, что они появились уже тогда, когда Американский континент отделился от гигантского праматерика древней суши и новые растения не могли преодолеть все расширяющуюся и расширяющуюся колоссальную «щель» Атлантики.

Теория движения материков, высказанная почти одновременно рядом ученых, но логически обоснованная Вегенером, долгое время отвергалась и осмеивалась, однако сейчас она, пусть с оговорками, принята большинством ученых, и странно даже, что вполне очевидная эта теория дрейфа материковых масс так долго оспаривалась. Земля живет, подобно живому существу, непрерывно меняется ее лик, воздвигаются горы, уходят под воду участки суши, рождаются острова, разрушаются горные цепи, бьется ее горячее атомное сердце-ядро, пульсирует, вырываясь на поверхность, земная кровь-лава, ни секунды не остается в покое атмосфера, движется по не уточненным еще законам вода океанов, и само вращение гигантского шара не свидетельство ли его своеобразной жизни? Сомневаться в движении материков можно так же, как в движении часовой стрелки, на первый взгляд совершенно неподвижной...

Итак, Атлантика была уже настолько широка, что ни с помощью ветров, ни с помощью крыльев, — если тогда еще не было птиц, то были, конечно, летающие ящеры, — преодолеть расстояние между континентами кактусы не могли.

Но почему именно кактус стал своего рода символом огромного континента обеих Америк — ведь смысл этого растения связан как будто с недостатком влаги, хронической сухостью, жарой и пустыней? Раз кактусы растут по всей Америке, значит, некогда был период, и возможно не один, когда климат повсюду становился суше, исчезали влажные леса, пересыхали реки и болота, и мир растений либо погибал (что такое каменный уголь, как не погибшие древние леса), либо, выживая, приспосабливался к изменившимся условиям. Жизнь и сегодня проявляет поразительную устойчивость, не прекращаясь ни в термальных источниках, ни в ледяных ключах, текущих с альпийских снежников, ни в глубинах с фантастическим давлением, куда лишь недавно заглянул человек, ни на высотах, граничащих с космосом. И пусть кто-то из скептиков сказал, что жизнь на Земле всего лишь налет плесени на корочке сыра, мы-то знаем, как могуча может быть плесень, иногда ее вполне достаточно для того, чтобы погубить самый большой сыр...

Возвращаясь к кактусам, хочу заметить, что, по-видимому, они сформировались именно в периоды повышения континентальности. Не подобный ли процесс идет и сегодня, на ваших глазах и замечен даже в крошечные относительно планетного существования периоды человеческой жизни, но сейчас он ускорен деятельностью человечества. Кто может сказать, что на протяжении его жизни такая-то река (речка, ручей) стала полноводнее, озеро шире, болото «топче», дожди обильнее? И сейчас еще легко найти древние русла рек по былым откосам и обрывам, точно так же как находят остатки древних челнов, казалось бы, в совсем неподходящем сухом месте, далеко от нынешнего озера. Какие реки текли по Земле, какие озера-моря плескались, когда таяли ледники, знает лишь подсознательная память человечества да всеведущая геология. Совершенно так же, но уже, как в микромодели, знаем мы в течение своей жизни «мочливые» и сухие годы и целые периоды лет, равно как в истории Земли период возрастающей континентальности, всегда связанный с усилением вулканической деятельности, поднятием суши и накоплением льда, сменялся периодами тепла и влага на десятки и сотни тысяч лет.

При всей кажущейся стройности современной географии, геоло-

гии, геофизики многие положения этих наук пока лишь гипотезы, и если ученые могут с точностью до десяти тысяч лет исчислить прошедшие оледенения и межледниковья, никто еще с абсолютной убедительностью не доказал, что вызвало массовую гибель динозавров или древних млекопитающих, что положило под слой вечности гигантские леса, равных которым уже никогда не росло на Земле. Самое же естественное объяснение — изменение климата в сторону континентальности, сухости и холода — не более чем следствие чего-то другого и очень значительного: загрязнения атмосферы дымом вулканов (сегодня вулканы заменило усиленно дымящее человечество), прохождения Земли вместе со всей Солнечной системой через облака космической пыли, задерживающие солнечный свет, изменения наклона земной оси и, наконец, наиболее вероятное — изменения места полюсов и перемещения материков.

Развитие же кактусов, очевидно, шло на фоне нарастающих засух, вот почему излишними оказались у этих растений сильно испаряющие воду листья, их роль взяли на себя стебель и так называемые ареолы, — род подушек, почек или узлов на теле кактуса, оснащенных вместо листьев колючками или пухом, шерстистым веществом или длинными щетинами. Стебель принял предельно компактную форму, какой является шар, круглая лепешка или колонна, кожица с редкими, хорошо запирающимися устьицами покрылась толстым слоем кутикулы, на поверхности шара или колонны появились бугры или ребра, позволяющие расчленять и рассеивать солнечный зной, проводить к корням струйки росы, увеличивать объем кактуса, либо сжимать его наподобие меха. Преобразованию подверглась и корневая система, способная либо собирать воду-росу из верхних слоев почвы, либо запасать ее вместе с питательными веществами в самом корне, либо вообще служащая лишь для прикрепления кактуса и не играющая в его жизни большого значения. Добавим, что кактус обладает способностью удерживать воду в желеобразном состоянии.

Словом, кактусы замечательно приспособились к жизни в пустыне... Однако почему же в пустыне? Да, многие кактусы способны выдерживать и зной, и длительное, годами, существование без дождя, однако растут они и в других ландшафтных зонах: горах, саван-

нах, пампасах, даже на заливных лугах. Разнообразие видов и мест обитания (биотопов) так велико, что, пожалуй, только на ледниках-глетчерах с кактусами не встретишься, хотя «идут» они в горы на высоту до 4000 и даже 5000 метров. Кактусы благоденствуют в местах, иногда самых неподходящих: они растут на деревьях, ползут по земле подобно лианам, свешиваются кучками листоподобных стеблей из дупел, селятся в трещинах коры, прячутся в травах и под сенью тропических водопадов, припадают к земле и стоят открыто под отвесным солнцем экватора, цветут на глинистых, твердых, как бетон, «такырах» и уже в совсем бесплодных вроде бы камешниках, скалах, осыпях, обрывах, не говоря уже про пески. В песках, однако, встречается меньшее число видов, чем в других биотопах.

Такое разнообразие мест обитания сделало кактусы несхожими и по внешнему виду и по режимам развития и роста, — каждый род этих растений по-своему чудо смысла, совершенства, воплощения практической, логической и эстетической мысли природы. Разумеется, любитель орхидей станет утверждать, что они во всем превосходят кактусы, собиратель модных ныне бромелий начнет превозносить своих любимцев, а знаток африканских суккулентов будет только ухмыляться с видом человека, уверенного в неизмеримом превосходстве своих подопечных... Но не будем ввязываться в бесплодный спор — он подобен спору о женской красоте: для многих она имеет совершенно противоположные критерии при не исследованной еще общей сути.

Число описанных видов кактусов, даже без разновидностей, близится к 4000 видов. Учитывая изменчивость этих растений, можно было бы «сузить круг» до полутора-двух тысяч, в то время как в иных руководствах, скажем, в «Иллюстрированной энциклопедии растений», названа, по-видимому, ошибочная цифра — пятнадцать тысяч видов.

Если орхидеи поражают причудливостью и красочными радугами цветов при относительной невзрачности своих стеблей и листьев, то кактусы поражают воображение и формой, и окраской, и цветами, и колючками, и образом жизни.

Если вам встретится растение, приближающееся по форме к

идеальному шару, к сплюсненной сфере, полушарию, многоугольнику, кубу, цилиндру, многограннику или пирамиде, — скорее всего это будет кактус.

Если перед вами растения фиолетового, коричневого, всех оттенков серого, зеленого, красноватого, желтого, оранжевого, лилового, голубого, черного, белого и даже синего цвета, — вполне возможно, что это кактусы.

Если вы видите растения, похожие на колонны, столбы, палицы первобытных охотников, скипетры и державы, на булавы, шерстоперы, на ежей, дикобразов, ершики для мытья бутылок, на клочья хлопка, подушки мха, куски гранита, изделия из камня, нефритовые безделушки, орденские звезды, ананасные, еловые и сосновые шишки, на голову старого волшебника, на морских ежей, на бутылки, блюдца, пуговицы от пальто и вообще уже ни на что не похожие уродливо причудливые куски и комья живого зеленого шерстистого вещества, — все это кактусы.

Если вы встретите цветки, похожие на майские желтые одуванчики, на желтые же ромашки-пулавки, на чашечки мака, на ландыши без черешка, на мелкие подснежнички, на белые лилии, на колокольчики всех цветов — от палевого до зеленого, сиреневого и нежно-фиолетового, если вы увидите крохотные цветочки, подобные жемчужинкам, нанизанным на гирлянду или торчащим из каждой зазубринки-пазушки плоского «листа», или цветы, образующие хороводы на темени растения, или бьющие вверх цветным «фонтаном» белого, желтого, розового и красного цвета, или наткнетесь на цветы-громадины до полуметра в размахе крайних лепестков, белые, пахучие и светящиеся в темноте, — все это тоже кактусы, цветы же могут открываться ежедневно на протяжении нескольких недель или быть скоротечными, как жизнь поденки.

Колючки и шипы¹ кактусов вошли в пословицы. Считалось, что они служат для защиты растения, на самом же деле новейшие исследования показывают, что колючая оборона играет подсобную роль, главная же функция колючек и шипов, представляющих собой

¹ Здесь и далее автор употребляет слово «шипы» лишь как синоним слова «колючки».

не что иное, как редуцированные, измененные листья или части почки — ареолы — защита кактуса от солнца путем рассеивания его лучей, улавливание ночной влаги (вспомните, что именно на концах острых травинки и хвойных игл образуются капли росы), «транспортировка» этой росы к стеблю с возможным частичным всасыванием ее и, наконец, защита от ночного холода, здесь большую роль играют не колючки в строгом понимании этого слова, а растительная шерсть, войлок и подобие ваты, окутывающей тело многих горных кактусов. Разнообразие форм и окраски колючек безмерно велико. Шерстистый мягкий ворс, жесткий «бобрик», что-то подобное седым волосам и длинным щетинам, роговые крючья, «стальные» кинжалы, штыки, сабли, крючки, собранные в розетки и короны, колючки, подобные перьям, морозным иглам, снежинкам, паутине, кружевным накидкам, клочкам пергамента и бумаги, — от едва различимых до вытянутых в длину на пятнадцать сантиметров. Наконец, имеются кактусы и вообще лишенные колючек.

Если вы найдете растение, которое можно, вытащив из земли, бросить на месяц-два и на полгода без поливки, а посадив, увидеть, что оно живо и быстро тронулось в рост, — это будет кактус.

Но если вы увидите растение, которое еще вчера казалось свежим и здоровым, а через день от него осталось лишь подобие скорлупы и кучка желтой слизи — это также может быть кактус...

Не исследовано еще, днем или ночью растут кактусы — скорее ночью, как другие растения пустынь, предположим, известные всем арбузы. Если кактус не имеет признаков видимого роста, это еще не значит, что он «спит», — кактус растет, закладывая будущие цветочные почки и зачатки новых корней, укрепляет свои ткани, запасает и откладывает вещества, необходимые для предстоящего быстрого роста и тем более цветения. Некоторые кактусы большую часть года проводят в такой подготовке, ничем не обнаруживающейся по внешнему виду, и лишь два, много три месяца стремительно растут, другие «отдыхают» дважды, третьи вообще растут настолько медленно, что кажутся погруженными в постоянную спячку.

Иногда думается: «Полно, уж земные ли это растения? Не оставили ли их в подарок Земле некие космонавты, пришельцы из мирового пространства, с какой-нибудь дальней, похожей на Землю,

но более засушливой планеты, не приземлялись ли они случайно на Американском материке несколько миллионов лет назад?» В самом деле, слишком необычен вид этих растений, особенно среди привычных всем травы, кустарников, камней и песков, среди встречающихся везде в Европе, в Азии и в Америке метельчатых дерновников, простецких цветочков вроде луговой герани — настоящим чудом глядясь на этом фоне группы кактусов, как некие гости марсиане. И недаром выдвигалась гипотеза, что растительность Марса, если она имеется, — а как будто уже ясно, что ее нет, — должна бы походить на высокогорные кактусы. Пейзаж же из одних кактусов — цереусов, опунций и шаровидных эхинопсисов — где-нибудь среди каменных глыб, потоков лавы, базальтов и обломков скал на ярком закате, на восходе или лунной ночью производит ирреальное впечатление и всегда наводит на мысль, что стоило какому-то звездолету-космолету, пролетая над обеими Америками, рассеять семена этих растений...

Однако довольно фантастики. Я мог бы долго распространяться о причудах этих растений, но вся книга еще впереди, и еще много раз мне придется использовать эпитеты удивительный, необычный, волшебный, потрясающий, приводящий в изумление, великолепный, уникальный, непохожий, совершенный, сказочный, невероятный, прекрасный...

3.

РАДОСТЬ «ЧЕРЕЗ» КАКТУСЫ...

На прилавке букинистического магазина лежала книга. Очень добротная с виду, в лакированном «супере», что по тем временам — пятидесятые годы — было еще модной новинкой, она вещала на немецком языке, что я могу получить «радость с кактусами». «Радость... через кактусы... » — перевел какой-то знаток языка, стоявший рядом со мной. Усмехаясь такому своеобразному перево-

ду, я однако купил книгу, не подумав, что именно отсюда и начнется уже подлинное мое увлечение. Домой я шел с предвкушением радости и действительно испытал ее, едва открыв книгу, увидев прекрасные цветные иллюстрации-вклейки, рисунки на полях и американские пейзажи с кактусами. Дикое плоскогорья, заваленные обломками гранитов, гнейсов и базальта, конусы вулканов, обрывы пропеченных солнцем скал, саванны, ровная пампа и экзотические яркие до едкости в цвете синие и солнечные берега океанов. Всюду там были кактусы, кактусы, кактусы, очаровательно цветущие, глядящие на мир глазками ареол, ягодами, похожими на землянику, либо с плодами — подобием гладких овальных плодов шиповника, лишь покрупнее и малинового цвета. Кактусы были разнохарактерные: одни — ошетененные растопыренными шипами, напоминали суровых воителей, гладиаторов, другие, напротив, кроткие и женственные, наряженные в кружевные накидки и ажурные юбочки.

Книга была обстоятельная, написана с немецкой пунктуальностью и немецким педантизмом. К великому сожалению, я не настолько владел языком, чтобы сразу погрузиться в чтение. Текст содержал массу новых для меня слов и терминов да и стилистически отличался от того, что мне доводилось читать. Моих знаний хватило лишь на перевод подписей под картинками, и не поручусь, что здесь я не ошибался, не брел по наитию. Так началась моя «радость через кактусы». Удивительная книга прежде всего заставила меня заниматься немецким языком. Я прекрасно понимал всегда, что ни к вундеркиндам, усваивающим любой язык максимум за полгода, ни тем более к полиглотам, которые, изучив один язык за две недели, переходят, не теряя времени, к следующему, я не принадлежу. И все-таки начал освежать в памяти жалкие знания, приобретенные в школе и в институте, как я тогда считал — низачем и незачем. Теперь же, занимаясь немецким, я вдруг почувствовал, как прибавляет знание иностранного языка чего-то подлинно человеческого и возвышающего, хотя скажу прямо, не выполнил намеченной программы, не стал ни знатоком, ни переводчиком. Однако стереотипные аннотации освоил довольно легко. Были они, к примеру, такие:

«Бразиликактус Гресснера. Имеет большей частью плоскоокруглую форму со вдавленной вершиной. Одет в золотисто-желтые

колючки. Цветет зеленоватыми цветами. Весной требует притенения. Родина — Бразилия. Рио-Гранди-ду-Сул».

«Ферокактус электрокантус узнается по своим янтарно-желтым колючкам, имеет средней величины округлое туловище и до 25 острых ребер. Родина — Восточная Мексика... »

Книга заставила заняться и латынью. Ее я совершенно не знал, но поскольку кактусы, как все животные и растения, обозначаются двойным названием (род и вид), а также объединяются внутри своего семейства еще в подроды, в группы родов, секции, подсемейства, мне помимо интереса к чистой систематике захотелось узнать, что обозначают все эти мудреные слова — Эхинофоссулокактус пентакантус или уже упомянутые Бразиликактус гресснери и Ферокактус электрокантус. Читая латынь, я произносил эти трудные для русского уха слова, конечно, ужасно, — говорил, например, церéус, фрайлéя, а надо, оказывается, цéреус, фрáйлея, — пугался и путался, пока не обзавелся хорошим словарем и учебником латинского языка. С тех пор слова становились все более послушными, и потихоньку я стал переводить названия кактусов, записывая их в особую тетрадь. Так начал я обогащаться еще одним нужным языком — латынью, и кактусы приобрели в русском переводе ясное, простое значение: Кактус бразильский Гресснера, Кактус воинственный янтарно-колючий... В дальнейшем я уже редко называл их по-русски; латинское название позволяет хорошо сочетать значение двух слов в одном, в то время как в русском переводе все это звучит, по чеховскому выражению, как-то «трехполенно», но в то же время ясное понимание смысла латыни способствует и большему пониманию самого предмета, добавляя нечто к совершенствованию собственной души.

Книга, которую я читал все с большим удовольствием, распаляла и без того достаточно пылкое воображение — употребим здесь оборот, характерный для писателей восемнадцатого века. Но книга оставалась книгой, а мне нужны были кактусы, сами кактусы, эти растения «с янтарно-желтыми» и всякими прочими колючками и ребрами, со всеми их цветами и шипами. Я хотел их видеть, трогать, искать, выращивать, осязать, наконец, просто ИМЕТЬ.

Станный все-таки этот глагол иметь... Из-за него челове-

ство претерпело и претерпевает и самые большие свои беды и самые большие радости. Может быть, это именно: радость через...

Во всем нашем огромном городе (тогда еще несколько не доросшем до миллиона, но успешно дораставшем, так что его уже именовали миллионным, испытывая, очевидно, чувство то ли столичности, то ли приобщенности к чему-то столичному), так вот во всем этом городе не было ни одного крупного кактусиста (имеется в виду коллекция видов в сто), даже, пожалуй, и мелких было негусто. Ходили слухи, что кактусы есть у некоего профессора, славного своими династическими корнями (и отец его, и дед, и прадед — все были профессора), но тут же и добавлялось: к профессору не пробиться, силен заслон прислуги, на звонки хозяин не отзывается; ходили слухи, что кактусы есть у какой-то женщины на дальних загородных улицах, однако адреса дать никто не мог; ходили слухи, что... А пока я завел себе неприличную привычку внимательно осматривать окна во всех квартирах, какие попадали в поле моего зрения. К сожалению или к счастью, этот метод собирания кактусов по чужим окнам, в целом весьма противный и унижающий человеческое достоинство, был и неощутимым по результатам. Прибавилась у меня еще одна опунция, покрытая белыми волосками и лирично названная теми, кто ею владел, «тещин язык», да три-четыре разновидности гастерий, гаворций, стапелий и алоэ. Их также именовали кактусами, и я, хотя уже умудренно знал, что к кактусам они не имеют никакого отношения, все-таки приобрел их, — как-никак лучше, чем ничего. К тому же гастерии, гаворции и алоэ гляделись весьма экзотично, особенно алоэ жемчужный, покрытый мелкими белыми бородавочками, алоэ же полосатый, растущий веселой, посмеивающейся словно семейкой-порослью, был вообще бесподобен.

Как ни хороши были эти растения, — они составили уже на подоконнике живописно-пеструю, но нестройную группу, — как ни поражали моих знакомых, уже присвоивших мне титул знатока и собирателя кактусов, страсти оставались неудовлетворенными и на десятитысячную долю, тем более что автор принадлежит к тому типу людей, которым надо или все, или уж ничего, последнее обычно

отбрасывается. Итак, я жаждал кактусов, хотел их сто, двести, пятьсот, тысячу видов, и будь моя воля и возможности, наверное, собрав все богатство видов кактусовых, не теряя времени, принялся бы за африканские суккуленты, а там дошел бы черед и до орхидей, до пальм и мало ли еще до чего... Во всяком случае я хорошо знал себя. Еще в детстве, отклеив от письма первую красивую марку с картой перелета через Северный полюс в Америку, тут же принялся выклянчивать деньги на марки у матери (и небезуспешно), а цель была ясная: собрать все марки не только Советского Союза, но и всего мира. О других желаниях автор не распространяется, они были такие же, как у многих читателей.

Итак, у меня было четыре вида кактусов: две опунции и два эхинопсиса, которые мне очень хотелось считать все-таки разными видами, но эхинопсисы, видимо, этого не понимали и месяц от месяца становились все более похожими друг на друга. Где взять кактусы? Купить? Найти? Выиграть в лотерею? Получить от богатых родственников прямо из Мексики? Провезти через границу, как провезла одна дама, завернув в деликатный предмет женского туалета? Ни на один этот риторический вопрос ответа не было. В цветочных магазинах царил убожество, боюсь, что и сейчас они не блещут, непонятно, по каким причинам; родственников за границей я не имел и с гордостью писал это в анкетах, сам за рубеж не собирался, естественно, не мог воспользоваться и дамским способом перевозки кактусов. Обследование же всех окрестных теплиц, садовых хозяйств принесло плачевные результаты: кактусов там не было или почти не было, в лучшем случае имелись те же эхинопсисы, опунции, вероятно, состоявшие с моими в прямом родстве. И вот... Эврика! Есть же ботанический сад. Сад института биологии! Ботанический... Сад. Эврика! Уж тут-то я разживусь, если не кактусами, то хотя бы семенами... И на другой же день я мчался на трамвае к желанному заведению. Ботанический сад и сейчас находится там же, на гигантских пустошах, по-моему, лишь немного уступающих по площади Бельгии, Голландии и Люксембургу, взятым вместе. Есть тут и лес, и воды, но главная часть — необозримые пустыри, кое-чем засаженные, кое-чем засеянные. В те годы была здесь, видимо, собрана уникальная коллекция сорняков,

с которыми без большого энтузиазма боролись отряды школьников, присылаемых на прополку. Многое, правда, сейчас меняется в лучшую сторону, уже и аллеи еловые появились, и вход оформлен красивой вывеской... Тогда же я просто прошел в подобие ворот и, хоть пейзаж сада мне в общем был известен, все вертел головой в надежде увидеть где-то в стороне какие-нибудь платаны, гигантские дубы, буки или еще какую-то непременно принадлежность всех ботанических садов, а главное ждал: вот покажутся теплицы с пальмами, с цветущими орхидеями и другими дивными растениями со всех концов земли. Теплицы, и верно, попались мне поодаль от тропинки, — их было две и обе старые, прогнувшиеся, гнилые, с закопченными стеклами, через которые вряд ли проникал солнечный свет, а если и проникал, то, наверное, лишь в виде сумеречного полумрака. Стесненные, упираясь в крышу, росли там какие-то растения, очертаниями похожие на пальмы. Оба строения были заперты на глухие висячие замки, что яснее ясного говорило мне о крушении моих надежд.

Прием же, оказанный директором сада, превзошел все ожидания. Директор щедро улыбался, понимающе кивал, обнадеживающе смотрел. Выслушав меня, тотчас вызвал свою помощницу, видимо, нечто вроде завуча по школьным меркам, велел ей показать теплицы, сказал, что разделяет мою страсть к кактусам, что кактусы — это чудесная вещь!

— Да... Они так красивы! — восторгался я, предвкушая поживу.

— И обладают удивительными свойствами, — добавил директор.

— Кроме того, я хочу их изучать, — снова сказал я.

— И можно создать дома бразильский пейзаж, — быстро добавил директор.

Этот «бразильский пейзаж» чем-то меня огорошил. Почему бразильский? Может быть, он хотел сказать — мексиканский?

Я проследовал за «завучем» в душное тепло оранжереи. Замки не были сняты, и, что самое забавное, под замком обнаружилась старая женщина, что-то там поливающая с тихим ворчанием. Оказывается, замок висел для устрашения на главном входе, а пользовались входом в теплицы с другой стороны, через маленькую дверцу.

В сумраке теплиц и вправду оказались кое-какие пальмы, араукарии, драцены, фикусы, кордилины, но того, что я ждал и жаждал, было горестно мало. Коллекция кактусов занимала полстеллажа. В мелких невзрачных горшочках сидели мелкие невзрачные растения с колючками, совсем не такие, как на роскошных иллюстрациях в моей книге. Это была опять «радость через...». И кроме того, женщина-«завуч» поведала мне, что кактусы, конечно, не продаются, а дать что-либо, может быть, и можно было б, но... отводок у кактусов нет... Те, что были, давно выщипаны сотрудниками. Так она и сказала — «выщипаны сотрудниками». И я понял, что лучше всего ничего тут не просить, а надо только улыбаться, благодарить, смотреть, ахать, восторгаться, приходить в умиление, снова благодарить и еще вежливее смотреть.

Очевидно, мои восторги, восклицания, поклоны кактусам при осмотре коллекции — а это все-таки была коллекция, учитывая то давнее время, коллекция, ибо в ней были даже кактусы-столбики, цереусы, казавшиеся мне, обладателю опунций и эхинопсисов, верхом кактусового совершенства, даже было что-то напоминающее ананасную шишку (Мамиллярия центрицирра — я предвижу улыбку знатоков), — мои восторги разжалобили «завуча», и она сказала, что даст мне, что возможно. В результате этого доброго акта я вышел из ботанического сада со следующими дарами: лепешкой опунции уже известного мне вида, черепком Мамиллярии Вильда, — о улыбки знатоков! — побегом Мамиллярии пролиферы — еще хуже улыбки! — четырехгранным стебельком селеницереуса, и, что самое ценное, на мой тогдашний взгляд, с пуховой головкой Мамиллярии боказана — еще улыбка! — похожей на одуванчик, если бы его пуховую суть снабдить редкими крючковидными колючками от репейника. Кроме всего, был еще в моих руках лист растения, названного «щучий хвост», — то бишь, сансевьеры цейлонской.

Теперь я чувствовал себя кактусоводом, чувствовал, что «оконный» (назовем его все-таки благородно) период собирательства подходит к концу.

Действительно — дальше заколодило. Кактусов не было нигде. Моя коллекция, если можно было ее так назвать, почти не пополня-

лась, зато желание раздобыть новые кактусы росло в геометрической прогрессии по мере того, как я читал книгу «Радость с кактусами», все более просвещаясь и приобщаясь к тайнам кактусового мира. А далее я приобрел и другую книгу того же Вальтера Хаге — название ее не слишком удачно, хотя и четко, переводится так: «Практическая книга о кактусах в красках». Книга была самым щедрым образом оснащена великолепными цветными иллюстрациями африканских суккулентов и кактусов, кактусов, кактусов во всем величии их красок, форм и цветения. Честно говоря, я уже начал негодовать и против В. Хаге, невольно поставившего меня в положение античного героя, обреченного страдать от голода и жажды перед видом всех возможных яств и питания...

Но где же взять кактусы? Ну, пусть не кактусы, пусть бы семена. Предлагают их ныне фирмы США, Японии, ФРГ, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Германской Демократической Республики, Чехословакии. Но — нет, недоступны и ныне семена многих кактусов (а что говорить про орхидеи, бромелии, пальмы). Оказывается, это вроде предметов роскоши. И встает вопрос: разве не покупаем мы бананы, кофе, какао, апельсины? Неужели семена кактусов и других интереснейших радующих человека растений, которые, кстати, и не надо ввозить тоннами, невозможно закупить, чтобы каждый любитель мог выращивать все, что ему хочется? Разве не принесли бы нам пользу семена и растения, которыми столетиями уже увлекается весь мир, а иные страны вроде Сингапура, Голландии, ГДР имеют на этом приличный доход? Видится мне некое должностное лицо из торгового ведомства, произносящее, сурово насупясь: «Кактусы? Колючки? Что за блажь? Обойдутся... Тратить народные деньги... » И невдомек этому лицу, что давно обернулись бы те деньги немалой прибылью для государственных магазинов и теплиц, что маленькая ГДР, представьте себе, вывозит кактусы... в Канаду. И берут, покупают, ценят... Умолкаю в надежде, что прозреет кто-то, ведающий семенами ли, закупками ли апельсинов-бананов, рано или поздно должно такое быть...

А пока хотел было автор повествовать, как добывал он в течение целого десятилетия кактусы у разных дельцов и деляг, как его обманывали, обводили вокруг пальца, всучивали гнилой в прямом

смысле товар, присылая в посылках (кактусы прекрасно переносят и месячную транспортировку), как тратил он немалые деньги на приобретение кактусов вновь и вновь взамен погибших, ездил за ними и в Москву, и в Прибалтику. Все это можно бы описать, получилась бы поучительная книга, — к сожалению, не столько о кактусах повествовала бы она, сколько о страстях человеческих... Это был путь к кактусам, которым я никому не посоветую идти, хотя идти им все равно будут, особенно люди нетерпеливые, которым надо сегодня же все сразу и кактусы надо сразу взрослые... Однако, идя этим путем, я не только приобретал растения по дорогой цене, но вместе с ними и всех мыслимых паразитов, все кактусные заболевания, а растения, чаще всего из теплиц и оранжерей, в новой среде, на окне, под иным солнцем и в другом режиме содержания чувствовали себя плохо, «переживали», не росли, «стояли», а что хуже того, загнивали и гибли без всяких, казалось, видимых причин. Такое собирательство было радостью почти через слезы...

И все-таки коллекция росла, увеличивалось число видов, я перешел к периоду, который можно было назвать «видонакопительским». Скажите, любители, кто не пережил этот период под негласным девизом: «Видов! Видов! Видов! Как можно больше». Здесь собирание удивительно напоминает сказку о рыбаке и рыбке, где роль сварливой старухи и безропотного старика приходится играть попеременно самому, а роль золотой рыбки тем дельцам, кто и сейчас «издает» приманчивые проспекты-списки кактусов и рассылает их любителям... Если я скажу, что коллекция моя достигла сегодня уже приличных, по крайней мере для сурового Урала, размеров (около пятисот видов), я кого-то удивлю, а кто-то посмотрит на меня с превосходством. Ныне стали встречаться собрания в 600—700—900 и даже тысячу (!) видов, как встречаются-предлагаются в упомянутых выше, отпечатанных на ротапринте проспектах сеянцы самых редких видов. «Так в чем же дело?! — воскликнет иной читатель. — Значит, все в порядке». В том-то и суть, что в проспектах против каждого крохотного, миллиметрами измеряемого сеянца стоит цифра 5—10—15—20—25—40 и даже 70! — рублей. Вряд ли нужны здесь комментарии. «Бойкие люди» делают

свой бизнес. Бойкие люди всегда наживались на страстях человеческих...

Третий период собирательства можно бы назвать кактусоводческим. Тут автор наконец-то пришел к выводу, что нет лучше растений, выращенных самим, а значит, стойких, отобранных, приспособившихся и закаленных — и все силы, а главным образом средства употребил он на то, чтобы добыть, достать (нет, не втридорога, намного дороже) эти самые семена. Добыл, достал, посеял и после разного рода мучений, разочарований, «радостей через» стал владельцем коллекции молодых кактусов, выросших под уральским небом, под его, автора, непосредственным ежедневным попечением. Дальше в книге будет подробно рассказано, как вырастить кактусы из семян, что ждет вступившего на этот путь. Но признав этот метод наилучшим, а этап самым плодотворным и результативным, хотя бы по количеству полученной радости (по отношению к количеству разочарований), автор вступил в четвертый период собирательства, пока еще не обозначенный.

Мне показалось, что, поскольку нельзя объять необъятное, стоит сконцентрировать свои усилия на выращивании, изучении наиболее интересных, редких и трудных в культуре видов, а также тех, которые особенно нравятся (у всякого коллекционера есть такие любимчики, и не обязательно они из самых редких). Я пришел к выводу, что хватит для радости две-три, от силы четыре сотни видов, были бы они здоровы, росли уверенно, не болели и не поражались ничем. Двести видов красивых и редких кактусов — великолепная коллекция, четыреста — и вовсе мечта, потому что требуют они много забот, хлопот, свободного времени и знаний. Миф о том, что кактусы якобы тем и хороши, что их и «поливать не надо», пусть останется мифом для несведущих¹. Даже один-единственный кактус на окошке, самый неприхотливый, для того чтобы он рос и цвел, требует и времени и знаний. Если умножить это пусть небольшое время и небольшие знания на двести, а тем более на четы-

¹ Так же как и утверждения вроде: «кактус цветет раз в сто лет», «кактус растет только на солнце», «кактус растет только в песке», «удобрять кактусы ни в коем случае нельзя», «кактусы надо поливать чаем», «сахарным сиропом», «помоями» и т. д.

реста, — мы и получим внушительные затраты труда. Но здесь автор умалчивает, чтобы перейти к дальнейшему описанию всего того, что было и чему следовало быть...

Что такое знание? Не что иное, как записанный опыт.

Карлейль

4.

СИСТЕМАТИКА, ПЕДАНТИЗМ И БУХГАЛТЕРИЯ

Во всех руководствах по кактусам непременно дается и их систематика. Подробно объясняется, что каждое растение имеет двойное латинское название (род и вид) плюс начальные буквы фамилии описавшего его натуралиста — что всегда мне лично кажется великой несправедливостью по отношению к тем, кто это растение открыл, добыл, нашел, привез и дал в руки ботанику. Итак, если вы, пробираясь сквозь дебри, взбираясь на кручи, рискуя жизнью и терпя лишения, открыли, нашли новую орхидею или кактус, ваше имя не будет известно и тем более увековечено, в то время как тот, кто с лупой в руке, в спокойном уютном кресле, не выходя из дому, не отдаляясь от него, может быть, всю свою жизнь далее почтамта и рынка, опишет вашу находку, присвоит ей название — и будет отцом нового растения. Великая несправедливость... Но что делать? Единственное утешение, наверное, в сладости самой находки, в сладости поиска, всего, что входит в понятия путешествие, искание, открытие, и кто из нас, грешных, не бредил, не носил в мечте — выйти куда-то на нетоптанный склон, в неведомое место и вдруг (именно вдруг) увидеть меж камней и кустарников еще никем не виданный цветок, растение, что миллионы лет жило безымянным, словно бы таилось от всех, а вот пришел ты и стоишь перед ним в восхищении и понимаешь: оно твое, открытое тобой... О, восторг и счастье первооткрывателя, ради тебя люди шли на любой риск, в любую даль! В каждом пособии по кактусам вам

помогут понять (может быть, в двухсотый раз), что виды в систематике объединяются в роды, роды в семейства, семейства в отряды, отряды в классы, классы в типы, а типы в царства. Заниматься углубленной систематикой можно лишь со специальной целью, изучая ее досконально. Обычно же любители редко погружаются в ее дебри, вот почему я не хотел занимать время читателя и выношу систематическую классификацию семейства кактусовых в приложение. Скажу лишь, что все семейство разделяется на три неравных по количеству видов подсемейства: пейрескиевые, опунциевые и цереусовые.

Отличаются растения этих подсемейств довольно хорошо, потому что пейрескии нечто вроде колючих кустарников с настоящими листочками, опадающими в сухое время, опунции характерны своими лепешками (хотя есть среди них круглые и столбовидные формы, похожие на цереусы, и есть растения с овальнокруглыми члениками, главным образом это тефрокактусы), все же прочие кактусы (более 3000 видов) относятся к цереусовым. И здесь могут быть шаровидные, цилиндрические и столбовидные кактусы предельно разнообразных окрасок, «околюченности», с самыми разными типами ребер, выступов, «углов» и т. п. — они-то и служат главным объектом коллекционирования.

Систематика кактусовых отразила и их географическое распространение, ибо кактусы делятся на две большие группы (ветви) — северную (североамериканскую) и южную (южноамериканскую). Должен заметить, что при всей нелюбви к систематике, нежелании запоминать множество труднопроизносимых родов знать ее надобно, как нельзя не знать таблицы умножения. Нехотя, часто из-под палки, с понуканиями учителей и родителей изучается сия премудрая таблица для того, чтобы впоследствии стать основой всех математических построений. Думаю, что без нее не обходились ни Лобачевский, ни Эйнштейн. Точно так же дельный кактусовод обязан вызубрить хотя бы классификацию подсемейства цереусовых. (если сил не хватит на остальные два подсемейства) для того, чтобы далее спокойно ориентироваться в богатстве его родовых групп и не путать эхинокактусы с эхиноцереусами, а тем более с эхинопсисами, ариокарпусы с турбиникарпусами.

А о том, что родов истинное богатство, говорит хотя бы краткое перечисление, скажем, членов северной группы. Здесь мы видим и покрытые жесткой, морщинистой, какой-то ящерицевой или даже слоновой кожей-скорлупой розеокактусы, удивительные крапчатые астрофитумы, опушенные пуховыми перышками эхиномастусы, обрегонии, стромбокактусы и энцефалокарпусы — подобные еловым, сосновым и кедровым шишкам, великолепные мелово-белые мамиллярии в узорных косынках колючек, морщинистые ацтекиумы, лишенные колючек лофофоры и много еще других, не менее удивительных видов и родов. В южноамериканской группе мы встретим мрачноватые гимнокалициумы, стройноокруглые нотокактусы, высокогорные шерстистые ореоцереусы, яркие веселые бразиликактусы, миниатюрные блоссфельдии и фрайлеи, своеобразные кактусы-чилийцы: темно-серые, дымчатые, фиолетовые и зеленые, часто покрытые дико торчащими черными шипами. Если бы собрать всех самых интересных представителей севера в одну коллекцию, а всех лучших с юга в другую, мы увидели бы поразительную по красоте и разнообразию форм картину, причем и северная, и южная группы, сохраняя разнообразие, имели бы каждая свой общий, неуловимо объединяющий растения оттенок, характер, отпечаток, который трудно передать словами.

Можно сказать лишь, что северные кактусы, главным образом «мексиканцы», производят более жесткое впечатление — они как-то крепче, шиповатее, приспособленнее к резким перепадам температур и к солнцу. Южноамериканские собратья кажутся более женственными, мягкими, нежными, они и более «цветисты», хотя, когда речь заходит о цвете и цветении, могут возникнуть и разногласия. Но я передаю в книге лишь впечатления, которые испытал сам, мнение мое отнюдь не бесспорно, и я заранее прошу читателя с ним не соглашаться, если у него есть на то свое особое мнение. К тому же встречается довольно часто коллекционер, «принципиально несоглашающийся». Этот вид еще недостаточно изучен наукой, но формула его поведения довольно проста: достаточно кому-то сказать: «Да!» — чтобы принципиально несоглашающийся тотчас возразил: «Нет!» К примеру, я не очень люблю эхиноцереусы, несмотря на то что эти кактусы красиво цветут, и тут же несоглашаю-

щийся возопит: «Да как вы смеее так говорить! А Эхиноцереус делаеттн? Эхиноцереус книппелианус? А пектикатные эхиноцереусы?! Это же чудо красоты!» И я соглашусь, скажу, что, пожалуй, и мне эти названные виды тоже нравятся. «Ах, нравятся?! А мне, в общем-то, не очень! — обязательно скажет на это строптивец. — Эхиноцереус делаеттн в конце концов все-таки «ложный старичок» и ни в какое сравнение не идет со «старичком настоящим», то есть с Цефалоцереусом сенилис». И опять, если я соглашусь, признаю, что Цефалоцереус сенилис эффектнее, несоглашающийся, насупясь, скажет: «Ну, что там цефалоцереус, это прошлое в кактусах, вот, например, уэбельмании — это... » — и так без конца.

А возвращаясь к коллекциям северо- и южноамериканских кактусов, скажу лишь, что собрание их, скажем, по сто видов каждой группы, производит потрясающее впечатление и на самого равнодушного к растениям человека. Хотя кактусоводу надо помнить, что исключения бывают, и нередко. Хорошо показывать коллекцию людям интересующимся, доброжелательным, хуже показывать тем, кто интересоваться — интересуется, но при этом вдруг чернеет, мрачнеет, голос становится прерывистым, замечания едкими, и все сводится к тому, что ничего, мол, хороша коллекция, но видел где-то в Москве, в Японии, когда ездил вокруг Азии, — вот там коллекции так коллекции... Таким людям лучше ничего не показывать. В другом крайнем случае, когда коллекцию смотрит, предположим, женщина-тряпичница, — ей бы журналы мод, капроны-шифоны, а вы с кактусами своими лезете, — вот и услышите такой вопрос: «А, что? Это... Все... Разные? Да?» — «Разные, — тяжело так ответишь, вглядываясь в свою пятисотвидовую коллекцию. — Разные... »

— А-а, колючки... Вот бы моего мужика сюда посадить, когда пьяный приходит, — применительно к делу оценила эту же коллекцию бойкая почтальонка, доставившая мне почту.

Что поделаешь... Разные люди, разные взгляды, и всегда вспоминается простая мудрость, что радость надо делить со способным на радость, а горе — с перенесшим горе. Во всех этих оценках, услышанных, конечно, с душевной мукой, кактусовод виноват сам — не стоит показывать равнодушному свое детище, в лучшем случае

столь же равнодушно проведут они рукой по его щетинистому затылку.

А теперь автор хотел бы поговорить о несколько странном предмете, как будто не относящемся к делу: о темпераментах людей, занимающихся кактусами. Известно, что психологи классифицируют людей на горячих, вспыльчивых холериков, непостоянных, легко увлекающихся и легко остывающих сангвиников, обстоятельных, устойчивых в чувствах и делах флегматиков и нерешительных, во всем и всегда сомневающих меланхоликов, пятый темперамент — неопределенный, — представляет конгломерат всех четырех. Совершив такой экскурс в основы психологии, автор берется утверждать, что более всего в кактусоводстве преуспевают флегматики, ибо сей темперамент предполагает основательность, упорство, неторопливость, уверенность в себе и в результатах своего дела (увлечения). Сказанное вовсе не означает, что люди прочих темпераментов не могут преуспевать, однако им придется вырабатывать у себя названные выше качества часто вопреки своему характеру. Могу даже утверждать, что люди несобранные, невнимательные и не способные к длительным волевым усилиям, к порядку, аккуратности и последовательности, ничего путного в кактусоводстве не добьются. Кактусы у таких любителей редко цветут, никогда не выглядят свежими, болеют, покрываются паразитами, гибнут, нередко теряются и этикетки (названия), так что и сам владелец потом уже ничего не может вспомнить. В утешение таким хочу сказать только, что и автор не флегматик...

Многие любители склонны обвинять в неудачах кого угодно, вплоть до мистических сил, только не себя, и вечно жалуются: то на растения напал клещ, то кактусы подмерзли, то потеряли корни, то почему-то подгнили, и так без конца. Обычно, потерпев неудачу, кактусисты холерического склада, вспыхнув, выбрасывают кактусы на помойку; сангвиники, наплевав на кактусы и раздав кому попало, переключаются на рыбок, птиц, марки, значки, коллекционирование керамики, на собак, кошек, хомячков, фарфор; меланхолики оплакивают каждый погибший кактус, обращаются ко всем с жалобами на вредителей и болезни, однако ни опрыскивать ядохимикатами (а вдруг сам отравишься?), ни бороться какими-то другими сред-

ствами не решаются и в конце концов забрасывают свою коллекцию на произвол судьбы. Зато флегматики всегда преуспевают и процветают. Итак, для преуспевания в кактусоводстве нужны совершенно определенные качества, и первое из них — умение вести строгий учет и документацию. Канцелярская книга, или книга со странным для нашего времени названием амбарная, должна быть приобретена прежде, чем вы купите, получите в дар или посеете первые кактусы. Все кактусы и посевы семян вносятся в эту книгу по порядку (по алфавиту, по родам), и страницы разлиновываются на колонки соответственно способностям автора к пунктуальности и основательности. Для примера укажу, что должна быть графа с порядковым номером, с названием вида, возрастом кактуса, сеянца или детки, стоимостью, датой и местом приобретения или посадки. Все остальное разрабатывается и дополняется по собственному усмотрению, и могут быть разделы, указывающие место обитания в природе (например, Северная Мексика, Парагвай, Южная Бразилия), фиксирующие категорию ценности вида, состав почвы, время пересадок, цветения и т. д. и т. п.

Помимо инвентарной книги неплохо завести и картотеку с карточками на каждый купленный или выращенный кактус. Мне приходилось видеть чудесные картотеки на стандартных перфокартах, с наклеенными на них цветными фотографиями данного вида и со всеми сведениями об образе жизни, месте обитания, — словом, на перфокартах давалась подробная характеристика растения, сведения ежемесячно, ежегодно пополнялись, это были шедевры усидчивого и вдумчивого труда. Использование именно перфокарт (с дырочками по краям), а не простых картонок, позволяет кодировать различные необходимые сведения и мгновенно их получить. К примеру, определив для белых мамиллярий дырочку в перфокарте под номером 4, вы во всех прочих перфокартах, куда вписываются белые мамиллярий, на месте четвертого номера делаете вырез до края карточки. После чего достаточно воткнуть в четвертое отверстие пачки с перфокартами длинную спицу, приподнять пачку, и все карточки с белыми мамилляриями, нужные вам, выпадут на стол. Точно так же под номером 5 или 7, любым другим можно закодировать другой род кактусов или сведения о местообитании, сло-

вом, все, что будет нужно и полезно. Заполнение перфокарт информацией — дело интересное, здесь кактусовод приобщается к исследовательской и вполне научной работе.

Наконец, и сами кактусы должны быть маркированы в соответствии с записями книги или номерами перфокарт. Память, даже самая феноменальная, никогда не является гарантией от ошибок и неточностей, а кактус, потерявший видовое название, обесценивается, и восстановить название бывает всегда затруднительно, кроме общеизвестных видов. Маркируют кактусы в горшках небольшими металлическими пластинками, на которых с помощью штампа выбивается номер. Надписи на горшках, всякого рода наклейки, деревянные дощечки или пластмассовые «бирки» равно ужасны и всегда обезображивают коллекцию, придают ей вид опытного участка в избе-лаборатории. Кроме всего, кактусоводу-коллекционеру необходимо постоянно иметь при себе записную книжку с алфавитом, куда вписываются наиболее эффектные и понравившиеся виды из книг, слайдов, коллекций товарищей, увиденные на выставках и ко время поездок, там же записываются нужные сведения и адреса. Именно так и создается список, а позднее коллекция наикрасивейших растений. Нельзя пренебрегать записной книжкой. Говорят, что кактусисты одержимые заводят даже бухгалтерские книги с приходными и расходными статьями, но здесь уже благородное дело разведения кактусов сталкивается с разными видами коммерции. Вряд ли коммерцию стоит поощрять, но, с другой стороны, где взять семена и растения начинающему и жаждущему, если нет их в государственных магазинах? Недешевое это увлечение, даже очень, особенно когда кактусист стремится сразу иметь большие, а лучше сказать, взрослые кактусы. Медленно растут они, иные и сантиметр не прибавляют в год, и не могут быть слишком дешевыми потому еще, что выращивание — дело трудоемкое, требующее времени, траты электроэнергии, хлопот, забот и знаний. Дело сдвинется в сторону удешевления и доступности растений лишь тогда, когда появятся по стандартным ценам любые нужные семена и не будет надобности коллекционеру выворачивать карманы, оплачивая по фантастическим «прейскурантам» крохотные сеянцы ариокарпусов, розеокактусов, обрегоний и дискокактусов.

Трудное это дело, но сдвиги с тех пор, как начинал автор и его товарищи по коллекционированию, произошли уже большие. Появились многочисленные кактусоводческие клубы, в Свердловске, скажем, один из лучших в стране клуб «Цереус», есть уже и республиканские общества, например в Казахстане. Жаль только, союзное общество никак не может organizоваться, слишком долго дебатруются вопросы, которые в момент бы можно решить, если бы не косность и неразворотливость иных облеченных ответственностью работников. Не потому ли не увидишь кактусов на полках цветочных магазинов, и скучают продавцы, вместо того чтобы нести людям радость, а государству доход.

ПУТИ К ТВОРЧЕСТВУ

1.

КАК ЗА МАЛЫМИ ДЕТЬМИ

Выше автор уже говорил, что никому не советует покупать взрослые, сформировавшиеся в теплицах кактусы. Это, во-первых, весьма тяжело по затратам, во-вторых, приобретая такие растения, любитель часто одновременно покупает и полный комплект болезней и вредителей кактусов, в-третьих, взрослые кактусы, выросшие в иных условиях, под иным солнцем, с другой ориентацией к сторонам света, лишь первое время «не выдают своих переживаний», а в дальнейшем многие из них, особенно виды нежные и редкие, часто хиреют, прекращают рост и в конце концов гибнут. Но главное — нет большего удовольствия, чем выходить, вырастить из крохотного семени прекрасное и необычное растение, и пусть не пугают любителей годы. За три-пять лет можно стать владельцем великолепной коллекции, ведь иные виды при умелом выращивании уже на первом году приобретают красоту и облик взрослых растений. Вот почему самый правильный, безошибочный путь к хорошей коллекции — посев кактусов и выращивание их из семян.

Разумеется, правил без исключения нет. Не всякий кактус можно вырастить хотя бы из-за трудностей с семенами, о которых уже говорилось. Но тогда следует приобретать молодые растения, которые легче «переприспосабливаются к новым условиям», а при покупке старых знать как можно больше о жизни данного растения, то есть в таких условиях содержалось, состав земли, режим

полива, ориентированность растения к сторонам света, последнее является главнейшим условием, а его-то как раз часто и забывают. Можно заранее сказать, например, что кактус, выросший на восточных окнах (очень благоприятных для выращивания растений вообще), будет исключительно плохо чувствовать себя при резком переносе на западные окна. Нужно также знать, пользовался ли прежний владелец удобрениями и какими. Приобретать растения лучше ранней весной, чтобы за лето они хоть как-то акклиматизировались, при этом должно строжайшим образом соблюдаться правило: без тщательной дезинфекции — суточного выдерживания в закрытой посуде, где стенки обложены газетой, опрысканной цветофосом, а затем без пересадки в свежую, лишенную вредителей землю, ни один, даже самый чистый кактус, не должен ставиться в коллекцию.

Кактусовые коллекции могут быть очень различными.

Самая распространенная коллекция, так сказать, количественная, когда любитель стремится потрясти свое или чье-то воображение непременно цифровыми объемами и собрать как можно больше видов. Не отрицая заманчивости этого стремления и пережив его сам, я могу лишь предостеречь, что огромная коллекция требует и огромного запаса свободного времени, что под силу людям не очень занятым, а такие встречаются редко. Коллекция только редкостей и уникалов — мечта кактусиста высшего класса — также имеет свои минусы. Классные кактусы часто весьма невзрачны, и те, кто думают, что, скажем, дискокактусы, колорадоа, неогомезия или ариокарпус необыкновенно красивы, ошибаются. Коллекция из одних редкостей проигрывает с эстетической стороны, и это вряд ли надо доказывать. Точно так же несколько однообразными кажутся и коллекции систематические, посвященные одному роду растений, пусть это будут астрофитумы или эхинофоссулокактусы, или мамиллярии — все равно. Думается, что наиболее верным путем с учетом всех сторон будет создание коллекции, где представлены разнообразные кактусы, при этом не исключается подбор какого-либо их звена по полноте видов, для чего лучше избрать не слишком объемные роды, такие, как Астрофитум, Турбиникарпус, Розеокактус-Ариокарпус, Ореocereus, Эхинофоссуло-

кактус, потому что собрать гигантские группы вроде мамиллярий или гимнокалициумов практически вряд ли возможно.

Встречаются сейчас у любителей и коллекции географические, например, только мексиканские кактусы, только чилийские, только южноамериканские и т. д. До недавнего времени некоторые увлекались «кактусовыми горками», растения помещались в вазоны, плетенки и подобие блюд, украшались камнями и даже гипсовыми гротами и гипсовыми же замками — последнее образец потрясающей безвкусицы, вполне схожей с рисованными на клеенке лебедями и бархатными коврами, мечтой мещанина пятидесятых годов. Могут заметить, что толково оформленное окно-витрина с кусками камня и умело подобранными группами хорошо растущих кактусов очень красиво, оно оживляет квартиру и самое окно, создает подобие горного или пустынного мира. Иное дело, когда на кактусы навешивают плюшевых обезьянок, усаживают их пластмассовыми попу-гаями — здесь приходится лишь поражаться, до чего неестественен, чтобы не сказать мерзок, вид такой «композиции».

Семена кактусов теперь уже все-таки не та неразрешимая проблема, какой была она еще десятилетие назад. Ныне, благодаря стараниям тысяч кактусоводов, почти все виды сравнительно нередких кактусов и даже иные относительно редкие можно, хотя и с трудом, раздобыть, разумеется, по «тяжелой» цене. «Достать» семена можно в клубах кактусоводов (например, в Киеве), в Рижском отделении общества садоводства и пчеловодства, у отдельных любителей и на рынках Москвы, Риги и других крупных городов, но по-прежнему безнадежно обращаться в цветочные магазины, а тем более в ботанические сады, куда в свое время автор писал слезные письма, посылал в дар свои книги, ждал и надеялся, как говорится, без взаимности.

Процесс сева кактусовых семян несложен, для этого не надо ни пахать, ни соблюдать «лучшие агротехнические сроки», хотя и они имеются. Сложнее то «оборудование», без которого не стоит и браться за дело. Лет двадцать назад я также считал, что оборудование (о нем в общем-то тогда и не слыхали) — это лишнее, и, раздобыв первые семь-восемь видов семян, не раздумывая, посеял их

в обычную цветочную плошку, присыпал семена землей, как если бы это были, скажем, морковь или лук. Дней десять я ждал, пока, наконец, что-то появилось и оказалось обыкновенной лебедой и крапивой. Все-таки с десятков кактусовых семян проросло, но уже через два-три дня они бесследно исчезли, «растворенные» какой-то гнилью. Так закончился первый опыт, и я понял, что к выращиванию кактусов надо подходить серьезно, ни в коем случае не надеясь на авось и небось...

Прежде всего для посевов нужно обзавестись микротепличкой, размеры которой делаются по лампам дневного света. Если берутся лампы маленькие, например, применяемые в настольных, тепличка будет совсем крошечной, но обычно используются либо лампы дугообразные или две-три «двадцатки», то есть мощностью в 20 ватт. Без подогрева и подсвечивания сеянцы кактусов растут плохо, даже летом, а так как семян у вас вряд ли будет в таком изобилии, что, потерпев неудачу с одними, вы можете тут же все пересеять, нужно предусмотреть все, чтобы неудачи свести к минимуму.

Лампы монтируются в блок в ящике, причем дроссели их нужно расположить на дне (они будут подогревать плошки с посевом снизу, что очень важно для хорошего развития корней у сеянцев). Сверху ящик накрывается стеклом, или вообще вся верхняя часть с блоком ламп делается из оргстекла — так сделано, по крайней мере, у меня, и поэтому сеянцы могут получать и обычный дневной, и солнечный свет, и комбинированный, кроме того, за ненадобностью лампы можно просто вынуть. Некоторые коллекционеры из тех, что не любят возиться с техникой, греют плошки с посевом на радиаторах отопления, под настольными лампами, подсвечивают их рефлекторами и т. п. Ничего хорошего из этих затей не получается — вот почему на устройство микротеплички не нужно жалеть ни времени, ни сил, ни денег.

Хорошо, если тепличка, помимо своего главного назначения — давать тепло, свет, защищать сеянцы от пыли и создавать влажную атмосферу, еще и красива. Например, ее можно сделать из полированного дерева, снабдить красивыми кнопочными выключателями для каждой лампы отдельно — здесь всяк себе рационализа-

тор и изобретатель. Создавая тепличку, надо помнить, что блок с лампами должен либо перемещаться, либо этот же эффект достигается (что, однако, хуже) подкладыванием под плоску с сеянцами разных предметов. Высота ламп над растущими сеянцами не должна превышать 3—5 сантиметров.

Лучше всего сеять, на мой взгляд, в фотокювету размером 12х21, таких кювет входит в тепличку с тремя лампами ДС 20 ровно две. Делая тепличку, нужно заранее рассчитать ее длину и ширину по лампам и плоскам. Плошки-кюветы должны быть из оргстекла, а не из пластмассы, так как пластмасса часто трескается и плавится. Плошки нужно снабдить поддонами или такими же кюветами, в дне которых уже не делается отверстий. В них-то и вкладываются кюветы с посевом. Можно сеять и в пластмассовые кубики, которые затем также надо поставить в кювету-поддон.

Когда тепличка готова, готовится земляная смесь. Мнений о субстрате для посева существует множество, и, как правило, они взаимоисключающи, донельзя категоричны: тот, кто сеет в толченый кирпич, будет утверждать, что его метод самый лучший, тот, кто сеет в песок, политый удобрительным раствором, или в мелкий керамзит, гравий и т. п., станет стеной за свою идею, — но лучше всего, на мой взгляд и взгляд многих опытных кактусоводов, сеять, подражая природе, в измельченную смесь из листовой земли, толченого древесного угля и мелкого песка, составляя ее в пропорции — половина земли и по четверти угля и песка. Смесь обязательно пропаривается — для этого ее насыпают в дуршлаг, в продырявленную консервную банку из-под сельди или в другую подобную посудину и подвешивают или ставят на камни внутри кастрюли, где на дне кипит вода. В такой закрытой кастрюле смесь пропаривается не менее часа. Стерилизация горячим паром убивает бактерии и, что самое главное, плесневые грибки — самые страшные враги молодых сеянцев именно они. Без пропаривания в течение часа лучше и не пытаться сеять. В девяноста девяти случаях из ста всходы начнут гибнуть.

Недоверчивый читатель тотчас воскликнет: «А как же растут кактусы на родине? Кто их там подсвечивает, подогревает, пропаривает землю?» Могу лишь ответить, что на родине кактусов и се-

мян попадает в землю значительно больше, чем в наших плошках, и гибнет их там также очень много, что мексиканское или аргентинское солнце так «пропаривает», стерилизует почву, где растут кактусы, что там нет практически никаких грибов, обитателей наших северных почв, и, наконец, дома на родине «помогают стены», там сеянцы защищены иммунитетом, там все естественное: свет, воздух, дожди, радиация, режим дня и ночи — мы же все это должны создавать искусственно.

Смесь после пропаривания снова просеивается через сито, которое также должно быть пропарено или вымыто кипятком, более крупные частицы песка, угля и земли кладутся в нижний слой кюветы, а более мелкие насыпаются сверху. После этого поверхность выравнивается и разделяется на квадраты путем накладывания пластмассовой сетки; можно «разлиновать» земляную смесь и капроновой леской, продетой в просверленные в боках кюветы отверстия, наконец, если посев производится в отдельные кубики, разлиновывать и вовсе ничего не нужно. Нельзя разгораживать посев спичками, как иногда рекомендуется. От спичек моментально заводится плесень, и сеянцы гибнут.

Когда готовы плошки и земля, тепличку надо опробовать. Для этого ее включают на двенадцать часов, ставят внутрь один-два градусника и следят, не поднимется ли температура выше 45—50°. В закрытом помещении даже две лампы ДС могут дать перегрев, а три обязательно, — третью лампу я, например, включаю лишь в полдень часа на два, имитируя естественный полуденный жар и зной. Вообще следует по возможности имитировать природные условия кактусов на родине: высокую влажность, достаточно высокую температуру от 25 до 40° и короткий световой день 12—14 часов. Кактусы, в том числе и пародии, и ореocereусы, которые якобы нуждаются в холодном посеве, без подогрева и режима всходят гораздо хуже, поражаются плесенью и растут куда медленнее, чем в тепличке. В тепличке сеянец получает максимум необходимого для роста и развития, а под солнцем и без тепличек — что бог подаст».

Перед посевом все сколько-нибудь крупные семена нужно на сутки замочить в отдельных стаканчиках в растворе марганца (ро-

зового цвета). Бояться, что семена испортятся, не следует, — слабый раствор марганцевокислого калия лишь стимулирует развитие. Можно для лучшего прорастания замачивать семена (особенно давние, сомнительной всхожести) в растворе гетероауксина, 1/10 таблетки на литр, или в растворе с микроэлементами. Во всех случаях всхожесть семян повышается процентов на 10—20. Марганцевая стерилизация семян, конечно, не спасает от всех болезней, но это все же лучше, на взгляд автора, чем замачивание в растворах медного купороса или хинозола, который задерживает рост сеянцев и вовсе не всегда спасает от грибковых эпидемий.

Сеять мокрые семена очень неудобно, поэтому лучше их слегка обсушить на промокательной бумаге или сеять с помощью пипетки-капельницы и стеклянной палочки. Вообще семена по возможности не сеют, а как бы раскладывают по поверхности земли. Только очень мелкие, как пыль, семена пародий, стромбокактусов и т. п., высеваются, иногда в смеси с пропаренным сухим песком. Посеянные семена не присыпаются ничем, а лишь слегка вдавливаются в поверхность почвы какой-нибудь плоской чистой поверхностью.

Сразу после посева плошка-кювета (с отверстиями в дне) ставится в чистый поддон с кипяченой тепловатой водой, чтобы ею пропиталась вся земля до насыщения, но так, чтобы семена отнюдь не всплыли. В воду я всегда добавляю лимонную кислоту или хотя бы сок лимона, иначе при поливе недождевой водой на сеянцах быстро образуется желтая известковая «накипь», равно как и на поверхности земли. «Накипь» останавливает рост сеянцев и даже губит их. Поливать посев сверху — значит неминуемо смыть или переместить семена, иногда это же получается и при опрыскивании. Но нельзя и наливать в поддон воду так, чтобы при погружении плошки с посевом она заплескивалась или поднималась выше уровня земли — вода также смывает семена и безнадежно перепутает их.

Когда земля с посевом увлажнилась или когда появились большие темнеющие влажные пятна, плошку накрывают стеклом и ставят в тепличку. Стекло создает в плошке нужную влажность, но ежедневно и не по одному разу его нужно снимать, проветривать сеянцы и сливать капли испарившейся воды, — лучше всего в поддон или на крупные семена, имитируя дождь. Позднее, когда сеянцы

взойдут и подрастут настолько, что станут упираться в стекло, его убирают и довольствуются уже стеклом, накрывающим весь ящик-тепличку. Увлажнять землю нужно ежедневно, а лучше сказать еженощно. Во всяком случае опасаться сильного увлажнения кактусовых семян не следует. Во-первых, на ранних стадиях развития семена и мелкие сеянцы проходят как бы всю историю развития растений, а первыми растениями на Земле были как раз водоросли, во-вторых, и в природе кактусы всходят (и распространяются зачастую) в периоды дождей, когда тропические ливни, особенно в саваннах, льют неделями и земля и воздух бывают предельно насыщены водой. Я практикую даже дополнительное увлажнение кактусов на ночь. Плошку с посевом вынимаю из теплички и ставлю ее в поддон со слегка подкисленной водой на радиатор отопления. Таким образом создается нужный для семян или сеянцев небольшой перепад температур в сторону понижения, и в то же время вода остается теплой.

Следует помнить, что кактусам вредна холодная вода, что дожди на их родине теплые, намного теплее наших летних. Восемнадцать-двадцать градусов — это нижний предел температур, лучше же поддерживать ночью двадцать пять — двадцать семь градусов. Утром вода из поддона сливается или оставляется в небольшом количестве для поддержания влажности, и плошка снова ставится в тепличку под лампы ДС. В накрытой стеклом плошке, под лампами температура должна быть 35—37—40 градусов, именно при такой температуре кактусы всходят быстрее всего. Некоторые виды (фрайлей, астрофитумы) — уже на первый, второй, третий день. Немного отстают от них ариокарпусы и розеокактусы, а далее через пять-семь дней всходят мамиллярии, гимнокалициумы, лобивии; несколько больше времени требуют «чилийцы», ферокактусы, эхинокактусы, ореocereусы, опунции. Иногда семена не всходят совсем, скажем, это часто бывает у ферокактусов, неочилений, бразиликактусов и т. п. Причина здесь либо в том, что семена не завершили почти годовой период покоя, либо потеряли всхожесть.

О всхожести кактусов существует много легенд. Но можно сказать определенно, что всхожесть прежде всего зависит от того, как хранились семена и насколько удачно выбран период посева, а так-

же насколько их подготовили к посеву. Сухое и мертвое на вид семя любого растения, и не обязательно кактуса, — это живущий по своим тысячелетним законам сложнейший организм; семена дышат, в них совершаются подчиненные строгому ритму времени процессы, например, связанные с движением Земли, с ее освещенностью, влажностью, суточными колебаниями температур и т. д. Уже увлажнение семян резко усиливает их дыхание, а тепло и влажность приводят в действие механизм развития, ожидавший этого тепла и влаги. Но так как на родине кактусов периоды тепла и влаги чередуются с полугодовым, четвертьгодовым или даже почти годовым циклом сухости, то и семена также имеют циклы увеличения всхожести и падения ее. Во всяком случае невзошедшие семена всегда полезно попробовать посеять через полгода, а то и через год.

И в посеве не все растения развиваются одинаково. Крошечные шарики, столбики, зубчики, веретенца — одни быстро (конечно, относительно) идут в рост, другие догоняют их, а третьи еще едва проклевываются. Повышение температуры до 45 градусов в сочетании с высокой влажностью помогает иногда подогнать отстающих. Вспомните, как все растет в огородах после долгого ненастья и с наступлением жаркой парной погоды. Такую «погоду» надо создавать в тепличке для всех без исключения сеянцев. Тепло усиливает обмен веществ, ускоряет и рост. Наилучшей температурой считается 37 градусов, но кактусы могут без заметного ущерба, если не с пользой, получать и более высокую температуру. Разумеется, 50—60 градусов — это уже губительная жара. Вообще же, хочу отметить, что сеянцы нуждаются в большем тепле, чем взрослые кактусы.

Правило это характерно для всего живого. В далекие времена, когда жизнь на Земле еще только возникала, климат планеты, вероятнее всего, был намного теплее, воздух насыщен водяным паром за счет испарений и гроз, в составе атмосферы было больше углекислого газа, и ныне, кстати, стимулирующего рост растений; можно предположить также, что и сутки были короче, — возможно, всего семь часов! Иначе ничем нельзя объяснить фантастический, чудовищный рост лесов в те периоды, величину и мощь деревьев,

против которых даже растущие в несколько сходных условиях нынешние леса Амазонки казались бы карликами. Любители могут попробовать создавать на ранней стадии развития сеянцев условия такого древнего тропического дня; можно было бы попытаться делить сутки надвое, «сотворяя» для сеянцев два дня и две ночи по восемь часов, — как знать, не ускорит ли это их рост в первое время?

Ежедневно проветривая посев, сливая капли испарившейся воды, мы должны очень внимательно — лучше всего через лупу, — смотреть, не появилось ли где растение с темно-свинцовым нездоровым видом, нет ли этой свинцовости у корневой шейки сеянца, не протянулись ли по земле похожие на тончайшую паутину нити белой плесени, или не образовалась ли пленка темной зелени, остро пахнущая огурцом, когда ее взворошишь. Иногда на земле появляется и зеленый налет — микроскопические водоросли и мох. Все это — опаснейшие враги сеянцев, с которыми трудно бороться. Всего страшнее из перечисленных — гниль шейки, болезнь нападает внезапно, и, как только обнаружился поникающий сеянец с почерневшей распадающейся ножкой, его немедленно нужно убрать вместе с комом земли, вынутой как можно шире. Беда еще и в том, что к моменту, когда заболевание бывает обнаружено, многие другие сеянцы уже поражены, и гибель их просто дело времени.

Помню, как я посеял семена красивой Лобивии яйо, полученные от своего же растения, как радовался, когда насчитал триста веселых зеленых сеянцев, похожих на маленькие булавы, как немного огорчился, обнаружив через пару дней, что часть их погибла, растворилась как будто, вначале поникнув, а потом все мои мечты и надежды — сколько кактусов я смогу выменять на подрастающие сеянцы — развеяло: в течение двух недель все растеньица погибли одно за другим, — не спасла их и пикировка в другую землю. Точно так же «съела» белая паутинная плесень плошку с прекрасными сеянцами, где было несколько ариокарпусов, розеокактусов и редких белых мамиллярий: я уехал в двухдневную командировку, а, вернувшись, обнаружил, что сеянцы валяются как подкошенные. Водоросли (они активно развиваются в щелочной среде) «съедают» кактусы медленнее или останавливают их рост. Несколь-

ко помогает опрыскивание сеянцев раствором медного купороса или хинозола (купорос 1—1,5 грамма на литр, а хинозол 0,5 грамма). Но опрыскивание купоросом хорошо как лишь предохранительная мера, ибо заболевшие кактусы это уже не спасает. А хинозол, широко рекламируемый многими любителями, останавливает рост сеянцев и также не дает гарантий, что все будет хорошо. Эффективней всего профилактическое опрыскивание примерно месячных сеянцев раствором купороса и внимательное ежедневное наблюдение. Убирать заболевшие растения надо безжалостно, — иначе гибнут все остальные. Иногда помогает и пикировка в свежую чистую землю.

Почти в каждом посеве бывают и бесхлорофилловые формы, то есть белые, розовые, бледно-зеленые растения, целиком или частично лишенные хлорофилла, — вещества, без которого растение не может нормально развиваться. Такие сеянцы стоят до месяца, много — два и живут за счет запасов, имевшихся при «рождении». Потом они непременно погибнут. Спасти такой сеянец можно только прививкой его на жизнестойкий подвой и получить таким образом диковинное студневидное растение исходной формы, которое может на подвое даже цвести и давать маловсхожие семена. Особенно часто бесхлорофилловые сеянцы бывают у гибридов. Иногда такие сеянцы исправляются и превращаются в нормальные при длительном затемнении до 2 суток. Если посев произведен правильно, соблюдены и необходимая стерильность и осторожность, то уже через неделю-другую после появления всходов крохотные горошинки, булавки, веретенца начинают образовывать на макушках шерстинки, колючечки, точки-глазки и выглядят при этом очень трогательно, ни дать ни взять вихрастые детки, детеныши, начинающие понемногу подрастать и оформляться. К этому времени пора подумать уже о первой пикировке сеянцев.

Пикируют их, то есть переносят и рассаживают рядами точно в такую же землю обязательно с комочком земли на корешке, с помощью деревянной или стеклянной палочки-лопаточки. Садят в углубление, заранее сделанное в земле. Сеянцы, особенно мелкие, нельзя сдавливать, — если брать их пальцами, то только очень осторожно. Слишком ранняя пикировка, пока сеянцы не образовали

еще первых колючек, вредна и замедляет их рост, зато когда первые колючки есть, от пикировки сеянцы только выигрывают и начинают быстро расти. Сразу после пикировки растеньица не поливают, а лишь опрыскивают. Полив с поддона можно начать на третий-четвертый день. Далее кактусята снова помещаются в тепличку, накрываются стеклом, и режим остается прежний.

В среднем бурное развитие сеянцев идет месяца полтора-два, после чего они «останавливаются» и нужно их снова пикировать, иначе «остановка» затянется до следующего года, а за этот период множество сеянцев погибнет, особенно зимой. Применяя от четырех до семи пикировок в первый год и три пикировки на втором году, я добивался того, что двулетние сеянцы выглядели почти взрослыми растениями, а отдельные, например, Ореocereus неоцельзианус, Бразиликактус Гресснера, Цефалocereus сенилис, Эспостонана, астрофитумы разных видов, поражали своей величиной. Так мне удалось вырастить Астрофитум астриас величиной в средних размеров яблоко, и на второй год он успешно цвел. Без пикировок такой кактус (имеется в виду растущий на своих корнях) не достигает указанного размера и через десять лет. Примерно с четвертой-пятой пикировки кактусы помещаются в более глинистую землю, особенно это важно для астрофитумов, белых мамиллярий, ферокактусов, турбиникарпусов и других «мексиканцев». На втором году жирная листовая земля заменяется в большей степени дерновой и в конце концов смесями, необходимыми тому или иному виду. Пикируются сеянцы всегда густовато, то есть на расстояние в один, полтора, много два диаметра сеянца. В сообществах растеньица развиваются лучше, по крайней мере в молодом возрасте.

Удобряют сеянцы так же, как взрослые растения, но количество удобрения в расчете на объем воды берется в половину меньше.

Через два года (иногда через год) можно начать приучение сеянцев к режиму взрослого растения, сохраняя лишь в зимнее время подсвечивание их лампами дневного света в течение десяти-двенадцати часов.

На третьем году в коллекцию отбираются наиболее здоровые, красивые, хорошо сформированные, развитые, околюченные и опу-

шенные растения. Так вы становитесь обладателем коллекции, которая создавалась вашим трудом и вашим попечением. Теперь кактусы будут дальше набирать силу, расти, хорошеть, радовать своим цветением. У такой коллекции все впереди.

И в завершение раздела о выращивании кактусов хотелось бы сказать то, с чего, возможно, надо было начинать. Время посева разные любители выбирают по-разному. Одни стоят за весну, другие сеют ранним летом, третьи — зимой. Перепробовав все способы, автор пришел к выводу, что сеять кактусы нужно осенью и даже поздней осенью в конце октября, ноябре. Посев в конце октября позволяет использовать то бессолнечное время, когда крохотным сеянцам солнце практически не нужно и даже может повредить. За это время (ноябрь, декабрь, январь) сеянцы, разумеется, только в тепличке с лампами, всходят, оформляются, переносят первую пикировку или даже две, и к февралю их уже можно начинать «греть» по часу-два, на первом февральском солнце, конечно, защитив стеклом и даже забеливая его. Без солнца здоровые сеянцы никогда не вырастить, никакие лампы не дают растениям того, что дает светило, его можно лишь на время подменять и дополнять, но нельзя полноценно заменить. Вот почему приучать сеянцы к солнцу, притеняя стекло, накладывая на него теньевую решетку из лучинок или бумаги, — необходимо весь дальнейший год. Без притенения сеянцы могут погибнуть и в течение часа. В закрытой стеклом площадке солнце легко может сжечь и «сварить» нежные растения — об этом должен помнить кактусовод, воспитывающий своих подопечных.

Опыт хорош, если за него не заплачено
слишком дорого.

Лоуэлл

2.

В ПОИСКАХ НОВОЙ ЗЕМЛИ...

Наверное, это было всегда — всегда люди и люди ли только, — может быть, и животные, и все живое вообще искало лучшее: новую землю, новый мир, Новый Свет. Не это ли желание двигало переселяющиеся стада древних быков, гнало к северу мамонтов и носорогов, не оно ли вело стаи птиц, и, конечно, руководствуясь им, шел некогда мой предок, опираясь на тяжелое копье, а за ним, таща за собой ревущее потомство, двигалась неведомая мне прародительница. Все туда же, в поисках новой, плодородной и обильной земли шли Колумбы, Да Гамы, Магелланы и Лаперузы...

И было так... Корабль, черный от непогод, с излатанными и рваными парусами, с покривленными мачтами, приближался к неведомому темному берегу (остров ли? материк ли?), и молча, уже не в силах кричать от накатывающего восторга, стояли на палубе и по бортам, тянули руки и шеи, ждали каждый по-своему: Земли! Воды! Золота! Приключений! Красивых женщин! Вкусных плодов! Опасностей! Отдыха! Славы... И земля приближалась. Новая земля. Неведомая земля. Нехоженная земля... Не открытая еще никем... Чудесная Новая земля...

Да простят меня читатели за столь вольное сопоставление, но я не менее жаждал, искал новой земли для своих питомцев и терпел в этом поиске неудачу за неудачей. Красивые и весьма дорогие кактусы, которые приходилось добывать в дальних краях, например в Прибалтике, за которые я платил не только деньгами, но и того дороже, просьбами и поклонами, кактусы, которых ни у кого еще не было в нашем городе, не слишком долго радовали меня. Очень скоро их цветные яркие колючки и щетины — желтые, красные, коричневые и фиолетовые — начинали блекнуть, все чистые насыщенные тона заменялись полутонами, желтый, например, пале-

вым, оранжевый каким-то вылинявшим белесым, белый — серым, фиолетовый и черный — грязноватым и словно бы графитным. Растения точно грустили по оставленным ими теплицам, точно кому-то безмолвно жаловались. Размышляя над их состоянием, я искал причины и в числе главных считал, что повинна во всем земля, в которую кактусы были пересажены. «Не та земля, — думал я, — в другой почве они бы чувствовали себя лучше». И я принялся за поиски земли.

Жирный парниковый перегной показался мне наилучшим для «оживления» кактусов. Я пересадил их и в чаянии лучшего подождал около месяца — кактусам стало еще хуже, некоторые из них загнили, другие оказались без корней, третьи начали расти, но принимали какую-то неприятную грушевидную форму и «лысели» — теряли колючки. Сам прирост, правда, был светлого, радующего глаз зеленого цвета, но позднее я убедился, что светло-зеленая окраска верхушек у многих кактусов — свидетельство их болезни. Единственное, что казалось мне бесспорно хорошим, — появление на боках растений мелких деток. Но детки детками, а было ясно — не та земля, нет...

Прикинув, что кактусы — дети пустынь, переведя соответствующие главы из немецких книг, я принялся составлять смесь из глины с песком и камнем, причем суглинок, не раздумывая долго, брал прямо из огорода на своей даче, а песок также поблизости на дороге, намытый весенним ручьем. Земля получилась тяжелая и после первых же поливок сделалась в горшках наподобие бетона. Кактусы тут росли немногим лучше, чем в черноземе, и также вдруг оказывались без корней. Тогда, начитавшись новых книг, я пришел к выводу, что лучшей будет земля с горных склонов (ведь большинство кактусов растет на высокогорьях, на глинистых осыпях и камешниках) — прикинул, где могу достать именно такую землю.

Дело было в мае, и, захватив рюкзак и портфели (не тащить же землю в ведре), мы с женой отправились на электричке за город к одной хорошо нам известной горшке, где были как раз такие склоны и осыпи. На горке этой мы бывали часто, выкапывали лесные цветы для своего сада и почему-то оба уверовали, что лучшая земля именно там. Какое буйное, иначе не скажешь, и словно бы

хмельное разнотравье вымахивало на той горке, похожей на холм! Ноги с трудом продирались сквозь это цветение, путались в зарослях цветных горошков и чины, луговой и лесной герани, саранок, еще не набравших цвет, но уже достаточно высоких, и просто «травы», злаковников и осок. Держа в уме картины настоящего и будущего цветения этого холма, мы набрали глинистой, каменистой слегка и как будто жирноватой земли, отчасти напоминающей ту, в какой живут мелкие красные и коричневые земляные муравьи. Муравьев здесь действительно было пропасть, под каждым камнем и просто так, больших и малых, бескрылых и крылатых. То и дело жена жаловалась, что ее укусили, но лопата за лопатой мы набивали рюкзаки и вот шли, сгибаясь под их тяжестью, как это пишут в школьных сочинениях, усталые, но довольные и почти счастливые. Нам казалось, что теперь-то земля будет «та самая», и в шутку мы называли ее американской.

Читатель проницательный, вероятно, усмехнулся и оказался прав, — и «американская» земля не дала никаких результатов: кактусы в ней, посаженные по всем правилам, по рекомендациям из книги В. Хаге, росли не лучше, чем в огородном суглинке. Да что же это такое? Какую землю им надо! Может, один гольный песок? Кактусы в нем вроде бы не теряли корней, но роста заметного тоже не было. Долго я мог бы еще повествовать о неудачах, разочарованиях, огорчениях, погибших кактусах, ибо мы и добавляли в землю известь, и принимались удобрять, и вносили «битую штукатурку» (старую), как рекомендовалось, и поливали коровяком, и птичьим пометом, и микроудобрениями. Ничего не помогало. Кактусы росли плохо, «стояли», гибли, чернели, обращались в пустую скорлупу. И это даже в просеянной, проницаемой песчано-глинисто-листово-дерновой, составленной по всем правилам... Причины, оказывается, крылись вовсе не в земле или по крайней мере лишь отчасти в ней.

Самое главное: земля была заражена вредителями, кроме того, я привез их полный набор вместе с растениями. И если в теплицах кактусы еще боролись с ними сами, в иных и худших условиях вредители напускались на корни кактусов, и растения гибли или болели. Нематоды, личинки мух, трипсов, корнееды и всякая

прочая нечисть, в изобилии представленная в непропаренной, не дезинфицированной земле, не говоря уже о бактериях, вирусах и грибах, мгновенно поражала кактусы. Ясно, что пересаживать их можно было бесконечно (и безрезультатно) в любую такого рода землю. Результат был бы тот же.

Вторая причина — полив кактусов водопроводной водой очень быстро менял кислотность земли в сторону защелачивания, а обилие солей кальция (известки) не только делает почву не пригодной для роста, но еще и образует на сосущих корнях и шейке кактуса известковый налет, «скорлупу», «чехлики», которые не дают корням возможности получать воду и питание.

Третье — сменившиеся условия. Кактусы, выросшие в оранжереях под полным солнцем в непрестанной влажности, вдруг оказались как бы в пещере с односторонним освещением.

Четвертое — воздух. Загазованный перекресток с шумным движением, с запахами бензина, масел вряд ли лучшее место для кактусов после загородных теплиц чуть ли не на берегу моря. А воздух комнаты, предельно сухой, и в сравнение не может идти с воздухом взморья.

Все эти выводы я делаю уже сейчас, после горького, десятилетие длившегося опыта. В ходе этого невольного эксперимента я накрепко убедился, что земля не самое главное в выращивании кактусов. Для их здорового роста нужен комплекс условий, и прежде всего отсутствие вредителей, полноценный свет, мягкая вода, влажность воздуха, правильный сезонный режим содержания. Понял я также, что кактусы, выросшие в разных почвенно-климатических зонах (пустыня, горы, саванна, лес), нельзя содержать в одинаковых условиях, как нельзя содержать одинаково и кактусы из разных кондов огромного континента Америки.

Однако, отрицая главнейшее значение почвы, я отнюдь не отрицаю важности знаний о ее структуре, кислотности, воздушном и водном режиме. Более того, эти знания совершенно необходимы тем, кто отважно, — иначе не скажу, — берется за выращивание кактусов на их собственных корнях. Тут нужен максимум знаний и умения подбирать эту почву, смесь, субстрат для каждой группы видов, если не для всякого одиночного растения из каждой кли-

матической зоны. Так, для белых мамиллярий режим полива и состав земли будет один, для гимнокалициумов — другой, для пародий — третий, для ореocereусов — четвертый, для ариокарпусов — пятый, для ферокактусов — шестой, для эхинокактусов — седьмой и т. д. В свою очередь в группе белых мамиллярий одна почва и режим требуются для таких, как Мамиллярия боказана или Мамиллярия кандида, другая почва и совсем другой режим для Мамиллярии плюмоза или Мамиллярии пенниспиноза (эти виды не переносят полива сверху и вообще как будто не нуждаются в увлажнении чаще двух раз в лето). Для примера еще: немало помучившись с астрофитумами, я пришел к выводу, что хорошо они растут лишь в суглинистой пахотной земле с добавлением песка, битого кирпича и каменной крошки, причем каждый вид имеет свои индивидуальные «вкусы», о чем будет сказано далее; в то же время пародии (тоже горные кактусы, как и астрофитумы) в подобной земле теряют корни, пародиям нужна земля с перегноем и торфом, хотя, и не для всех видов.

Виды земляных смесей, подобранных мною чисто опытным путем, даны в конце этой главы, а также в описаниях содержания тех или иных видов кактусов, но все-таки, раздумывая о почве и ее свойствах, я прихожу к выводу, что «растения знают и еще какие-то тайны земли», которые надо искать и открывать. Так, одев однажды свою родственницу из зауральского городка черенками кактусов, я удивился без меры, когда увидел громадные опунции, великолепные мамиллярии, растущие прямо на окне ее квартиры. Растения были посажены в глиняные латки и даже в старые кастрюли, росли без соблюдения каких бы то ни было правил ухода, посаженные во что-то напоминающее чистый торф, без удобрений и без провариваний. Что же это за земля? На все вопросы ответ был один: а просто земля из старой кучи торфа, лежавшего много лет.

Кстати о торфе. Добавлять его в землю для кактусов в последнее время стали многие любители. Особенно хорош он для опунций, эхинопсисов, для цереусов и вяжущихся растений. Очень хороша добавка торфа для всех кактусов, растущих на подвоях. Повышая кислотность почвы, а кактусы любят землю не столько ще-

лочную, сколько умеренно кислую (РН в пределах от 4,5 до 7), торф способствует их росту. Однако не всякий торф годится для примешивания к земле. Чрезмерно кислый и свежий верховой торф сфагновых болот малопригоден, ибо в избытке содержит гуминовые кислоты. Кислоты эти в небольшом и среднем количестве являются стимуляторами роста, в чрезмерном же количестве как в почве, так и воде останавливают рост растений. Вот почему торф нужен низинный вылежавшийся, «перегоревший», то есть превратившийся в подобие черной, мягкой, как будто пуховой земли.

И последнее, что хотелось бы сказать о посадке кактусов. Пересаживать их следует лишь ранней весной в марте — апреле или даже в конце зимы (кроме сеянцев). При пересадке обрезают все больные, сгнившие и «ненадежные» корни. Надо знать, что часть корней у кактусов отмирает естественно, подобно тому, как опадают у деревьев сучья или отслужившие листья. Перед каждой весной правильно зимовавший, «отдохнувший» кактус имеет зачатки новых корней на нижней части корневой шейки и на основных старых корнях. Эти «корневые почки» тотчас трогаются в рост, когда приходит время кактусу расти под влиянием солнца, тепла и влаги, вот почему важно пересадить растения пораньше, и конце зимы, пока «корневые почки» не выпустили нежные, перистые и вначале даже похожие на плесень новые корни.

Пересадка осуществляется следующим образом. Сначала в горшок кладут битые черепки, керамзит или кусочки кирпича, затем относительно мелкую плодородную землю — смесь, на которую растение ставится корнями. (Если корни больные, их обрезают до здорового основания, присыпают углем и растение подсушивают в тени три-четыре дня, иначе оно загниет после пересадки.) Засыпают корни также хорошей пропаренной землей, а выше добавляют той же земли, но более грубой, смешанной с мелким гравием, поверхность засыпается уже чистым гравием или крупным проваренным в кипятке песком. Верхний слой полезно выдержать в растворе медного купороса, употребляемом для опрыскивания, что предохраняет шейки кактусов от грибковой гнили. Пересаженный кактус на неделю ставится в теплое притененное место. Солнце сразу после

пересадки губительно, ибо кактус еще не может нормально пить и, значит, испарять влагу. Поливка дается на четвертый-пятый день после пересадки, сначала осторожная, а далее, когда будет видно, что оно «взялось» за землю, — и чаще.

А в завершение автор все-таки рекомендует искать Новую Землю. Она несомненно есть. Есть такая земля, где кактусы благоденствуют, — найти ее для всех видов — наша общая задача. Но надо и помнить, что как человек жив не хлебом единым, так не одной землей жив и кактус.

ПРАВИЛА ПЕРЕСАДКИ КАКТУСОВ

1. Подготовим) группу кактусов для пересадки.
2. Составить смесь земли для данной группы.
3. Пропарить смесь, дезинфицировать посуду.
4. Пересаживать растения подготовленные, с осмотренными корнями, все срезы присыпать углем и подсушить не менее суток.
5. Молодые растения (3—5 лет) пересаживать ежегодно, средний возраст (5—7 лет) раз в два года, старые растения (свыше 7—10 лет) раз в 3—4 года, стараясь не нарушать корневую систему.
6. Пересаживать перед весной (февраль) или ранней весной (март).
7. Кактусы брать и удерживать газетным пояском.

СОСТАВЫ СМЕСЕЙ

Смесь № 1 (тропическая лесная)

Листовая земля 2 части

Торфяная земля 3 »

Дерновая
(глинистая) 2 »

Песок 2 »

Уголь 1 »

Смесь № 2 (земля саванны и степи)

Листовая земля 2 части

Торфяная 1 »

Дерновая 3 »

Песок 2 »

Уголь 2 »

Условное
обозначение
— Л

— С

Смесь № 3 (пустынная)		— П
Торфяная земля	1 часть	
Дерновая	4 части	
Песок	3	»
Кирпич битый		
(керамзит)	1	»
Уголь	1	»
Смесь № 4 (горная)		— Г
Листовая земля	2 части	
Дерновая земля	3	»
Песок	2	»
Гравий мелкий	2	»
Уголь	1	»

**Мудр не тот, кто много знает, а тот,
чьи знания полезны.**

Эсхил

3.

КОЕ-ЧТО ИЗ ОБЛАСТИ ХИМИИ

К химии многие чувствуют неодолимое тяготение, многие, но не все... У иных химия непременно связывается с гадкими запахами, видом отравленной воды, кислотами, серными желтыми парами и дымами и мало ли еще с чем, что неприятно для эстетических струн души. Однако без химии современный человек уже не может ступить и шагу, взять хоть процесс умывания и чистки зубов — ведь и мыло, и паста, и хлорированная, стерилизованная таким образом вода — все результат взаимодействия с этой «невыносимой» наукой. Не обошлось и кактусное дело, если можно так выразиться, без вмешательства химии...

Здесь я задам вопрос: что такое плодородная тучная земля? Это унавоженная земля, перегной, торф, чернозем и т. д. — ответят некоторые. Значит, можно предположить, что именно перегноем, гумусом, черноземом и питается с помощью корней растение? Утверждая это, мы делаем ошибку. Растение, как известно, не пита-

ется ни перегноем, ни гумусом, оно усваивает лишь минеральные соли, а следовательно, элементы и микроэлементы, связанные в них и содержащиеся в перегное в большом количестве. Для доказательства можно поставить опыт, когда совсем лишенное земли растение прекрасно развивается, получая раствор солей. Истина эта как нельзя более подходит к содержанию кактусов. Живя на почвах, бедных гумусом, но зато богатых минеральными солями, кактусы (а лучше сказать их корни) испытывают в перегнойной земле натиск мириадом разлагающих растительное вещество бактерий и грибов, что нехарактерно для кактусовых корней на их родине. Вот почему в перегнойной земле корни кактусов из пустынь, со скал и склонов «теряются», сгнивают, не выдерживают натиска, усугубляемого часто неверно подобранным уровнем кислотности. Вот почему для правильного выращивания кактусов необходимо и знание земли, и знание химии, и знание физиологии растений — науки, изучающей закономерности роста и сущность всех процессов, идущих в растении во взаимосвязи с окружающей средой.

Известно, что основными элементами, входящими в состав растения, являются углерод (С), кислород (О), водород (Н) и азот (N), что средний состав сухого вещества всего растущего: С — 45%, О — 42%, Н — 6,5%, N — 1,5%, прочая «зола» — 5%. В «мокром» виде большую часть растения, в данном случае кактуса, естественно составляет вода. Помимо основных элементов, в состав растения вводят фосфор (Р), сера (S), калий (K), кальций (Ca), магний (Mg) и железо (Fe). Наконец, в растении всегда присутствуют в ничтожно малых долях так называемые микроэлементы: бор, марганец, кобальт, медь, никель, молибден, вольфрам, цинк и мизерное количество радиоактивных элементов.

В отличие от животных растение питается двояко: с помощью листьев (у кактусов всей поверхности тела) и корней, причем поверхность кактуса, усваивая углекислый газ CO_2 и частично воду, играет такую же важную роль, как и корневая система. С помощью корня кактус втягивает воду и растворенные в ней соли, в которых содержатся все упомянутые выше элементы. Недостаток любого необходимого кактусу элемента в почве (хотя бы и микроэлемента) влечет за собой болезнь растения. Так, недостаток азота за-

держивает рост (в то время как излишек того же азота вреден для медленно растущих кактусов). Недостаток фосфора угнетает цветение, нехватка калия также вредна, ибо растение становится рыхлым, недостаток кальция (известки) ведет к тому, что у растения плохо формируется опушение, колючки и т. п. Угнетающе действует и недостаток микроэлементов, которые для растения подобны витаминам, хотя витамины сами по себе есть в растении, равно как и особые вещества — стимуляторы роста и цветения. Длительное время считалось, что кактусы не выносят удобрений, что им удобрения якобы вредны и опасны. Ныне же выяснено, что растения из засушливых тропиков, степей и полупустынь как раз нуждаются в большом количестве минеральных солей, хорошо их усваивают, важно лишь, чтобы соблюдалось нужное соотношение азота, калия, кальция и других элементов и чтобы корпи растения были здоровыми.

Удобрение кактусов должно быть правилом хорошего содержания, ибо ни одна самая идеальная земляная смесь не способна дать растению все, что нужно ему для наилучшего развития. Важно знать ряд правил, на которых необходимо остановиться.

Правило первое: Нельзя удобрять кактусы в период покоя. Это все равно что кормить спящего. Только тронувшийся в рост кактус должен получать удобрение и то вначале в половинных дозах.

Правило второе: Нельзя удобрять растения больные, не растущие, с пораженными корнями или только что пересаженные.

Правило третье: Нежелательно удобрять кактусы в солнечную жаркую погоду, для этого больше подходит либо пасмурный день, либо вечер после захода солнца.

Правило четвертое: Удобрение лучше давать снизу, через поддон, а не прямой поливкой.

Перед каждой подкормкой удобрением кактусы необходимо хорошо полить дождевой водой. Если хозяин коллекции побаивается, что поливка удобрением была сильной и могли пострадать корни, лучше на другой день снова полить кактусы дождевой водой.

Перед началом «удобрительного» сезона все кактусы обильно

поливают, а воду, которая вышла в поддон, сливают, так делают с растениями, которые не пересаживаются.

Удобрительные поливки производятся не чаще одного раза в десять дней, и лишь в периоды максимального роста кактусов (июнь, август, сентябрь) поливать можно еженедельно.

В период летней стагнации (замирания роста), который бывает не у всех кактусов, «остановившиеся» растения не удобряют. И вообще в июле удобрительные растворы нужно давать реже и половинной концентрации.

Не следует чрезмерно удобрять кактус, набравший бутоны, от этого бутоны могут переродиться в детки. Такие странные превращения в моей практике бывали, например, у ребуций и даже у опунций, последние, кажется, вообще предпочитают в наших условиях заменять бутоны и цветы новыми побегами. В период цветения кактусы надо удобрять половинным раствором или несколько увеличивать фосфорную (суперфосфат) часть удобрения.

Осенью в октябре, когда растение готовится к зимнему периоду покоя (от ноября до марта, а у некоторых кактусов от декабря до конца февраля), сокращается азотная часть удобрения, зато увеличивается количество солей калия. В октябре кактусы поливают удобрением не чаще двух раз и в половинном объеме.

В целом же можно сказать, что кактусы, которые пересаживаются ежегодно, почти не нуждаются в подкормках и те любители, которые «боятся» химии, могут обойтись без удобрений, за счет внимательного отношения к земле. Но, разумеется, в таком случае рост кактусов, развитие всех компонентов (колючки, «шерсть», опушение, цветы, формы) будут скромнее, чем у растений, получающих полноценное удобрение. Зато кактусы, «привыкшие» к постоянному усиленному питанию, уже чувствуют себя без него плохо, вот почему, покупая упитанный веселый кактус, надо обязательно знать, чем его «кормили» и в каких пропорциях.

Подкормки кактусов навозной жижей, птичьим пометом, коровяком и т. п. недопустимы, ибо в этих удобрениях содержится чрезмерное количество азота. Поливку настоем коровяка (слабым) можно практиковать для опунций, а для других кактусов пробовать лишь опытным путем.

УДОБРИТЕЛЬНЫЕ СМЕСИ ДЛЯ КАКТУСОВ

Смесь Кадатского в граммах:

1. Калий фосфорнокислый однозамещенный	100
2. Аммоний фосфорнокислый двузамещенный	15
3. Аммоний сернокислый	40
4. Калий азотнокислый	20
5. Кальций азотнокислый	20
6. Магний сернокислый	5

От 0, 5 грамма до 1,5 грамма смеси на 1 литр дождевой или кипяченой воды.

Смесь Хаге:

1. Калийная селитра	40
2. Калий фосфорнокислый однозамещенный	25
3. Суперфосфат 20 %	15
4. Калий сернокислый	10
5. Калий хлористый	9
6. Магний сернокислый	1

0, 5—1 г смеси на 1 литр

Смесь микроэлементов:

1. Железо сернокислое закисное	38
2. Марганец сернокислый	15
3. Борная кислота	21
4. Медь сернокислая	1,5
5. Цинк сернокислый	1,5
6. Кобальт сернокислый	0,5
7. Никель сернокислый	0,5
8. Алюмокалиевые квасцы	1
9. Хромокалиевые квасцы	0,5
10. Молибденовокислый аммоний	0,3
11. Вольфрамвокислый натрий	0,3
12. Ванадиевокислый аммоний	0,3
13. Литий углекислый	0,5
14. Иодистый калий	0,3
15. Кадмий бромистый	0,3

1 грамм смеси микроэлементов добавляется к 200 граммам основного удобрения. Или в растворе 1 грамма на 100 литров воды или 0,01 г на 1 литр.

Наилучшие отдельные соли для удобрения:

KNO_3 (калийная селитра). Источник азота. Стимулирует рост растения

KH_2PO_4 (калий фосфорнокислый однозамещенный). Соль,

содержащая фосфор, и калий, способствует цветению к плодоношению, но задерживает рост. Более пригодна осенью и перед цветением.

Суперфосфат стимулирует цветение и рост кактусов.

При поливе отдельными солями пропорция — 1 г на 1 литр воды.

Земля — казна, вода — золото.

Узбекская пословица

4.

ВОДА И ВОДЫ

Вода в жизни кактусов имеет такое же большое значение, как свет, чистый воздух, тепло, здоровая почва. Все рассказы, будто кактусы тем и хороши, что «их не надо поливать», что они растут «хоть как» («они ведь из пустыни») — не более чем вздорные утверждения людей несведущих. Иное дело, что формы потребления воды у кактусов достаточно своеобразны, очень различны, однако не настолько, чтобы отделять кактусы от всех растений вообще. Вспомните, что даже обыкновенная капуста великолепно улавливает, проводит и запасает воду, вспомните, как зеркальными каплями дождь скатывается по ее широко расставленным листьям и листья эти к тому же защищают землю от иссушения, вспомните, какие капли, подобные ртутным, набирает из росы сборчатолистое растение манжетка. А капли на острие каждой травинки ранним утром?

Кактусы «научились» извлекать воду наиболее совершенным образом и наиболее совершенно ее используют. Можно утверждать, что для повседневной жизни кактус довольствуется улавливанием влаги из воздуха, ночной росы и тумана, для этой цели служат волоски, шерсть, шипы, колючки, аккумулярующие и проводящие влагу ночью; корни же усваивают влагу лишь в период бурного роста и цветения, то есть в периоды дождей и вскоре после них. Здесь речь идет прежде всего о кактусах из пустынь, саванн и гор,

что же касается лесных эпифитных кактусов, то они получают влагу в большой степени также за счет своих побегов, но уже почти круглый год.

Следует заметить, что по насыщенности воздуха влагой большинство районов Мексики, Центральной Америки, лежащих узкой полосой между двумя колоссальными бассейнами воды — океанами — превосходят, скажем, Африку и тем более Азию. В квартирах же, где содержится большинство наших кактусов, воздух настолько высушен и пересушен, что, как ни странно, растения страдают в условиях оконного содержания более всего от сухости. Кактус, безжизненно стоящий на окне в комнате, тотчас начинает расти и хорошеть, как только его переносят во влажное тепло парника или теплички, и наоборот: попадая из влажного тепла в сухую прохладу квартиры, он «останавливается» за исключением немногих предельно выносливых видов, но и те «стремятся расти», когда окна квартиры открыты и, следовательно, влажность гораздо выше, чем зимой.

Влажность, необходимую для нормальной жизни, любит ведь и человек: приятно выйти «на свежий воздух», ибо это не что иное, как погрузиться в другую, естественную для человека влажность. Она нужна еще и потому, что совмещается с полезной всему живому отрицательной ионизацией.

Но если мы, ощущая нужду в свежем воздухе, всегда можем выйти на улицу, то кактусы этого сделать не могут, и, чтобы им хорошо жилось, нужно либо закрытое помещение с искусственно поднятой влажностью (тепличка), либо прививка на мощные устойчивые подвои, где кактус живет за счет питания корнями неприхотливого вида. Несколько лучше чувствуют себя кактусы на окнах деревенских и загородных домов, где естественно много выше влажность, чем в бетонно-асфальтовом пекле городского центра.

Однажды на заре кактусного собирательства я посетил некую любительницу, которая, как мне сообщили, имела «уникальную коллекцию». Действительно, на окнах этой квартиры, на модных тогда жардиньерках, подобию витражей и полочек размещалось видов тридцать кактусов и суккулентных кактусоподобных растений, которым судьба определила быть безделушками, так сказать, завер-

шением облика этого экстра-культурного интерьера. Не будем слишком смеяться над желанием включить кактусы в интерьер современной квартиры. Это может быть действительно очень красиво, но лишь там, где кактус не приравнивается к безделушке. В данном же случае кактусы, все без исключения поставленные или посаженные в яркую керамику, разного рода кувшинчики и плошки, смотрелись эффектно в сочетании с яркими шторами, паласами, гляncем мебели, ковром, расписными псевдоантичными и псевдомексиканскими тарелками на стенах — словом, со всем, к чему можно применить обозначение: экстра, супер, модерн, современность, экстравагантность, люкс! Женщина — владелица этого яркого мирка — была в точности подобна ему, приняла меня очень радушно, с милым отдалением на недостижимое расстояние, в уборе шамаханской царицы, в каком-то даже тюрбане. Я был оделен разного рода стапелиями (кактусоподобные африканцы), но суть не в дарах, ибо я уже говорил, что, выклянчивая кактусы, никто еще ничего путного не собрал, — суть была в том, что, встретив женщину через пару лет, когда я уже значительно преуспел в коллекционировании, я услышал жалобу, что все почти растения, купленные так дорого где-то в Москве, засохли и что она совершенно разочаровалась в кактусоводстве.

Явление закономерное. Томить живое растение где-нибудь на камине, в глубине комнаты — значит, заранее обречь его на гибель. Вот и получается, что обыкновенная пальма, сансевиера, бегония, фикус не в пример выносливее кактуса, прославленного своей якобы безмерной неприхотливостью, — «его и поливать не надо!»

Высокий уровень влажности, особенно по ночам, — главное условие здорового роста кактуса. Нигде не выпадают ночами столь обильные росы, как в пустынях, на горах и в других местностях с резкими перепадами температур. Вспомните утро в нашем августовском лесу, когда стоит неизменно ясная погода, а ночи уже удлинились и приближаются к тропическим. Уже с вечера на траве и листьях, на камнях и вообще на всем оседает мелкая изморось, к утру превращающаяся в крупную росу, подобие ночного дождя. Именно эту влагу аккумулируют, проводят к основанию корня и «пьют» кактусы. Кактус умывается росой, что очень важно для

поддержания в чистоте его покрытой кутикулой кожицы с редкими по сравнению с другими растениями устьицами. Умея таким образом собирать воду, кактусы долго могут жить без корней и даже цвести, увеличиваться в размере. Корни, как уже писалось выше, нужны в сезон роста и дождей, в засуху же мелкие сосущие корни, как правило, даже отмирают. Не нужно лишь путать это естественное «сбрасывание» мелких корней с поражением вредителями. Теряя корни, кактус одновременно «заготавливает» новые корневые почки, которые терпеливо будут ждать нового сезона дождей и тепла.

Новые корни появляются, можно сказать, мгновенно, часто за несколько часов, за одну ночь. Нагляднее всего это можно увидеть на примере тропических гимнокалициумов, таких, как Гимнокалициум Михановича или Гимнокалициум Фридриха. Зимой эти кактусы иногда пересыхают до совершенно безжизненного вида, но едва начинается сезон дождей, гимнокалициумы пробуждаются и начинают жить даже залитые водой во время наводнений, а когда наводнение спадает, в лужицах воды на мокрых лужайках уже стоят налитые соком гимнокалициумы, выбросившие свои булавовидные бутоны. Спустя самое короткое время бутоны раскроются прекрасными розово-белыми и сиреневыми цветами. Наводнения и дождевые потоки разносят и семена многих кактусов. Разумеется, ливневые дожди и паводки бывают не везде, но сезон дождей в тропиках и субтропиках обычно хорошо выражен, а иногда этих сезонов даже два. Вот почему цикличность в развитии растений (растений ли только) — абсолютное правило и норма. Вот почему одни кактусы поливают активно только летом (саванна), другие весной и осенью (пампасы и прерии), третьи редкими, но обильными порциями летом (полупустыня и пустыня), четвертые круглый год, лишь сокращая поливку в зимнее время (горы).

В большинстве случаев мы «подгоняем» и видовой и географический состав кактусов к условиям жизни и роста в нашем климате и наших условиях, но нужно помнить, что и зимой кактусы из разных мест и разных видов нуждаются в разной степени увлажнения — одни в период покоя (ноябрь, декабрь, январь, февраль) только опрыскивают, другие изредка поливают, третьи приходится

поливать и зимой, но для этого их держат в менее холодном помещении. Холод в сочетании с влагой — вот главный враг всех кактусов. Сухой кактус терпит значительные похолодания, за минус даже. Влажный загнивает и при температуре + 10, + 15 градусов.

Ждать от кактуса непрерывного роста, а главное, пытаться стимулировать этот рост и зимой с помощью поливки — грубая и непростительная ошибка, ведущая к гибели растения.

Вода для полива должна быть чистой, мягкой, приближающейся к дождевой. В местностях горных, например на Среднем Урале, вода почти везде жесткая, насыщенная солями извести и особенно пресыщающаяся этими солями в засушливое лето или зимой (весной вода гораздо мягче, так же как и осенью за счет таяния снега и долгих дождей). Жесткая вода при поливе моментально портит любую самую хорошую почву, коэффициент жесткости возрастает до 8РН, поверхность земли и корневые шейки растений покрываются желтоватой скорлупой отложившейся извести, эта же известь непроницаемыми чехликами покрывает сосущие корни, отчего они «задыхаются» и гниют. Как результат, кактус перестает получать нормальное питание и гибнет, поначалу потеряв корни.

Смена земли временно улучшает состояние растения, но продолжающаяся поливка той же водой приводит буквально через месяц-два к прежнему результату. Вот почему воду, во-первых, нужно обязательно кипятить, — при этом часть извести выпадает в осадок, в накипь, — во-вторых, прокипятив, отстаивать недели две, еще лучше собирать воду дождевую, подождав, пока дождь смывает грязь с крыш; снеговая же вода намного хуже, ибо снег проходит сквозь загазованную пыльную атмосферу города, собирает, абсорбирует весь воздушный «мусор» и часто тошнотворно пахнет химикалиями, сажей и нефтью. Кипятить воду нужно не только для того, чтобы понизить ее «закальцованность», но чтобы убить и болезнетворные бактерии, споры грибов, а также мельчайшие личинки нематод. Поливая кактусы из реки или тем более пруда, болотной лужи, мы неизбежно внесем в здоровую почву полный комплект корневых вредителей.

Какой-нибудь любитель из начинающих тотчас возмутится: «Да

что это такое?! Да как же в природе-то? Кто поливает там кактусы кипяченой водой?! Что за нежности?!» — И на этот внутренний, явно или не явно выраженный протест мне хочется обстоятельно ответить.

Дождь в горных, пустынных и лесных местностях намного чище, чем там, где поселился человек, где есть огороды, пашни, поля и сады. Человек, собирая и культивируя растения, одновременно собирает и культивирует массу вредителей растений. Следовательно, возможность заболеть для кактуса, растущего в дикой природе, гораздо меньше, чем «под крылом» у человека.

В природе все растения выделяют так называемые фитонциды, губящие всякого рода опасную микрофлору и микрофауну. Опушка соснового бора в смысле чистоты воздуха почти стерильна. Вот он, делительный воздух леса, чист здесь и дождь, и роса.

Кактусы на родине растут более всего в таких местностях и на таких почвах, где мощное солнце, сухость, периоды ливней и многомесячного зноя исключают развитие грибковых болезней и размножение вредителей, которых, к сожалению, полным-полно в наших почвах.

Кактусы «дикие» вообще гораздо более устойчивы к болезням, так как отбор сохраняет лишь самые жизнеспособные особи, а против вредителей имеются на родине кактусов и естественные противники — насекомые, которых не имеется у нас. Можно наконец утверждать, что чистое, то есть красивое и неповрежденное растение в природе встречается нечасто, в то время как в коллекции преуспевающего собирателя чистые кактусы — правило. Кактусы в природе бывают покрыты пятнами, поедены разными листоедами, иногда источены, имеют шрамы и раны. Думается, примеров достаточно для того, чтобы ратовать за здоровую почву, чистую воду и чистые растения.

Кактусам во время роста полезно раз-два в месяц устраивать дождевание, тепловую баню, поливая растения нагретой водой из лейки по несколько раз в день, как говорится до предела. Оберегают от таких «бань» только беловолосые виды, но некоторые кактусоводы моют и белые кактусы во время пересадок, моют с мылом (в мыльной воде и даже со стиральным порошком,

разумеется, в небольших концентрациях), прополаскивая все кактусы затем в чистой мягкой воде. Итак, поливать кактусы надо в период роста чистой мягкой дождевой или кипяченой отстоявшейся водой. В жаркие дни — ежедневно или через день (на ночь), в прохладные дни реже (утром). В воду во всех случаях добавляется лимонная кислота из расчета щепотка на 3 литра.

Опрыскивать растения нужно в любое время года (на ночь или утром), но лучше в период роста (только дождевой или дистиллированной водой), наливая ее в распылитель в горячем виде. Зимние опрыскивания должны прекращаться в сильные морозы.

В период начала роста я даю кактусам и водяной пар. Для этого в тепличку ставится электроплитка с кастрюлей воды. Вода кипит, в тепличке образуется влажный теплый пар, который благотворно действует на пробуждение растений после зимней спячки. Необходимо строго следить, чтобы вода не выкипала до дна; включать «подпаривание» лучше с полудня и к вечеру.

В период интенсивного роста я применяю для некоторых видов (гимнокалициумы, виггинзии, нотокактусы и некоторые другие кактусы из саванн) теплые, до 35 градусов ванны, опуская растения вместе с горшком на 25—30 минут в воду. Ванна способствует очищению кактуса от пыли, помогает росту, а также снимает и некоторых вредителей, не заметных для глаза. Купать кактусы зимой или в период покоя нельзя: они очень быстро загнивают.

В заключение хочу предостеречь любителей и от попыток оживить нерастущий, «стоящий» кактус обильными поливками. Если кактус не растет, значит, он либо потерял корни, либо подгнил, либо поражен червецом с макушки. Усиление полива только добьет растение, и оно скорее всего погибнет. Такой кактус надо извлечь из земли, обрезать все больные корни, очистить от вредителей, подсушить и укоренить заново, либо привить на хороший подвой.

СТЕПЕНИ ЖЕСТКОСТИ ВОДЫ (УСЛОВНО)

1. Дождевая вода — 0
2. Снеговая вода — 1
3. Речная проточная вода весной — 3

4. Речная проточная вода зимой и летом — 4
5. Озерная и прудовая непроточная вода — 5
6. Колодезная вода — 6
7. Колодезная вода в горных местностях с известняками — 7

СРЕДСТВА ДЛЯ СМЯГЧЕНИЯ ВОДЫ

1. Азотная кислота — 4—5 капель на литр воды
2. Лимонная кислота — 0,5 г на 3 л
3. Уксусная кислота — 4—5 капель на 1 л
4. Торф — 200 г торфа на 3 л воды, настаивать в течение суток
5. Лимонный сок — 5—7 капель на стакан воды

ПРИМЕРНАЯ ЧАСТОТА ПОЛИВА КАКТУСОВ ПО МЕСЯЦАМ

Январь — 0

Февраль — 0 или 1

Март — 3—4

Апрель — 4—7

Май — 7—10

Июнь — через день-два в зависимости от погоды и сухости почвы

Июль — 3—4 (некоторые виды)

Август — через день-два

Сентябрь — 7—10

Октябрь — 3—4

Ноябрь — 2—3

Декабрь — 1—2

5.

МОЖНО ЛИ БЫТЬ СОЛНЦЕМ!

Солнце не может быть заменено ничем. Солнце одно на всех. Солнце — это жизнь, это ласковый свет и губительный жар, это приветливое тепло и опасные ожоги... Таких прописей можно было бы привести бесконечное множество. По «солнцеемкости», если ввести такой термин, кактусы должны относиться к наиболее потребляющим лучистую энергию растениям и к наиболее «жароустойчивым».

Однако таковы не все кактусы, а лишь некоторые. Обычный картофель, всходы которого появляются в июне, не получает никаких ожогов под самым палящим зноем. Выставьте на этот зной кактус, и он получит тяжелые ожоги или даже погибнет, хотя тот же самый кактус на родине не получит никаких повреждений.

Где же истина? Их несколько. Первая: кактусы делятся на солнцелюбивые и любящие полутень — те, что растут в травах, подлеске, среди кустарников, под скалами, в тени камней, в трещинах лавы. К солнцелюбивым относится большинство пустынных и горных белых кактусов — белые мамиллярии, опушенные цереусы, клейстокактусы, кактусы с жесткой кожей и мощными колючками, какими являются североамериканские ферокактусы и эхинокактусы, а из южан — чилийские копиапоа, хорридокактусы и неочилении. Тенелюбивых кактусов, пожалуй, будет большинство или по крайней мере две трети всех видов, перечислять которые по родовому признаку даже было бы бессмысленным. Знать же свойства эти необходимо, ибо светолюбивое растение на свету развивается вдвое быстрее, чем в тени, и, наоборот, тенелюбивое, помещенное на яркий свет, вдвое замедляет свой рост. Поэтому утверждение, что всем кактусам якобы необходим свет, и чем больше, тем лучше, — неверно.

Вторая истина. Солнечное освещение на родине кактусов и у нас различно по длительности и периодичности. Световой день тропиков и субтропиков значительно короче нашего летнего дня и длиннее зимнего. На экваторе ночь и день вообще одинаковы (по 12 часов). Сумерки там наступают быстро, быстро переходят в темную ночь, утром столь же скоро светает, солнце стремительно набирает высоту, усиливая свой жар, проходит зенит и так же быстро этот жар убывает. Вот почему почти все кактусы относятся к короткодневным растениям, и многие из них у нас не цветут именно по причине долгого летнего дня и чрезмерно короткого дня зимой, когда растения «не успевают» выработать и заложить цветочные почки. Удлиненный день зимой нужен кактусам для этого скрытого роста, который мы называем периодом отдыха и покоя. На самом же деле в кактусе идет невидимая глазу жизнь, укрепляются его ткани, вызревает будущий прирост, оформляются кор-

новые и цветущие почки, растение готовится к новому этапу жизни. Поэтому важно подсвечивать кактусы дополнительно в вечерние часы осенью и зимой, а в идеальном плане и сокращать им световой день поздней весной и летом до 12—14 часов. В лучших голландских, немецких и других зарубежных кактусовых хозяйствах так и делается.

«Подсвечивание» кактусов необходимо еще и потому, что на подоконнике растения живут словно в пещере, что в природных условиях нигде не встречается. Одностороннее освещение при всей жизнестойкости кактуса вредит ему, — при этом надо учитывать и расположение квартирных окон. Замечено всеми, что кактусы и другие комнатные растения вообще лучше растут на восточных и юго-восточных окнах, хуже на южных, совсем плохо на западных и — парадокс! — несколько лучше на северо-западных окнах. На северных окнах кактусы тоже растут, однако не все виды. Объясняется это тем, что солнечный свет с утра до заката меняется. В полном смысле ласковые, нежгучие, содержащие наибольшее количество необходимых растению компонентов утренние лучи постепенно освещают и нагревают кактусы на восточных окнах, после чего солнце без ущерба для растения может заменяться лишь рассеянным светом окна; в то же время кактусы на западных окнах, с утра до полудня стоящие в тени, после полудня вдруг освещаются палящим, резким солнцем, получают своего рода «солнечный удар», удар света. Этот свет подобен струям кипятка, падающего внезапно на неподготовленную ткань растения. Результат «западного» содержания — постоянные ожоги, остановки роста, кактусы растут плохо, «перемогаются», чаще поражаются и вредителями. В чешских руководствах вообще говорится, что на западных окнах можно выращивать лишь немногие особо стойкие виды.

Но как же быть любителям? Как быть, если у кактусовода квартира без балкона, без лоджии, с окнами на север, с окнами-амбразурами или в виде круглых дыр? А западные окна, о которых я говорил только что, пожалуй, особенно часты.

Мне, тоже не имеющему балкона, в квартире с окнами на запад, повезло точно так же, как многим. Что делать? Отказываться от

разведения кактусов? Но любители готовы содержать растения хоть в подполье, лишь бы была хоть слабая надежда на успех... Итак, предстояло чем-то заменить утреннее солнце, уменьшить поражающее действие его полдневных лучей, в-третьих, удлинить световой день зимой, в-четвертых, не испортить интерьер квартиры, о чем не слишком беспокоятся мужчины, зато решительно встают против малейшего нарушения женщины. Из оконного эркера я соорудил нечто вроде комнатной теплички (ее можно сделать практически на любом окис, удвоив остекление наружных рам, а внутренние отодвинув так, чтобы они служили задней стенкой теплички, в полученном межоконном пространстве и оборудуется помещение для кактусов). В тепличке установил я четыре лампы дневного света, а для дней с горячим солнцем устроил притеняющий экран, даже несколько экранов, один в виде жалюзи из тонких дранок (для самого сильного солнца), другой в виде бумажной решетки, третий из полупрозрачной полиэтиленовой пленки. Защитные экраны много удобней, чем забеливание окна полосами извести, легко убираются и надежно защищают кактусы от перегрева и ожогов. Само собой, что в пасмурные дни защитный экран снимается. Таким образом, я почти решил все проблемы — кактусы стали получать подсвечивание с утра до полудня, а зимой и во второй половине дня перестали «гореть», квартира же от «кактусника» только выиграла: отделав тепличку полированным деревом, я заслужил признание и у жены, которая, — несколько необычный случай, — занимается кактусами с не меньшим усердием, чем автор.

Растения в тепличке с лампами стали расти безусловно лучше, однако не настолько, чтобы удовлетворить меня, всегда жаждавшего отличных и поразительных результатов.

Изучив целый ряд книг по светокультуре растений, я установил, что лампы дневного света необходимо помещать над кактусами как можно ниже — до расстояния в 5 сантиметров (у сеянцев даже в 3 сантиметра), что набор ламп должен быть разным — лучший эффект дает сочетание трех ламп теплого дневного света ЛБ с одной лампой холодного голубоватого ЛД или ЛДС. Узнал я также, что красные лучи стимулируют рост растений и поэтому к лампам дневного света не худо добавлять за неимением красной (кото-

рую купить не купишь, а надо «доставать») обычные лампы накаливания — одну-две по 100 ватт.

И все-таки подлинный солнечный свет, особенно летом, незаменим ничем. Вот почему любители должны свыкнуться с мыслью, что летом кактусы нужно вывозить «на дачу», и чем раньше, тем лучше. Для тех, кто имеет сады, дома с участком, эта проблема облегчается, так как выстроить любую теплицу, тепличку, веранду, парник — дело умения, желания и вкуса. Проектов здесь бесконечное множество, и потому я их даже не описываю, скажу лишь, что, соорудив теплицу или хотя бы парник, можно наконец увидеть действительно растущие, цветущие и процветающие кактусы. Солнце и свежий воздух в сочетании с притенением и правильным режимом творят чудеса. Какие яркие многоцветные, мощные и здоровые щетины, иглы, шипы развивают кактусы, растущие с апреля по ноябрь в теплице, каким ярким, здоровым цветом наливается само растение, как прибывает в объеме!

За неимением дачного участка тепличку можно соорудить в лоджии, если нет лоджии — на балконе, нет балкона — за окном, в виде заоконной полки, которую лучше изготовить из оргстекла. Хотя оргстекло довольно дорогой материал, а идут в дело преимущественно стекла, продающиеся в магазинах канцтоваров, оно обладает рядом ценных преимуществ: не бьется (но может лопнуть), хорошо пилится, сверлится, а следовательно, крепится винтами, легко клеится и, что самое ценное, пропускает ультрафиолетовые лучи, которые почти не пропускает обычное стекло. Заоконную полку, закрываемую сдвигающимися стеклами, нужно делать повыше, ибо на низких полках кактусы могут подгореть. Полка должна иметь и вентиляцию, а для привыкших, приученных к солнцу кактусов можно и вовсе снимать верхнее покрытие, особенно в августе и в сентябре, когда солнце уже не так жжет.

ГРУППЫ КАКТУСОВ ПО СТЕПЕНИ ТЕПЛОЛЮБИВОСТИ

1. Кактусы умеренного пояса (опунции, хаматокактусы, ребуции, гимнокалициумы гиббозум, хубутензе).
2. Кактусы, нуждающиеся в значительном количестве теп-

ла весной, летом и осенью (абсолютное большинство видов).

3. Кактусы тропические, нуждающиеся в тепле круглый год (мелокактусы, дискокактусы, рипсалисы, бразиликактусы, гимнокалициумы денудатум и флейшериянум и подобные им).

ГРУППЫ КАКТУСОВ ПО СТЕПЕНИ СВЕТОЛЮБИВОСТИ

1. Любящие полное солнце (ореocereусы, опунции, тефрокактусы, белоопушенные цереусы, белые мамиллярии, ферокактусы, эхинокактусы).

2. Легкое притенение (подавляющее большинство кактусов).

3. Тенелюбивые кактусы (гимнокалициумы денудатум, флейшериянум, рипсалисы, кактусы-эпифиты).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СВЕТ ДЛЯ КАКТУСОВ:

зимой с 4—5 часов дня до 8—9 часов вечера.

ЗАТЕМНЕНИЕ КАКТУСОВ ЛЕТОМ:

с 5—6 часов дня до начала рассвета.

Для усердия и искусства мало невыполнимого.

С. Джонсон

6.

МОИ «ТАМАУЛИПАСЫ»

Первые опыты оконного содержания кактусов были в общем все-таки удачными. Но, радуясь кактусам, замечая их новые колючки и здоровый летний прирост, я постоянно думал о том, что более прихотливые виды вряд ли будут расти прямо на подоконнике — об этом предупреждали и все руководства, какие я мог достать и перевести. И действительно, пока я имел дело с опунциями, эхиноп-

сисами, простенькими видами мамиллярий вроде Мамиллярии Вильда или Мамиллярии пролиферы, все было хорошо, но как только я привез из Москвы и Прибалтики около ста видов ценных и относительно редких кактусов, качались мои мучения: оранжерейные питомцы не желали расти на окне, «стояли», теряли цвет, мрачнели и покрывались пятнами.

Я уже писал выше, что, поскольку балкона у меня не было, я соорудил оконную тепличку, отгородив от комнаты выступ-эркер четырьмя сдвигающимися рамами, заходящими друг за друга. Всю работу по устройству тепличного эркера проделал сам — как-то уж так получается, что привыкаешь браться и за незнакомое дело, лишь бы избавиться от общения с умельцами, измеряющими свой труд в литрах, пол-литрах, бутылках, стограммах... Я пишу это лишь затем, чтобы призвать читателя идти моим путем, то есть приобрести несложные инструменты, как-то: рубанок (лучше полуфуганок), ножовку (ручная пила), молоток, долото, коловорот, калевку, которой, говоря на странном столярном языке, «отбираются четверти», а по-русски это значит — протрагиваются углубления для стекла (они же — фальцы), затем надо сделать чертеж, достать материал, и работа сама собой пойдет. Именно так я сделал рамы, остеклил их, в нижние и верхние торцы вставил в углублениях пластмассовые колесики, сделал для рам коробку, а чтобы они свободно передвигались в этой коробке, сверху и снизу прострогал желобки-дорожки. Остальное читателю известно, добавлю еще, что тепличка избавила меня от лишнего уличного шума, я, наконец, увидел бесшумные трамваи и почти бесшумные автобусы. Самое же главное — в тепличке установился микроклимат с той влажностью и свежестью, какая немыслима в комнате. Кактусы начали расти намного лучше.

Позднее у многих истовых кактусоводов я видел самые разнообразные теплички — оконные, балконные, выдвижные и выдвигные, с экранами-светофильтрами, с установками для подогрева, подсвечивания и увлажнения, с искусственным ветром и дождем, теплички, буквально начиненные всякого рода автоматикой, кибернетикой и телемеханикой. Строили их инженеры с глубокими техническими знаниями, умницы изобретатели, способные из сломанной швейной

машины сделать мотоцикл и автомобиль, а из старого агрегата от холодильника — установку-кондиционер, но моя простенькая тепличка была все-таки одной из первых в пятидесятые годы (по крайней мере в нашем городе), и я гордился ею. Я не представлял, однако, что тепличка в окне всего лишь первый шаг к обширному электрохозяйству, каким пришлось мне впоследствии обзаводиться. Испытав первые неудачи при посеве семян и выращивании кактусов, я пришел к выводу, что пора приняться за создание специальных микротепличек для посева, для подращивания сеянцев, а также и для особо редких, наиболее прихотливых кактусов, которым хочешь не хочешь, а надо создавать подобие климата родины.

К примеру, есть в Мексике штат с несколько затруднительным для нашего языка и уха названием Тамаулипас. Территория его тянется по побережью Мексиканского залива, а часть штата составляют горы Сьерра-Мадре, граничащие с не менее известными штатами Коагуила и Сан-Луис-Потоси. В штате Тамаулипас, как нарочно, собраны природой самые выдающиеся мексиканские редкости, здесь растут розеокактусы, Астрофитум астериас, замечательные белые мамиллярии. Но как воссоздать климат этого штата с его высокой влажностью, отвесным солнцем, чистым, насыщенным озоном и отрицательной ионизацией воздухом, с его росами в горах, темными ночами, которые намного длиннее наших летних ночей, и ясными сухими зимними днями, когда по месяцам стоит безоблачная погода, дуют ветры и температура даже в январе не опускается ниже 15—18 градусов?

Уже во время изготовления микротеплички для сеянцев, где обычные лампы накаливания оказались совершенно негодными, а лампы дневного света пришлось с трудом «доставать», равно как и многое другое: алюминиевый уголок, оргстекло, миниатюрные кнопочные выключатели, провод разного сечения, полированные доски и мало ли что еще, — я убедился, что моральные муки очень неприятны. Вот почему мне и сейчас хочется, обратясь к торговым деятелям, воскликнуть: «Да до каких же пор все нужное для постройки даже маленькой теплички приобретать у «дяди Пети», а не в государственном магазине? Почему надо искать и находить людей с настороженными взглядами, которые сначала долго

мекают-некают, а потом, изучив тебя, соглашаются «поговорить с ребятами»?» Ах, как хочется отойти от этих людей подальше, прийти в государственный магазин, где приветливая продавщица с обворожительной улыбкой достает тебе с полок и лампы, и полупроводники, и всякого рода пластики, клеи, винты-гайки-провода и слышишь ее голос: «Не угодно ли еще вот это? Или это? А может быть, вы купите замечательный полировочный лак? Или вот еще лампы новейшей конструкции... » И все завершится стремительной упаковкой, обвязыванием шнуром, щелканьем ножниц и новой улыбкой: «Пожалуйста, пожалуйста... Мы вам так рады.... Спасибо за покупку... Будьте добры. Заходите еще... »

Справедливости ради надо сказать, что сейчас стало много больше хозяйственных магазинов и товаров в них появилось немало и даже магазин «Юный техник» открыт, где, как правило, толкуются далеко не юные покупатели, а вот насчет продавщиц... Иной раз стоит холодное косметическое диво, глядя сквозь тебя в её лишь доступную даль, и боишься диво отвлечь от мечты, а отвлечешь, ответит трудно, смерив тебя взглядом: «Там все написано... Глазато есть... у вас... »

Как тут не пойдешь к «дяде Пете».

Владея уже неплохо пилой, фуганком, сверлами, долотом и стамесками, я довольно скоро изготовил приличную полированную коробку, сделал для нее стеклянный колпак-покрытие, так что стекла всегда можно было вынуть из пазов (мера необходимая, ибо к растениям всегда должен быть доступ со всех сторон). Смонтировал поднимающуюся и опускающуюся прямоугольную раму для блока с четырьмя лампами ДС (3 ЛБ и ЛДС). Дело осталось за оснащением теплички электрооборудованием. Но здесь-то и вышла заминка. Я с детства не лажу с электроприборами и с электричеством, еще с тех пор, как попытался превратить свой игрушечный автомобиль в машину с электродвигателем, для чего, привязав к ней веревочку, а к веревочке два гвоздя, вставил их в гнездо розетки... Опыт с изобретением электромобиля надолго отвадил меня от электроприборов, по и позднее, став взрослым, я боялся пробок, плиток, утюгов, люстр, потому что всегда почти, едва я брался за их починку, у меня что-то взрывалось, перегора-

ло, обдавало фонтанами искр в самом лучшем случае. Вот почему я не решился на монтаж оборудования из четырех ламп, ведь их надо было разобрать, расчленить, сами лампы установить вверху на поднимающейся раме, а все прочее заложить в низ ящика как подогревающие элементы.

Я призвал на помощь электрика из домоуправления, который согласился сделать все за четвертную и даже приступил к работе — развинтил лампы на составные части. Но затем, получив аванс, монтер не появлялся недели две, пойманный за рукав, пообещал прийти «завтра», а потом канул куда-то в неизвестность, я же в то время заболел ангиной, и долгая надоедливая болезнь побудила меня самому взяться за дело. Лампы с отсоединенными «дресселями» и «стартерами», как называл их электрик, для тренировки я снова собрал, включил, боязливо моргая, в ожидании привычного взрыва, но — чудо! — лампы спокойно зажглись. Тогда, окрыленный успехом, я изучил в теории, что надо соединять параллельно, что последовательно, и приступил к «начинке» теплички оборудованием.

Не желая затруднять читателя лишними подробностями, скажу только, что в процессе изготовления еще четырех тепличек, одну из которых я назвал «Тамаулипас», я приобрел специальности столяра, жестянщика, слесаря-универсала, стекольщика, модельщика, дизайнера, а также электрика широкого профиля. Теперь я уже не боюсь пробок, исправляю, хотя бы под током, любую проводку, чиню плитки и утюги, меняю и провожу любое освещение, а также по нужде ремонтирую краны, смесители, сальники и производжу любые столярно-плотничные работы, к которым чувствую словно бы природное призвание.

А мои «тамаулипасы» имитируют климат, влажность, световой день любого мексиканского или бразильского штата, и сейчас я лишь бьюсь над проблемой изменения барометрического давления для воссоздания условий высокогорья. Теплички дают возможность выращивать сеянцы, кактусы-подростки, с тем чтобы сформировавшиеся растения приучить уже к более жесткому режиму оконной теплицы.

А для людей недоверчивых замечу, что, лишь обладая такими

тепличками, можно получить за два года взрослые экземпляры кактусов из семян, не забывая, конечно, о всех прочих условиях; земля, воздух, полив подходящей водой. Главное, что дают «тама-улипасы», — это световой режим и тепло. Молодые кактусы и сеянцы очень любят тепло, и, поддерживая его на оптимальном уровне 27—40 градусов днем и 17—20 ночью, можно добиться поразительных успехов в выращивании молодых растений.

Также ускоряет рост молодых кактусов высокая концентрация углекислого газа CO_2 . В парниках и теплицах концентрация газа значительно выше, чем в квартире, вот почему кактусы летом нужно обеспечить и таким «жильем», где они получали бы свежий воздух, естественный солнечный свет, пусть через притенение, и большое количество углекислоты от почвенных процессов. Идеальным было бы оборудование подогревом парника, хотя бы на ранне-весенние или осенние месяцы, но такое доступно лишь владельцам домов-особняков или капитальных дачных строений.

А вывод — чем больше условий, имитирующих природные, вы создадите растениям, тем больше радости и меньше огорчений ждет коллекционера.

НЕКОТОРЫЕ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- — взрослое растение на своих корнях, полное солнце
- ◐ — нуждается в притенении
- ⦿ — сеянец (до трех лет) на своих корнях
- ⊖ — детка
- ⊕ — привитая детка
- ⦿ — привитый сеянец
- ⊖ — взрослое привитое растение или нуждающееся в прививке

К — кристатная форма
Б — бесхлорофилловая форма
Л — лесное растение, лесная почва № 1
С — растение из саванны или степи, смесь № 2
П — пустынное растение, почва пустыни, смесь № 3
Г — горное растение, горная почва, смесь № 4

КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

I — особо редкие и трудные для выращивания растения
II — редкие растения
III — встречающиеся нечасто
IV — сравнительно обычные
V — распространенные или неприхотливые растения

КАТЕГОРИИ РОСТА

1 — первый рост (от 1,5 до 2 см в диаметре)
2 — второй рост (от 2,2 до 4 см, высота столбовидных до 5 см)
3 — третий рост (от 4,2 до 7 см, высота столбовидных до 10 см)
4 — четвертый рост (от 7,2 до 10 см, высота столбовидных до 15 см)
5 — пятый рост (свыше 10 см, свыше 20 см)

7.

РАЗБОЙНИКИ, ГРАБИТЕЛИ, ВРЕДИТЕЛИ...

Во всех книгах о кактусах, переводных и отечественных, о болезнях и вредителях кактусов почему-то говорится скороговоркой. Можно подумать, что дело здесь обстоит вполне благополучно, а вырастить здоровое растение вообще не стоит никакого труда.

Между тем именно от вредителей и грибковых болезней гибнет множество растений, в первую очередь сеянцев, молодых кактусов, кактусов-редкостей, за которые были заплачены немалые деньги — ведь кактусы дороги, по крайней мере сейчас. Что можно сказать о тех, кто отнял у вас плоды долгих трудов и забот? Вероятно, подошло бы любое из двух первых существительных в заглавии

этого раздела. «Вот и занимайся после этого кактусами!» — воскликнет иной обескураженный читатель. Но поспешу его успокоить: если он не пойдет тем путем, которым поначалу шел автор, собирая коллекцию из всех возможных тогда источников и со всеми возможными вредителями, не имея ни литературы (ее и сейчас негусто), ни опыта (опыт приобретается на шрамах и ошибках), если сам станет выращивать кактусы из семян и будет строжайшим образом следить за чистотой и здоровьем своих питомцев, — может смело считать, что его коллекция будет процветающей.

Нахожу не лишним написать о вредителях подробно. Первым существом такого рода, с которым я встретился буквально сразу же, едва у меня оказались черенки и детки из ботанического сада, было беловатое насекомое, под лупой очень похожее на небольшую мокрицу. Существо это на вид довольно неподвижное, могло, однако, и быстро передвигаться по стеблю кактуса, но чаще просто сидело как бы в оцепенении в укромном уголке растения. Беловатые «мокрицы», размножались с удивительной скоростью, через день-два их было уже десятки, и они буквально облепляли кактусы особенно у макушек, выбирали места у точки роста и прямо на ней. Вначале на растении не было видно никаких повреждений, но вскоре кактус прекращал рост, останавливался, а если я не убирал насекомых, начинал и желтеть. «Мокрички» же словно возникали из ничего». Спустя день-другой я находил их снова примерно в тех же местах и в том же количестве. Иногда я о них забывал или отмахивался: «А, потом! Некогда!» И тогда находил в углублениях растения как бы клочки ваты, стоило их тронуть, и из них вылетало облачко микроскопической пылицы.

Тогда я не знал, что «мокричка» — это опаснейший и надоедливейший вредитель кактусов «мучнистый червец», существо, погубившее многие и многие коллекции нерадивых любителей. О червце этом пишут, что он «легко убирается кисточкой, смоченной в спирте». Вроде бы и всего-то! Но, во-первых, червец крайне устойчив ко всем ядохимикатам, его не уничтожает ни опрыскивание эфирсульфонатом, ни модным ныне цветофосом (кактус от цветофоса болеет и гибнет, а червец остается). Надобно знать механизм действия этого злейшего и упорнейшего врага кактусов.

Распространен он очень широко и есть в любой хоть сколько-то запущенной коллекции. Он может быть как на поверхности растения, так и на корнях (в земле!), отчего растение сразу останавливается в росте и быстро хиреет.

Из Москвы я завез еще более ужасную форму этого вредителя — червец мелкий, почти микроскопический и размножающийся буквально мириадами, мне «продал» его очень обходительный старичок на птичьем рынке, старичок, у которого не советовали брать кактусы более опытные любители. Я не послушался их совета и был горько наказан. Борясь с этим видом червца, я и мыл кактусы, и погружал их на сутки под воду, и устраивал горячие ванны по совету «опытных» любителей, в результате обжег многие растения, а червец остался.

Тогда я принялся за изучение этого противника и установил совершенно точно механизм его действия на кактус. Каждый червец стремится прежде всего добраться до вершины растения, там вокруг точки роста всегда наиболее нежные ткани, в которые и втыкает насекомое свои две сосущие щетины, подобно тому, как делает это комар или клещ. Щетины микроскопически малы, а значит, остры и легко пробивают ткань кактуса, проходят в отверстия оболочки, но помимо питания соком кактуса червец вводит в точку внедрения, а значит, и в точку роста парализующую жидкость — яд, который действует настолько сильно, что даже «укус» одного червца, даже убранного затем, надолго, иногда на месяцы останавливает рост кактуса. Что же говорить, если червцов много? Мелкий червец очень похож на крапинки на стебле кактуса, например астрофитумов; «окуклившиеся», то есть покрытые «ватой» и превратившиеся не во что иное, как в кладку из сотен микроскопических яиц-зародышей, насекомые (неправда ли — интересный способ продления жизни?) очень похожи на белое оклочкование, которое есть у многих кактусов на вершине и ближе к вершине, например у мамиллярий.

Смыть червца струей воды очень трудно, он цепко держится; истребленный на поверхности растения, забирается в корневую систему. «Пыльца» разносится особенно в сухом воздухе на все соседние растения, кроме того, червцы оставляют и пакеты с

кладкой, похожие на белый треугольный наконечник стрелы. Забравшись под густые щетины мамиллярий, червец становится почти неуязвимым, кроме того, не надо забывать, что для маленького кактуса это существо довольно велико, как если бы на человека напал клоп, скажем, величиной с ворону... Особенно опасно поражение червцом для сеянцев и молодых кактусов. Можно утверждать, что, если на сеянце побывали червцы, растения уже не могут оправиться, растут очень плохо, хиреют, а там, где сидело насекомое, остаются уродливые вмятины.

Вот почему любитель должен самым пристальным образом следить, не появился ли этот враг номер один в его коллекции, а при появлении «бить тревогу», как любят писать в газетах начинающие журналисты. Растение, где обнаружен червец, надо немедленно изолировать от остальных, промыть с кисточкой водой, после чего поместить в кастрюлю, стенки и дно которой обкладываются газетами, а газеты опрыскать цветофосом и плотно закрыть кастрюлю крышкой, скажем, на ночь или на сутки. Учитывая тошнотворный одеколонный запах цветофоса, процедуру эту лучше устраивать либо на балконе, либо в нежилом помещении или на воздухе. Газовая камера уничтожает червеца радикально, всякие же опрыскивания, «корневые ванны» и прочие якобы панацеи не дают стопроцентного результата. Самое главное — не допустить появления червеца. Вот почему коллекция, сразу выращенная из семян, — опять же самая лучшая. А всякий купленный кактус надо не торопиться ставить в коллекцию и выдержать сутки под стеклянным колпаком, куда ставится баночка с эфиром или кладется ватка, смоченная этим же веществом.

В борьбе с корневым червцом эффективна и поливка земли раствором очень сильного яда рагора, 40—50 капель на литр с соблюдением всех предосторожностей, ибо рагор еще более тошнотворно пахнет, чем цветофос, и более ядовит. Но можно сказать с абсолютной точностью, что, если вы не обзавелись червцом «верхним», его не будет и на корнях, если же он есть на корнях, то будет и вверху. Неплохо помогал от червеца дуст или гексахлоран, которым опыливалось все растение, но теперь оба эти химиката не производятся и не применяются, ибо оказались после

целого двадцатилетия активного применения общеядовитыми и даже накапливающимися в тканях...

К врагам» лишь немногим менее опасным, но не менее надоедливым, я бы отнес мелкое черноватое насекомое «мошку» — трипса. О трипсе, о плодовой мушке-дрозофиле и так называемых грибных комариках вообще почти не говорится в литературе, а между тем они стоят серьезного разговора. Как-то, сосредоточив всю энергию на борьбе с червецом и нематодой, о которой еще будет сказано, я совершенно не обращал внимания на мошек, что летали в тепличке и бойко бегали по горшкам с кактусами. «Что они могут сделать? Пусть летают. А может, они еще и полезны чем-нибудь...» — так рассеянно думал я. Я и не знал, что, если в тепличке появилась хоть одна такая мошка, значит, уже обязательно есть хотя бы один обреченный на гибель кактус, а если мошек много, коллекция **ВО-ОБЩЕ ПОД УГРОЗОЙ.**

Спустя какое-то время я обнаруживал, что тот или иной кактус как будто чуть-чуть осел или даже более «ощетинился», тронув его, я убеждался, что кактуса нет вообще, а есть лишь скорлупа с кожей и колючками, в лучшем случае выяснялось, что у кактуса нет корней, они сгнили довольно странно — превратились в чехлики из кожицы, а внутри них, как и внутри кактуса, обнаруживались мелкие белые червяки, совершенно подобные тем, каких все находили в иструхших ножках грибов. Поиски истины привели меня к черноватой бойкой мошке с белыми поблескивающими крыльями (это самки, а самцы и потомство вообще как будто бескрылые, мелкие черные твари, кишачие под горшками и в земле). Очевидно, крылатая самка трипса или грибного комарика заражает кактус грибковой или бактериальной гнилью, после чего откладывает на пораженное место яйца, и личинки, внедряясь в загнившее растение или в корни, быстро довершают дело. Кактус гибнет, а из земли (достаточно ее слегка пошевелить) вылетают все новые и новые насекомые, которым дела нет до ваших печалей.

Избавиться от трипсов еще труднее, чем от червца. Трипсы водятся преимущественно зимой, осенью и весной во всех квартирах. Они есть в гниющем луке, яблоках, моркови, и я подозреваю,

что гниль плодов и фруктов вызывают как раз эти насекомые, их до сих пор никто толком не исследовал. Борьба с трипсами следует, во-первых, поливая почву в горшках осенью раствором рагора, во-вторых, засыпать шейку кактуса и поверхность земли мелким гравием или крупным песком, что трипсы не любят. По моим наблюдениям, в горшках, присыпанных камнем, растения страдали реже. И, наконец, надо брать за правило немедленно уничтожать любое летающее и ползающее насекомое внутри теплички, помни, что друзей тут нет.

Третий враг кактусовых — корневая, или галловая, нематода относится уже не к насекомым, а к червям, точнее к круглым червям, напоминающим глистов. Нематоды — это как бы растительноядные глисты, живущие повсюду в почвах и питающиеся соками корней всевозможных растений. Особенно много нематод в огородной земле, там, где десятилетиями росли капуста, картофель, морковь. Нематоды исследованы гораздо больше, чем червецы и трипсы, о них с ужасом пишут в кактусоводческих книгах, в то время как я по опыту считаю их врагами несравненно менее опасными, чем названные выше.

Сама по себе нематода почти не видна — микроскопический червь. Однако если бы вы увидели, как выглядит ее оружие-копье, вы поразились бы, до чего изобретательна природа. Представьте себе сложный острый многогранный штопор в сочетании со шприцем и кинжалом — это и будет «копье» нематоды (у разных видов копья разные — короткие, длинные, имеющие всевозможные крючья, прицепки и зазубрины). С помощью копья нематода пробивает чехлики корней, держится на корне и пьет через свой рот-шприц нужные ей соки. На местах, пораженных нематодой, корни болеют, на них образуются наросты и клубеньки — галлы. Мелкие нематоды проникают внутрь корней и стеблей. Через отверстия, пробитые «копьями», в корни попадают гнилостные бактерии и грибы. Вот почему кактусы, посаженные в непропаренную землю, получают зачастую и комплект нематод, которых в нашей луговой, полевой, лесной земле гораздо больше, чем на родине кактусов. Особенно много нематод в тяжелой глинистой почве, потому что здесь им и легче удерживаться на корнях, и легче размножаться. Нематоды

устойчивы к ядохимикатам» хотя рагор многих из них губит. Особенно устойчивы не самые нематоды, а их цисты, кладки в особых оболочках, которые сохраняют жизнеспособность в самых разных условиях годами. Кладки помещаются в утолщениях корней — галлах. Лучший способ борьбы с нематодой — корневая ванна для пораженных растений (15 минут в 45-градусной воде), с пересадкой затем подсушенных, обрезанных до здорового основания корней растений в пропаренную землю. Нематод легко занести и с поливом кактусов водой из пруда, реки. Вот почему поливать надо дождевой водой или водой кипяченой. Радикальный способ — обрезка всех корней и укоренение заново — не всегда хорош. Кактус, восстанавливая корни, естественно не растет, новые корни редко лучше первичных, и вообще растение от подобных процедур ослабляется, рекомендовать полную обрезку корней можно лишь как исключение.

Врагом номер четыре, о котором зато в голос пишут все, и очень обстоятельно, является паутинный клещик. Он действительно может попортить кактусы, на обгрызенных местах появляются светлые стекловидные пятна, подобные пятнам от ожогов. Но клещ легко уничтожается опрыскиванием раствором эфирсульфоната, 1 грамм на 1 литр воды. Эфирсульфонат бывает в продаже. И двухразовое с недельным интервалом опрыскивание этим ядохимикатом достаточно для того, чтобы избавиться от клеща. Опрыскивают обычно всю коллекцию весной и осенью перед зимовкой.

Не страшна и сравнительно редка и кактусовая щитовка, ее легко уничтожить обычным осмотром. Зато грибковые заболевания вроде «черной ножки», пятнистой гнили, фитофторы и т. п. для кактусов губительны. Грибы (плесени и разного рода разрушители живых тканей) появляются в первую очередь там, где есть упомянутые выше вредители — насекомые и нематоды. Можно почти утверждать, что если нет вредителей — насекомых и нематод — нет и грибковых болезней. Грибы нападают прежде всего на растения ослабленные, с поврежденными корнями или кожицей-кутикулой. Главные союзники грибов — холод, сырость, темнота. Противники — свет, высокая температура, сухость. Из ядохимикатов — препараты, содержащие медь, серу, известь. Раствор медного купороса хорошо

предохраняет сеянцы и молодые кактусы от грибковых болезней. Неплох также раствор хинозола. Грибковые заболевания легче предупреждать, чем лечить. Основное правило: не допускать появления вредителей-насекомых, не держать кактусы во влажном холоде, сухость зимой, пропаренная земля, профилактическое опрыскивание купоросом (хинозол несколько сдерживает развитие растений).

Самое важное правило: немедленная изоляция загнившего сеянца или взрослого растения. Всякая «жалость» здесь обернется большим уроном.

Вирусные болезни кактусов, к сожалению, не лечатся, но и сами растения ими болеют редко. Можно утверждать, что, если коллекция содержится правильно» никакие грибки, нематоды, трипсы, червцы и клещи ей не страшны.

ОЦЕНКА РАСТЕНИЙ НА ВЫСТАВКАХ

На выставках, устраиваемых клубами кактусоводов, возникает необходимость оценить растения. Строгой же системы оценки, которая была бы проста и в то же время учитывала все стороны и качества представленных в экспозиции кактусов, пока нет. Автор предлагает систему оценки, где учитываются внешний вид кактусов, цветение, сформированность, отсутствие или наличие повреждений, возраст растений и степень их редкости, — все эти факторы немаловажны, если учесть, что вырастить здоровое растение редкого вида на его собственных корнях и в течение многих лет неизмеримо труднее, чем «выгнать» молодой кактус неприхотливого вида или даже вид более редкий на мощном подвое.

За основу берется средняя по количеству видов и растений экспозиция — 40—50 шт., возраст которых не должен быть менее трех лет. Занявший первое призовое место на следующий год участвует в выставке вне конкурса, либо должен представить в экспозиции удвоенное количество видов растений.

Победители конкурсов могут через определенное время сформировать «высшую лигу» и участвовать в выставках в своей лиге, что будет способствовать качественному росту любительских коллекций.

Отдельно могут проводиться выставки и конкурсы растений-сеянцев до 3 лет.

Предлагаемая система успешно применяется при оценке кактусов в свердловском клубе «Цереус».

ТАБЛИЦА ДЛЯ ОЦЕНКИ

	Проценты				
	20	40	60	80	100
	Баллы				
1. Цветущие растения и растения с признаками цветения — бутоны, плоды, следы плодов или бутонов (кроме столбовидных кактусов)	1	2	3	4	5
2. Растения на своих корнях (кроме кристатных и бесхлорофилловых форм)	1	2	3	4	5
3. Растения имеют повреждения, следы вредителей, неправильно сформированы, слабые колючки и опушение	—1	—2	—3	—4	—5
4. Название растений не соответствует виду, нетипичный вид, гибриды	—1	—2	—3	—4	—5
5. Растения принадлежат к I, II, III категориям	1	2	3	4	5
6. Растения старше 7—10 лет (7 лет для I категории)	1	2	3	4	5
7. Растения отлично сформированы, опушение и колючки хорошо развиты	1	2	3	4	5

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Высшая возможная оценка 25 баллов.

2. Минусовые баллы вычитаются из общей суммы.

3. Количество оценивающих не должно быть меньше трех, общее место присуждается по сумме баллов, выставленных всеми членами жюри.

4. Членами жюри не могут быть участники выставки.

8.

КОЕ-ЧТО ИЗ ОБЛАСТИ ХИРУРГИИ

Автор сразу же хочет оговориться: раздел этот он излагает не по своим наблюдениям, так как почти все кактусы выращивает на их собственных корнях. А прививкой занимается очень редко, лишь когда она абсолютно необходима.

Автор не призывает никого следовать его методу, ибо не хочет иметь воинствующих критиков из числа любителей прививок, которые сейчас же воскликнут: «Да как можно не прививать кактусы?! Да на подвое же они растут лучше, быстрее, красивее! На подвое они неприхотливы! Надо, надо, надо все и все прививать!» Автор ответит: «Правильно. Превосходят. Ростом, развитием, цветением. На здоровье прививайте, а мне просто больше нравятся растения на их собственных корнях, правится возиться с ними, узнавать и угадывать их прихоти... » В общем, здесь тот самый спор, когда обе стороны правы.

Сам же автор занимается прививкой в следующих случаях:

Когда надо попытаться спасти гибнущее редкое растение.

Когда нужно привить кристатную (гребенчатую) форму, которая на своих корнях тоже растет, но растет хуже.

Когда необходимо вырастить бесхлорофилловую желтую или красную форму.

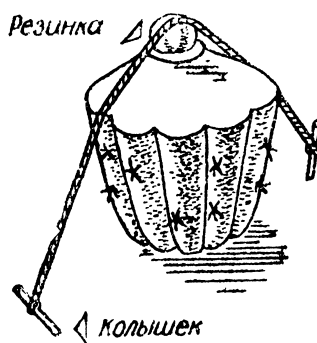
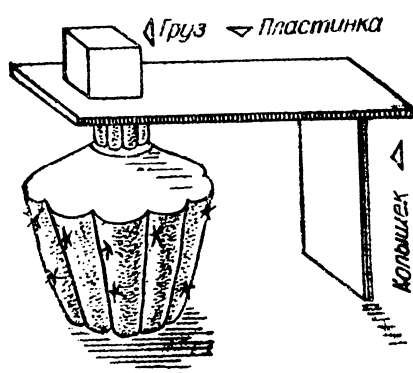
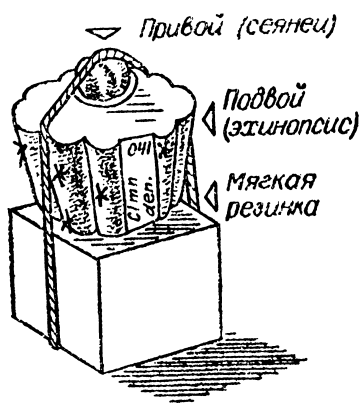
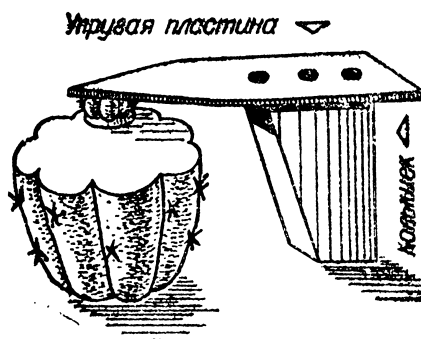
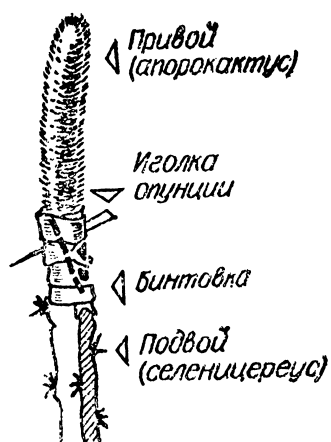
Когда нужно «подогнать» чрезмерно медленно растущий кактус.

Когда желательно получить пораньше цветущий экземпляр кактуса.

О прививках кактусов хорошо и подробно рассказано во всех книгах на «кактусовую тему», отечественных и переводных, автору остается лишь перечислить главное, ибо ничего нового и собственного при относительно малом опыте прививок он не открыл.

Итак, для прививки прежде всего нужен здоровый, растущий подвой. Чаще всего это эхинопсис или селеницереус, реже трихocereус, гелиocereус, хилоцереус¹, пейрескиопсис и вообще любые

¹ Слово *хилоцереус* ряд любителей считает необходимым произносить как *гилёцереус*. Вряд ли это обоснованно, ибо латинское Н произносится как нечто среднее между русским Х и Г.

(По книге О. Турдыева, Р. Седых, В. Эрихмана «Кактусы»)

не слишком жесткие быстрорастущие кактусы с мощной неприхотливой корневой системой. Подвои бывают постоянные (скажем, для кристатных форм — толстые надежные цереусы) или временные (для выгонки сеянцев с последующим снятием и укоренением).

Подвои выращивают отдельно и специально для прививок.

Перед прививкой (лучше ее делать весной и летом в ранние утренние часы) подвой, растущий в горшке и поставленный на ночь в плошку с водой, срезается «на пень». Срезается у пня также по всей окружности край — фаска. Затем очень острым ножом, скальпелем, бритвой на пенке подвой срезается топкий пластик ткани и оставляется неснятым. Нож после каждого среза протирается ваткой, смоченной в спирте. Быстрым ровным движением с прививаемого кактуса-черенка делается срез, а с подвоя сталкивается уже ранее срезанный пласт, и оба кактуса соединяются срезами в один, так, чтобы кольца сосудов, видные хорошо при срезе, совпали приблизительно. Точность здесь не нужна. Далее накладываются не слишком тугие резиновые кольца или грузы на нитках (последние, по-моему, лучше), и кактус ставится на неделю в теплое место без прямого солнца. Надо помнить, что прививка не всегда будет удачной, особенно на первых порах, пока «хирург» неопытен. Здесь помогает лишь одно: прививать, прививать, прививать. Но в любом случае у одних хирургических способностей больше, у других меньше и стопроцентно успешных прививок почти не бывает.

Прививать можно любую часть кактуса, при известной тренировке даже всего одну ареолу.

Чтобы не портить кактусы, «тренироваться» на быстрый срез лучше на других толстых сочных растениях или корнеплодах. Удерживать кактус при прививках надо пояском из бумаги. «Набив руку» на срезах, переходят на опытную прививку и перепрививку малоценных кактусов. И лишь после этого можно пытаться прививать кактусы редкие и ценные. В ином случае разочарования будут бесконечны.

Для получения деток, особенно от чем-то попорченных кактусов, срезают верхнюю часть растения (ее стоит привить), а нижняя станет пеньком — «поставщиком» деток, которые образуются чаще по

краям среза. Верхние детки укореняются лучше, чем те, которые возникают у нижней части «пня».

Для укоренения черенков, деток и вообще всякого рода кактусов, потерявших корни, их нужно обрезать до здоровой ткани, срезать подобно тому, как это делается перед прививкой, боковую часть вокруг всего основания присыпать угольным или серным порошком и обязательно подсушить в течение трех-десяти дней в зависимости от величины и сочности кактуса. Большие и толстые черенки без ущерба могут лежать или стоять в теплом притененном месте до месяца. Подсушенные кактусы либо укореняют «всухую», то есть просто ждут появления беловато-желтых зачатков корней, либо, что лучше, добиваются появления этих зачатков в специальном укоренителе. Укоренителем может служить пластмассовый или металлический сосуд, на дно которого кладется прокипяченный мокрый песок, выше вставляется пластмассовая или хотя бы деревянная решетка, и кактусы помещаются в ней так, чтобы срез не доходил до песка на один сантиметр. Вся эта установка помещается в тепличку с подогревом снизу. Корни обычно появляются через неделю или раньше. Можно укоренять кактусы после подсушивания прямо в почве, разумеется, тщательно пропаренной, состоящей из трети земли, трети угля и трети, а лучше половины песка. Посаженные в земляную смесь черенки несильно увлажняют и обязательно подогревают снизу лампой накаливания или дросселями в тепличке. Подогрев стимулирует образование корней. И обычно кактус укореняется, за исключением отдельных видов, которые трудно дают корни. Прежде всего это астрофитумы орнатум и мириостигма, некоторые пародии, нотокактусы, ребуции, в особенности снятые с прививок, а также старые, неотдохнувшие кактусы и растения, которые были поражены грибковой гнилью.

Вообще же нужно помнить: перевод кактуса на собственные корни после прививки — дело нелегкое и не всегда удачное, требующее от растения запаса жизненных сил; укорененный кактус редко цветет в тот же год и теряет примерно половину или весь годовой прирост, а новые корни почти всегда слабее первичных основных корней.

И еще один аргумент против прививки: рано или поздно приви-

тый кактус отторгает или использует, поглощает подвой, тогда приходится решать трудную задачу, укоренять уже взрослое избалованное чужими корнями растение или перепрививать кактус на новый подвой, что для старых растений также дело весьма нелегкое.

9.

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ РЕДКИХ КАКТУСОВ

Странно устроен человек. Почти всегда стремится он завладеть чем-то исключительным, редким, по крайней мере тем, что встречается нечасто, и особенно одержимы этой страстью коллекционеры. Удивительное это желание заставляет их платить подчас невероятные, как говорят, сумасшедшие деньги за право обладания редкостью, которая на иной, неколлекционерский вкус и взгляд вполне пригодна для выброса, а уж внимания, тем более благоговения абсолютно не вызывает. Платит толстосум-миллионер сотни тысяч за невзрачную линиялую марку, за ветхий клочок бумаги, только потому, что эта марка первая; выкладывают миллионы за сомнительную живопись с подписью Гогена, Ван Гога; гоняются за скрипкой творений Страдивари, хоть может быть гораздо хуже ее звучание иного современного инструмента. Античная монета, окуроч Черчилля, пуговица с мундира Наполеона, архаическая камея, да мало ли что еще коллекционируют подобные фанатики, и почти не отличаются от них коллекционеры-кактусоводы (и автор тоже), подавай им в коллекцию прежде всего редкости, уникамы, раритеты, хотя часто вроде бы столь же невзрачны они, как и упомянутые выше предметы. Да что поделаешь — такова человеческая натура...

Во многих письмах, полученных автором после выхода первого издания книги, прямым вопросом или подтекстом высказывалось желание узнать как можно больше о содержании, выращивании, а следовательно, вкусах и привычках редких кактусов. Многие читатели желали получить от автора семена этих растений. Запросы были хотя и деликатно изложены, однако весьма категоричны. «Нельзя ли прислать (получить) семена кактусов 1-й—2-й катего-

рии». «Пришлите, пожалуйста, семена редких опунций (тефрокактусов), желательно не очень высокорослых... » Запросы-заказы эти, к сожалению, я не могу выполнить, ибо располагаю не плантацией кактусов где-либо в Колорадо или Нью-Мексико, а всего лишь оконной коллекцией, к тому же не в Алма-Ате, Ташкенте, на худой конец, в Киеве, а на Урале, где зима, по выражению шутников, двенадцать месяцев, а все остальное лето. Двенадцать — не двенадцать, а два с половиной — три месяца теплый сезон на Урале, вот и умудрись тут получить роскошно развитые, цветущие и к тому же плодоносящие, дающие семена опунций редких видов и вообще кактусы упомянутых выше категорий. Не располагает автор также и отапливаемыми оранжереями. В отапливаемых оранжереях на Урале выращивают огурцы, но никак не орхидеи и не кактусы. Такова первая часть проблемы, и сам автор в отношении семян редких видов вынужден перебиваться, как повезет, покупать их втридорога у неких преуспевающих «бизнесменов», иного пути пока нет, ибо государственная торговля семенами находится все еще в той же стадии непонимания и неподвижности.

И все-таки, желая хоть как-то помочь любителям, ответить на многочисленные вопросы и поделиться многолетним опытом содержания кактусов, автор решил написать специальную главу об особенностях выращивания именно редких и трудных растений.

Убежден, что правильное отношение к редким, а значит, капризным, суровым, нелюдимым, колючим, неуступчивым и, может быть, даже одиноким растениям не выработать даже десятилетним общением с кактусами. Редкие кактусы надо изучать всю жизнь, а накопленный опыт передавать следующим поколениям любителей.

Но сначала определим точнее, что такое редкий кактус.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОЧЕВИДНО — это кактус, не часто встречающийся в природе. Далее следует, что вид приурочен к одной, обычно не слишком большой территории, даже местности, где он произрастает, и более нигде не встречается. Причиной является обычно древность вида, существование на грани вымирания, а потому и сохранность в местностях, где экологический, климатический, почвенный режим не менялся тысячелетиями и даже сотнями тысяч лет. Такие живые ископаемые именуют реликтами, а по ограниченности

распространения (иногда всего где-нибудь на одной горе или даже склоне)— эндемиками.

Растения редкого вида, а часто и рода, найти трудно еще и из-за миниатюрной величины, покровительственной мимикрирующей окраски и формы (для примера — розеокактусы, ариокарпусы, мелкие крупноцветковые мамиллярии, сулькоребуции, блоссфельдии и т. п.). Редкий кактус обычно великолепно прячется среди травы, камней, кустарников, песка и сухой пыльной земли. Встречаются такие растения чаще всего в труднодоступных местностях, таковы южноамериканские дискокактусы, уэбельмании, высокогорные виды пародий, лишь недавно появившиеся в коллекциях. Наконец редкий кактус в природе служит весьма часто объектом добычи для местного населения, приписывающего редкостям какие-нибудь чудодейственные свойства. Так, индейцы ищут и собирают лофофоры, ацтекиумы, розеокактусы и некоторые другие виды для продажи и всевозможных знахарских дел, а сбор растений человеком может привести любой вид, и не только редкий, к полному исчезновению. Стал же, к примеру, редчайшей находкой дикий женьшень из-за того, что масса любителей и самодеятельных «корневщиков» буквально прочесала все дальневосточные дебри, хотя ценность женьшеня, как выясняется, скорее легендарная, чем воистину всецелительная, и попытки представить его как эликсир жизни и молодости не слишком объективны.

Вернемся же, однако, к редким кактусам.

Кактус, редкий в природе, как правило, редок и в коллекции. И здесь он задает любителю загадки почище, чем на родине.

О добывании семян таких растений уже было сказано.

ДАЛЕЕ надо, чтобы эти семена были всхожими, то есть не потеряли сроки вегетации и не поражены грибковыми и вирусными инфекциями. Зараженные семена — это хорошо видно в сильную лупу — покрываются уже на второй-третий день белыми или ржавыми «палочками» и «шариками» грибов, и ждать всхода здесь абсолютно бесполезно.

В-ТРЕТЬИХ, элитарный кактус, как назло, часто первым заболевает и гибнет уже в посеве, доказывая пословицу, что волк всегда нападает на ту овцу в стаде, которая одна у хозяина.

В-ЧЕТВЕРТЫХ, редкое растение почти всегда ведет себя не так, как его более-менее обычные собратья. Что хорошо для них, плохо для него.

В-ПЯТЫХ, аристократы кактусового мира не всегда бывают красавцами, скорее это невзрачные растения, и где им до какого-нибудь ореocereуса или мамиллярии. Лишь при исключительных обстоятельствах и условиях содержания такой кактус открывает свою неброскую красоту, и ту скорее отнесешь на счет любительского восторга и энтузиазма.

В-ШЕСТЫХ, редкий кактус, если уж не гибнет, — упорно не желает расти (речь идет о корнесобственных, а не привитых экземплярах!). Кто мучился с ариокарпусами, розеокарпусами, стромбокарпусами, лейхтенбергиями, обрегониями, даже турбиникарпусами и корифантами, копиапоа и неочилениями, тот разделит мнение автора.

В-СЕДЬМЫХ, он не цветет многие годы, а если зацветает, то в неположенные сроки (например, осенью) и не дает семян.

В-ВОСЬМЫХ, на редкий кактус как ни на какой другой наваливаются вредители — трипсы, клещи, червецы, нематоды и прочая напасть из мира энтомологии и гельминтов (автор научен горьким опытом, ибо каждый из немногих, правда, сердитых читателей, тех самых, которых он довольно прозорливо назвал читателем принципиально несоглашающимся, старались упрекнуть либо в недостаточном знании латыни, либо общей биологии. Отсюда стремление автора в данном разделе пользоваться всем арсеналом наукообразной лексики, которой в остальных и первоначальных главах он старательно и сознательно избегал злоупотреблять).

В-ДЕВЯТЫХ, редкий кактус не любит и подвои, а корни способен терять как будто от сверхъестественных причин.

В-ДЕСЯТЫХ, он не переносит словно ни кислой, ни кисловатой, ни полущелочной, ни щелочной, ни глинистой, ни дерновой, ни торфяной, ни листовой, ни лесной, ни степной, ни пустынной, ни горной почвы.

В-ОДИННАДЦАТЫХ, капризный кактус при прохладной зимовке сморщивается и гибнет.

При теплой — загнивает и также пропадает,

В-ДВЕНАДЦАТЫХ. При ограниченном поливе он довольно быстро калыцует, обрастает желтым налетом нерастворимого кальция, как следствие, иссыхает. При обильном поливе валится от «черной ножки», грибковой гнили, поражающей в первую очередь корневую шейку, и горько бывает видеть такой, обычно прекрасный вид — с целыми корнями — гибнущий, так сказать, со средней линии.

В-ТРИНАДЦАТЫХ, он не желает расти на западных, южных да, в общем, и восточных окнах, не говоря уж про северные.

И, наконец, **В-ЧЕТЫРНАДЦАТЫХ,** редкий кактус определенно не любит, чтобы его трогали, экспонировали и как будто даже осматривали и фотографировали.

Перечислив все то, что элитарные кактусы не любят, отрицают и не переносят, хочется спросить: так стоит ли с ними возиться, тем более что они не потрясают воображение красотой и к тому же почти все относятся к медленно растущим миниатюрным видам? Однако, возвращаясь к письмам, читаешь: «Мало сказано о выращивании редких растений. Мало фотографий редких растений».

Оказывается, растения такие желают видеть и иметь все, несмотря на их нероскошную физиономию. Желают знать о их капризах в первую очередь не начинающие (парадокс?), а весьма просвещенные любители, постигшие тайны кактусового мира порой глубже автора.

Автор в этой главе еще раз подчеркивает, что его знания ограничены его собственным опытом, что он не собирался и не собирается соревноваться и состязаться ни с кем и охотно уступает пальму первенства любому кактусоводу, считающему, что он знает вопрос лучше, объемнее, совершеннее.

Естественно, автор желает успеха всякому, кто глубже, полнее разобрался в данной проблеме.

Отвечать на вопросы по содержанию редкостей следует, видимо, с перечисления их. Прежде всего сюда относятся почти все кактусы первой категории (см. стр. 133) и, кроме того, кое-какие группы из категорий два и три. Сокращенно это виды из родов Ариокарпус, Розеокактус, некоторые астрофитумы, дискокактусы, мелокактусы (береговые формы), часть белых и цветных мамиллярий, почти

все «монотипы», а также целый ряд фeroкактусов, корифант, матукан, ислай, копиапоа, неочилений, многие тефрокактусы.

Отвечать на вопросы автор будет, придерживаясь им же установленного перечня капризов и прихотей редких растений.

В отношении семян уже было сказано. Добыв их самыми фантастическими путями и за фантастические (однако вполне реальные трудовые) деньги, никогда не обладаешь этими семенами в изобилии, счастливчики, что привезли их прямо из Мексики, из Аргентины, здесь не в счет. Обычно же имеется в наличии пяток-десяток зерен неизвестной всхожести, из которых желательно выгнать пять (десять!) сеянцев. Как тут быть? Прежде всего драгоценные семена нужно тщательно подготовить к посеву. Для этого не худо положить их в любое время на недельку-другую (даже и до месяца) в холодильник, в то отделение, где они не могут промерзнуть. Такая подготовка семян способствует лучшей всхожести. Североамериканские виды лучше сеять ранней весной (март — апрель), южноамериканские осенью (октябрь — ноябрь), ибо эти месяцы соответствуют тамошним веснам и периоду интенсивного увлажнения.

Некоторые семена должны пролежать не менее года для обретения всхожести, например, некоторые виды фeroкактусов, а из «южноамериканцев» чилийские виды.

Редкие семена, которые достаточно крупны, замачивают на сутки в розовом растворе марганцевого калия. Марганец не только убивает бактерии (но не грибы!), он также способствует усилению дыхания семян. Как противогрибковое средство, з воду можно добавить несколько капель 5-процентного раствора медного купороса.

Надо ли повторять, что земля (субстрат) для посева должна быть пропарена не менее часа или даже проварена, а посуда тщательно промыта кипятком. Правило: чем больше предосторожностей от заражения плесенью, водорослями и бактериями, — тем лучше.

Даже при несильном увеличении, особенно у крупных семян (скажем, ариокарпусов), хорошо видно строение — в виде кувшинчика или фасольки, прикрытых в одном конце как бы «крышечкой». Эту-то «крышечку» и откидывает прорастающий сеянец, выбрасываясь из отверстия своим хвостовым оперением, то есть корешком.

Поэтому все семена редких кактусов надо, не считаясь со временем, раскладывать по земле «крышечкой» вверх.

Общее правило: крупные и жесткие семена сохраняют всхожесть дольше, до десяти и даже тридцати — сорока лет (например, розеокактусы), мелкие и пылевидные семена ацтекиумов, стромбокактусов, пародий сохраняют ее не более года. Мелкие семена нужно сеять с лупой в плотную и даже утрамбованную землю, непременно защищая плотным стеклянным или пластмассовым колпаком. Очень хороши для посева редких кактусов недавно появившиеся в продаже пластмассовые коробочки с покрытием из оргстекла для слайдов и диапозитивов. Замачивать мелкие семена не имеет смысла.

Если семена не взошли через три недели (у опунций, тефрокактусов, ореocereусов и аустроцефалocereусов — до месяца), семена выбирают, кладут в пакетики и снова помещают в холодильник на месяц-два-три. После чего посев можно повторить.

Усиливает всхожесть семян полив их и субстрата (почвенная смесь из четверти угля, двух частей листовой земли и четверти песка) раствором гетероауксиновой соли. Сеять можно также на фильтровальную бумагу, сложенную в виде гофрированной гармошки, но такие посевы легче поражает плесень, идущая от бумаги. Посев в закатываемые простерилизованные банки неплох, но сложен в домашних условиях.

Усиливает всхожесть семян высокая температура днем (до 50° в течение 3—4 часов) и ночью до 25—30°.

В остальном редкие кактусы-сеянцы выращиваются так же, как это описано в общей главе о посеве, однако берутся под особый тщательный и ежедневный контроль. При первой же пикировке их нужно рассредоточить по разным площадкам (две-три и более) и дать им разную землю для развития от более темной гумусовой до более глинистой. Это даст возможность опытным порядком установить, на каком субстрате успешнее развивается тот или иной вид и при следующей пикировке, проверив развитие корней у маленьких сеянцев, посадить их в соответствующую их лучшему «самочувствию» землю. Ежедневно редкие сеянцы осматриваются с лупой в руке, — лучше даже не ежедневно, а утром и вечером. Так как шейки кактусов особо чувствительны к грибковым болезням, сеянец нужно

раз в месяц опрыскивать слабым раствором медного купороса из расчета одна треть или половина того, что требуется для взрослых растений.

Опрыскивать и поливать кактусы-сеянцы нужно только теплой кипяченой водой, подкисленной щепоткой лимонной кислоты.

Если рядовые кактусы не требуют столь уж изощренного знания, то редкие желают, чтобы о них коллекционер знал все, т. е. их природные условия, почвы, особенности режима. Все эти данные можно хотя бы и по крохам собрать и выписать в карточки каталога — занятие, в общем, увлекательное, если имеется свободное время.

Например, так:

РОЗЕОКАКТУС ЛЛОЙДА (правильнее было бы Роузекактус). Распространен в Мексике, штаты Коагуила, Дуранго, Закатекас, Центральная Мексика. Растение небольшое. Толстые короткие сопочки. Темно-коричневый или коричнево-серый цвет. Сливается с почвой, особенно в сухой сезон. Между сосочками богатый шерстяной покров беловатого и желто-белого цвета. Шерстистый покров также на ареолах, в середине сосочков, чем отличается от близких видов рода Ариокарпус. Цветы светло-розовые, короткие. Похожи на цветы крупноцветковых мамиллярий. Часто в коллекциях цветет осенью (в сентябре). Цвести начинает с трехлетнего возраста (редко). Чаше с пяти лет. Плод — ядовитая ягода, которая появляется из шерстистой части макушки. После высыхания и растрескивания в ягоде обнаруживаются твердоватые матово-черные семена. Корни у растений мощные, значительно больше и длиннее, чем само растение. (Добавлю от себя, чем-то похожи на женьшень.) Растут лучше в глинисто-каменистой рыхлой земле, однако в самый низ горшка следует добавлять хорошо пропаренную листово-торфяную смесь. Горшок должен быть глубоким. Зимнее содержание — отнюдь не в холоде! Особенно для молодых растений, не старше трех-пяти лет. Следуя «советам» держать ариокарпусы и розеокактусы «в абсолютной сухости и холоде», я потерял самые лучшие растения. Удобрение в период роста необходимо, но давать его следует в половинном объеме. Особенно требует микроудобрений.

Таков примерно текст карточки,

В отношении земли для редких растений. Общее правило: пусть лучше она будет грубая глинистая, чем мягкая, пышная и черная. Землю надо подбирать индивидуально каждому виду, а не роду, опытным путем. Астрофитум астераис, например, любит чуть ли не сплошную глину или пахотный суглинок с углем, камнем и кирпичной крошкой. И чем этот кактус старше, тем глинистее, тяжелее должна быть почва. Глинистая земля вообще надежнее для корнесобственных редких кактусов. Иное дело, если они привиты, тут уж как раз наоборот, требуется жирная черная земля, которую любят неприхотливые подвои.

Приходится повторить, что всем редким кактусам без исключения нужна ТЕПЛАЯ ЗИМОВКА ПОД ЛАМПАМИ примерно до трехлетнего и даже пятилетнего возраста. Это правило может возмутить иных кактусоводов. Но, как было сказано выше, я уже столько потерял растений при сухой и прохладной зимовке, что готов утверждать: по крайней мере, всем ариокактусам, розеокактусам, дискокактусам, турбиникарпусам, эспостоа, уэбельманиям и т. п. нужна теплая, +20, +25°, сухая, а вернее, с редким, раз-два в месяц, поливом и более частым опрыскиванием зимовка под лампами дневного света. Не нужно лишь заливать растения, не нужно поднимать температуру выше +25 и держать свет более 12 часов. При такой зимовке и отсутствии вредителей кактусы великолепно сохраняются, увеличиваются в объеме, имеют свежие яркие колючки.

При зимовке же без ламп, в холоде (+5, +10°) кактусы названных родов часто болеют, иссыхают и гибнут от других, словно бы непонятных причин.

Особо редкие и нежные белые волосистые кактусы нужно защищать стеклянными колпаками или колпаками из прозрачной пластмассы. В таком виде, особенно осенью, зимой и весной, они и лучше развиваются, лучше сохраняют корни, не поражаются грибами-вредителями. Но надо знать: «под колпак» помещаются только абсолютно здоровые экземпляры, растущие в пропаренной земле и поливаемые кипяченой водой. Время от времени колпаки надо снимать (допустим, через день) и надевать их снова после короткого проветривания кактуса. В летнее время и особенно на свежем воздухе, в парниках и в тепличках колпаки уже не требуются.

ПОЧЕМУ РЕДКИЕ КАКТУСЫ ЧАСТО ТЕРЯЮТ КОРНИ?

Если в земле нет вредителей и она подобрана правильно, потеря корней происходит от недостаточного освещения растений. «Да какое же отношение имеет свет к корням?» — воскликнет кто-то, не слишком сведущий в физиологии растения. Оказывается, зависимость такая есть. Если общепринято положение, что корень кормит ствол и листья, то есть и обратный закон: листья (у кактуса весь надземный ствол, макушка и ареолы) кормят корни. Процесс фотосинтеза (опять прошу прощения у рядового читателя за излишнее наукообразие, но как бы не рассердить читателя-биолога!), итак, процесс фотосинтеза, то есть усвоения из воздуха с помощью хлорофилла кислорода и углерода (возможно также и части азота), происходит при соответствующей освещенности и температуре, разной для разных видов кактусов. Поскольку большинство кактусов светолюбиво, то почти общее правило: чем больше света, тепла и углекислоты получает растение, тем лучше развивается и растет. Именно потому недостаток света (или излишки его в летние месяцы) создает для корней прихотливых древних и реликтовых кактусов неблагоприятные «перепады», от которых корни почти неминуемо заболевают.

Если любитель желает выращивать кактусы на их собственных корнях, выход один — досвечивать растения осенью и зимой сильными лампами дневного света, на темных окнах не повредит и весь необходимый световой день, второе условие — притенение в июне — июле от излишнего света.хлопотно, и все-таки необходимо. Отсутствие же вредителей — основное, главное условие для содержания всех кактусов, редких же в первую очередь.

Итак, нормальный рост редкого кактуса зависит от скрупулезного соблюдения всех режимов: освещенности, тепла, питания, почвы, соблюдения цикличности в развитии. От этих же факторов зависит и цветение кактуса. Можно считать правилом, если кактус цветет, и цветет ежегодно, значит, он здоров, содержится правильно, и как говорится — так держать! Если растение «скучное», цвет колючек какой-то хилый, вид слабый, кожа тускла, а цветы либо опадают, достигнув стадии бутона, либо вовсе не образуются — ищите одну из названных выше причин, старайтесь исправить дело.

Кажется, куда бы лучше привить все редкие кактусы на неприхотливые подвой и делу конец, — так и поступают многие любители, отчаявшиеся в своих неудачах. Лишь самые упорные, чтобы не сказать упрямцы, ищут пути к выращиванию красивых корнесобственных растений. Ищут и находят и, может быть, именно в поиске находят эти любители удовлетворение и радость. А победы приходят не скоро, бывают нечасто.

ДЛЯ ПРИМЕРА:

Несколько лет назад я посеял семена самых редких видов ариокарпусов и розеокактусов, были в посеве также обрегонии, лейхтенбергии, стромбокактусы, лофофоры, турбиникарпусы и неогомезии. Семена попались хорошие, с неплохой всхожестью, хотя и здесь действовал неясный закон жизни: все лучшее всходило труднее, в меньших количествах, росло не так активно. Из ариокарпусов, естественно, лучше всех взошел более обычный *A. тригонус*, хуже всех *A. ретузус*, обрегонии дали процентов шестьдесят, лофофоры — также, а лейхтенбергии вообще взошли чуть ли не стопроцентным количеством. Все кактусы этих видов и родов (кроме лофофор) во всходах очень похожи, что и указывает на их близкое родство. Их семена — «кувшинчики» и «фасольки» с хорошо видными в лупу точками-дыхальцами прорастали примерно одинаково и прослеживались довольно точно. Примерно на пятый день посева открывалась крышечка кувшинчика и высывался бледно-зелено-желтый или беловатый хвостик. Хвостик тянулся к земле и, достигнув ее, пушился серебристым сиянием нежнейших зачатков корней. Как это «сияние» не сгнивает, а, наоборот, превращается в почве в крепкие и длинные корешки, трудно представить. За одну ночь сеянцы уверенно вставали на ножки, скорлупа семечка лопалась вдоль, и сеянцы стояли, точно маленькие жучки, прикрываясь дольками-крыльями. Иным приходилось и помогать, осторожно подталкивать к земле, а дальше они вставали сами. Еще через день-два скорлупа уже становилась как бы шапочкой на темени сеянца, а там и вообще слетала прочь. Освободившись от крыши, сеянец начинал быстро увеличиваться, зеленеть, буреть и к трехнедельному сроку обнаруживал на темени зачатки треугольных сосочков, которые со временем становились длиннее. Короче всего они были у розеокактусов,

длиннее всего у лейхтенбергий, неогомезии и обрегонии приближались к последним. Далее сеянцы замирали, и надо было их пикировать, чтобы вызвать новый приступ роста. Вот здесь-то уже и начинались трудности. Сеянцы даже при поливе подкисленной водой немилосердно обрастали кальцием, жесткой и желтой известковой скорлупой и полностью останавливались. Никакие очистки не помогали. Мало помогали и пересадки. Кактус «стоял». А следствием была гибель, гниение шейки или корней. Надо было либо срочно прививать драгоценные сеянцы, либо искать новый путь выращивания капризных реликтов.

Для контроля я посадил с десятков сеянцев под колпак из оргстекла. Больше всего опасался, что сеянцы немедленно загниют. Еще бы! Содержать ариокарпусы в сырости! Ведь везде и всюду написано: «Не переносят увлажнения! Тотчас загнивают!» и т. п. Но уже через неделю-другую, на протяжении которых я всякий день, обычно каждое утро, снимал колпаки и с тревогой ждал признаков гниения кактусов, произошло чудо: сеянцы ярко зазеленели, скорлупа извести начала исчезать, все тронулось в рост, и через пару месяцев те ариокарпусы и розеокактусы, что росли под колпаками, вдвое обогнали тех, которые стояли в обычной тепличке под теми же лампами. Уверовав в свой опыт и все еще страшась гниения редких растений, я снимал колпаки ежедневно, иногда надевая только на ночевку, но потом стал все смелее оставлять кактусы, как бы в бане, на два, на три дня без проветривания и даже на целую неделю.

Времени для проверки теории у меня не оказалось, это могут сделать сами читатели. Но как бы там ни было, из растений под колпаками не погибло ни одно, за лето они раза в три увеличились, имея в виду сравнение, приведенное выше. Точно так же хорошо они и перезимовали, красиво опушились, имели хорошие корни. Из растений же, поставленных зимовать в общую оконную тепличку, не сохранилось ни одно. Таковы факты. Сейчас две трети моих ариокарпусов и розеокактусов растут под покрытием из оргстекла, переносят довольно высокую влажность и чувствуют себя вполне прилично. По крайней мере, я могу сказать, что имею хорошо растущие корнеспособные экземпляры. Все сказанное об ариокарпусах

относится также к эспостоа всех видов, цефалocereусам и иным подобным растениям.

Говоря о том, что редкий кактус словно бы не желает расти ни на каких окнах, я имел в виду тот факт, что комнатное и оконное освещение совершенно не устраивает реликтовые растения. Да что там реликтовые! Как-то не слишком давно я решил посеять семена огурцов в феврале, надеясь со временем перенести подросшие растения в дачную теплицу и уже в апреле — мае располагать к столу вышеозначенными плодами. Результат опыта был плачевный. Огурцы бодро взошли, стремительно вытянулись к оконному стеклу. Они были похожи на детей подземелья, так тянули свои шеи к солнцу, а далее огурцы стали развиваться как карликовые растения, явно угнетенные отсутствием нормального широкого света. Они даже зацвели и даже завязали плоды, но каждый огурчик был с половину спички и крупнее расти не желал. Я не случайно упомянул об огурцах, растения эти донельзя светолюбивы. Но как же в таком случае должны страдать кактусы, в особенности те, что растут на горных высях, побережьях морей, в пустынях и на скалах?

Я уже писал, что кактусы на окне растут как бы в пещере, и неприхотливые виды как-то мирятся с таким существованием, с недостатком света, с заменой его лампами ДС. Кактусы же, о которых идет речь в этой главе — редкие уникамы и эндемики даже в природе, — могут «согласиться» на замену естественного света оконным и лампами лишь в период зимнего покоя. Солнечный свет незаменим для них ничем, разумеется, у любителей вряд ли найдутся мощнейшие ртутные и всякие другие лампы, применяемые в фитотронах, имитирующие солнечный спектр, а под лампами ДС зимой даже обычная случайно посеянная крапива или березки принимают карликовую форму. Словно бы не получают растения без солнца каких-то «витаминов», имеющихся только в лучах нашего великого светила. Вывод прост: все редкие кактусы как можно раньше нужно разместить под естественным светом вне квартиры (в саду, в деревне, хотя бы на балконе, в последнем случае приняв все меры от загрязнения городским чадом и пылью) и как можно позже вернуть их на зимовку. Солнце словно бы оживляет растения. Уже через месяц кактусы не узнать, так опушились, зарделись ко-

лючками нового прироста их головенки-макушки, так цветисты сделались ареолы, шерстинки и шипы. Важно лишь проследить, чтобы кактусы не получили в первое время солнечных ожогов. Потому первые три-четыре недели их следует притенять какой-нибудь легкой кисеей.

Без летней перегруппировки кактусов под солнце и на свежий воздух не имеет смысла никакая попытка выращивать редкие растения на их корнях.

О борьбе с вредителями и болезнями кактусов уже говорилось. Однако редкие растения следует и оберегать особо. Главная болезнь молодых растений — гниение шейки. Кто хоть раз-другой занимался посевами кактусов, знает, что даже при очень благоприятном стечении обстоятельств никогда нельзя быть уверенным, что гниль не подобрется к растениям. Вот плошка с прекрасными яркими сеянцами, возможно, им уже полгода, уже опушились маленькие белые мамиллярии, расставили жесткие свои колючки ферокактусы, прекрасные маленькие седые старички, всегда обгоняющие в росте своих братьев, распушились эспостоа, налились первым соком молодые гимнокалициумы и мелокактусы. Все прекрасно, все замечательно, и вдруг в одно далеко не прекрасное утро обнаруживаешь, что один сеянец как-то посерел, словно бы невесел, а взяв лупу, без труда замечаешь, что снизу, сбоку или вокруг шейки растеньица словно обварены расползающейся при первом же прикосновении гнилью. За первым неприятным открытием делаешь второе, третье, десятое... Оказывается, уже добрая треть твоих веселых сеянцев тронута проклятой этой заразой, а результат будет самый печальный, сеянцы уже не спасти, редко тут поможет прививка (но ведь мы-то собирались выращивать кактусы на собственных корнях!). Даже если заболевшие сеянцы вовремя и без сожаления (вернее, преодолевая его) убрать, посев отнюдь не в безопасности, невидимый грибок засел в почве, и вопрос лишь во времени, когда он поразит еще здоровые сеянцы.

Гниль эта грибкового и вирусного происхождения носит разные названия: фитофтора, расползающийся грибок, «черная ножка», — и известна всем, скажем, по капустной рассадке. Ужасная эта болезнь. Враг редких кактусов номер один. Какое сожаление, какую горечь

испытываешь, когда замечаешь пораженный ею редчайший кактус (а семян-то было две-три штучки, и вот вырос, красивое и уже опушенное здоровое тельце, макушка, хорошие корни, — а растение обречено...). Гриб словно бы знает, где самое уязвимое место растения. Он действительно «знает», этому его учила природа миллионы лет.

Гниение шейки молодых кактусов ставит буквально в тупик тех любителей, которые пытаются во что бы то ни стало иметь корнесобственные растения. Могу сказать, что и я еще не нашел стопроцентной панацеи от описанной выше напасти. И в моей коллекции фитофтора губила кактусы на выбор, а «выбирала» лучшие. Если в посеве были астрофитумы, она редко задевала *A. мириостигма*, но зато очень часто поражала орнатум, сениле ауреум и астериасы. Сильнее всего страдали «чилийцы»: редкие копиапоа, неочилинии, гибли также и белоопушенные виды, а турбиникарпусы словно были излюбленной мишенью ужасного грибка. Самое удивительное, что попадали «под обстрел» кактусы прекрасно развитые, зеленые, веселые и несколько меньше попаданий было по растущим хуже и медленнее. Было ясно также, что гниль особенно свирепствует при поливе и затихает, когда сухо, но только затихает, а не прекращается! Старые кактусы уже почти не страдали от заболевания.

Из сказанного становилось ясно: страдают прежде всего сеянцы и кактусы до трех-пяти лет, чем нежнее кожица на шейке растения, тем легче «пробивает» ее гниль, чем «пустынней» кактус, тем больше опасности для него, такие растения хоть вовсе не поливай, но тогда ведь они не станут расти, а сеянцам вредно пересушивание.

Что можно и нужно противопоставить «черной ножке»?

Главным образом, по-видимому, стерильный режим содержания (вода, земля, песок — все нужно кипятить и пропаривать).

В субстрат (землю) не худо добавлять до пятой части угля, помня, однако, что уголь, являясь очень сильным врагом гнили, сдерживает и рост кактуса.

Наконец и самое важное: во время пикировки каждый редкий сеянец, а лучше вообще все, кисточкой смазывают раствором медного купороса 5 %. Смазывать надо только шейку, припудривая ее затем мелким угольным порошком из какого-нибудь пакетика или

иного приспособления. Медный купорос в сочетании с углем дает хорошую гарантию от грибка. Не худо также обрабатывать и более взрослые редкости, а верхнюю часть корней присыпать смесью толченого угля и крупного песка, выдержанного в том же или чуть более крепком растворе купороса.

Вот такая возня с этими корнесобственными.

Помимо всего перечисленного, нужно записывать в карточку вида, какую почву он любит, на добавку каких компонентов (уголь, кирпичная крошка, керамзит, гравий, песок, выветренная старая глина, старая штукатурка, мел, известняк, яичная скорлупа, торф) благотворно отзывается. Землю, в которой кактус хорошо растет, а главное, имеет мощный корень, ни в коем случае не нужно менять (в смысле изменять ее состав при пересадках). Здесь действует правило: от добра добра не ищут. Общая тенденция: с возрастом кактуса земля должна подбираться лишь чуть более глинистая. Вообще же, как показывает мой опыт, глина, грубая земля, гравий и песок лучше для многих растений, чем черная, листовая и прочая жирная земля. Итак, надо всегда помнить, что редкий (и только ли редкий?) кактус растет всегда в одной и той же земле, в одном и том же почвенном составе. Ни один любитель не добьется серьезных результатов, если будет без конца менять землю, пересаживая свои растения сегодня в одну, завтра в другую, послезавтра в третью смесь. Так экспериментировать можно лишь на первых порах и с растениями, которых у вас много.

Редкие виды очень чувствительны к изменению кислотности почвы. Число РН неминуемо меняется в сторону защелачивания земли, особенно от полива водопроводной водой. Чтобы сохранить единую кислотность почвы, кактусы надо пересаживать ежегодно — и даже чаще! — но соблюдая все меры предосторожности, в одну и ту же смесь и лучше зимой (в феврале) перед началом вегетации. Надо ли повторять, что при пересадке должна сохраняться сориентированность и направленность кактуса к сторонам света. Только очень старые растения пересаживают раз в два и даже в три года, не забывая их, однако, и удобрять. Удобрение в какой-то мере компенсирует пересадку, также отчасти компенсирует ее замена верхнего слоя почвы свежим.

И еще об одном свойстве редких растений.

Кактусы из Южного полушария (Ю. Америка), например, тефро-кактусы, эспостоа лучше укореняются (разумеется, только в тепличке под лампами) осенью. Ничего необычного здесь нет. Осень соответствует весне в Южном полушарии, и кактусы, даже выведенные многими поколениями из семян не на своей родине, «помнят» о родной своей весне, хранят это в тайниках своей генетики. Многие «южноамериканцы» пытаются и цвести в осенне-зимнее время (особенно чилийские виды) и, вероятно, охотнее цвели бы у нас зимой, обеспечить им обратный, то есть соответствующий их родине режим содержания.

Укоренение тефрокактусов вообще считается чуть ли не невозможным делом, если речь идет о редких и капризных видах с бумагоподобными колючками или белым опушением. Сложность действительно немалая, главным образом из-за упомянутого «обратного режима», который тефрокактусы, близкие к опунциям, лучше иных видов «помнят». Кроме того, они относятся к высокогорным растениям, а виды с высокогорья необычайно любят свет, чистейший воздух, резкие перепады дневных и ночных температур, а главное, исключительное постоянство условий содержания (световой день, направленность растения по отношению к солнцу и сторонам света). Такой режим может обеспечить уже не тепличка, а более сложное сооружение — фитотрон, то есть помещение, в котором растению можно обеспечить любой режим влажности, тепла, света, «времен года» и т. и. Для любителей-энтузиастов, хорошо знающих технику, и такая проблема, видимо, разрешима, было бы желание.

К сожалению, обо всех редких кактусах не расскажешь в одной главе. Для этого нужна огромная книга с подробным описанием свойств, «местожительства» и всех причуд того или иного вида (рода) кактусов. Но пояись, предположим, и такое издание, все равно истины его будут оспариваться любителями, каждый ведь опирается главным образом на свой удачный или неудачный опыт, и радости открытий ждут всегда и везде, даже на самых, казалось, исхоженных путях. Процессы жизни многообразны, но имеют и ряд общих законов. Эти законы, это ОБЩЕЕ нужно знать четко, для того чтобы идти к частностям, надо быть широко образованным

во всех областях биологии, а особенно физиологии растений.

Один совет, который может показаться несерьезным или противоречивым: ограничивайте свои коллекции. Не стремитесь иметь непременно сотни видов. «Лучше меньше, да лучше» — такой девиз никогда не обманывает. Небольшая коллекция хороших, красивых, пусть и не слишком редких кактусов, ухоженная и процветающая, будет всегда эффектнее огромного и запущенного сборища видов.

В последнее время я пришел к выводу, что можно ограничиться приблизительно ста видами, отбирая неторопливо все наиболее красивое и ценное и руководствуясь в этом отборе своим эстетическим вкусом. Коллекция в двести видов, собранная по тому же принципу, будет смотреться уже как сокровище.

Кроме того, мир растений (не худо бы ввести такую новую категорию в систематику вместо недавно появившегося в биологии довольно глупого, на мой взгляд, названия «надцарство»), мир растений настолько изумителен, богат и прекрасен, что нет, наверное, необходимости ограничиваться только кактусами, ведь в дополнение к ним могут быть в коллекции любителя и африканские суккуленты, и бромелии, и орхидеи, и даже пальмы.

Успеха вам, читатель!

10.

ЦВЕТЕНИЕ КАКТУСОВ

В ряде писем читателей содержался вопрос: почему на фотографиях в первом издании книги не все кактусы взяты цветущими? Опытного любителя такой вопрос заставит лишь усмехнуться, начинающий же будет недоумевать. Что ответить тут? Приходится отвечать главным образом любителям начинающим. Прежде всего хотелось бы сказать, что, хотя цветы кактусов и лучшая, украшающая часть растения, однако истые коллекционеры, по-видимому, ценят кактус отнюдь не за цветение, в большинстве случаев короткое и не ахти какое причудливое. Большинство цветков у кактусов, я уже писал

об этом выше, довольно просты и напоминают нечто среднее между одуванчиком, желтой ромашкой, петуньей, колокольчиками разных форм и чем-то вроде шиповника. Разумеется, я не беру в сравнение по величине и красоте цветы селеницереусов, «листоносных кактусов», и т. п., так как в коллекциях более всего преобладают кактусы шаровидные, короткостолбчатые и столбовидные, «свечевидные», если угодно более точное сравнение.

Самые обильно цветущие растения относятся, как правило, к наиболее неприхотливым видам — таковы ребуции, айлостеры, псевдолобивии, некоторые пародии, мамиллярии, гимнокалициумы, эхинопсисы. Самые мелкие, невзрачные цветочки имеют, по-видимому, большинство мамиллярий и, пожалуй, еще рипсалисов. «Хороводы» желтоватых, розовых, белых и сиреневых колокольчиков, расположенные правильными кругами вблизи макушки, — типичная форма цветения мамиллярий. Цветы, раскрывающиеся как бы от подножия и вообще снизу из остроконечных сиреневых цветопочек-бутонов и опоясывающие кактус, — типичная «схема» ребуций и сулько-ребуций. От середины ствола из боковых цветопочек распускают свои серебристо-белые, напоминающие рог и звезду одновременно, недолговечные цветы эхинопсисы и подобные им псевдолобивии. Остальные виды цветут, как правило, из цветопочек, расположенных на макушке и ближе к точке роста, наконец, есть и особые образования головчатого типа, которые именуются цефалиями, и только из них возникают цветы мелокактусов, дискокактусов и ряда крупных столбчатых цереусов Северной и Южной Америки.

Цветение кактусов столь же нормальное явление, как и цикличность в их развитии. Лучше сказать, цветение напрямую связано с цикличностью в развитии этих (и только ли этих!) растений. Всякого рода вздор о том, что кактус цветет «раз в сто лет», что после цветения он якобы погибает (не путать с некоторыми агавами, относящимися совсем к другому семейству), что кактус зацветает чуть ли не под влиянием мистических сил — не более чем басни, распространяемые в том числе и так называемыми культурными людьми и якобы знатоками, на самом же деле, попросту сказать, верхоглядами, которые что-то такое там «слышали» от «сведущих людей» и теперь сами передают с видом знатоков и посвященных.

Нет, не «потрясающе», не «роскошно» цветут кактусы, скорее их цветки можно назвать скромными, куда им до орхидей, до многих суккулентов-африканцев.

Нет, не раз в сто лет, а ежегодно, в одно и то же время (сезон), цветет здоровый и достигший зрелости кактус.

Нет, не все кактусы можно увидеть цветущими в оконных тепличках и даже оранжереях (значит, и на фотографии в книге), ибо упомянутая зрелость, необходимая для цветения, у одних видов начинается с годовалого возраста, у других с возраста в 3—5 лет, у третьих не ранее 7—10, четвертые цветут лишь в двадцатилетнем возрасте, а далее уже срок достигает сорока и пятидесяти лет, равно как и размер, высота такого кактуса должна быть не менее метра, двух и более, непременно с образованием цефалия и т. п.

В первом случае такими раннецветущими будут: астрофитум астриас, редко турбиникарпус, ребуции.

Во втором — многие некрупные шаровидные кактусы: пародии, айлостеры, нотокактусы, астрофитумы, гимнокалициумы (разумеется, далеко не все виды).

В третью войдут более крупные шаровидные, короткостолбчатые кактусы и эхиноцереусы. Опять же гимнокалициумы, некоторые ферокактусы, мамиллярии и т. п.

В четвертую группу войдут шаровидные крупные кактусы и некоторые короткостолбчатые кактусы, образующие цефалий.

И, наконец, пятую составят самые крупные столбовидные, шерстистые, образующие также цефалий кактусы типа горных и пустынных цереусов.

Основной закон можно условно сформулировать так: чем круглее по форме и миниатюрнее растение, тем раньше оно зацветает, по-видимому, имеет и более короткий цикл жизни. И наоборот, чем крупнее и выше виды кактусов, тем больший период времени им нужен для достижения «цветовой» зрелости. Именно сюда относятся и кактусы-долгожители. Разумеется, исключения могут быть везде.

Вот почему почти абсурдно ждать цветения в оконной тепличке цефалоцереуса, карнегии, эхинокактусов. Чтобы посмотреть это

явление, надо ехать либо в Мексику, либо в США, в те места, где растут соответствующие кактусовые леса. Хотя один из моих цефалоцереусов в коллекции достиг более чем полуметрового размера (на своих корнях!), я не питаю иллюзий, разве что удастся стать долгожителем и увидеть его осыпанным странными и своеобразными удлиненными цветами-стручками. Столь же проблематично надеяться наблюдать цветение эспостоа, аустроцефалоцереусов, псевдоэспостоа и даже ореоцереусов, хотя один из этих моих любимцев приближается к полуметровому росту. Разумеется, если кому-то посчастливится побывать в боливийских или аргентинских Андах, на худой конец в высокогорьях Перу или Эквадора, наблюдать цветущие цереусы не составит труда, там их много, и все они прилежно цветут в свой срок, на своей земле и под своим южноамериканским солнцем.

Итак, рискуя разочаровать любителей, лишь повторю, что истинный коллекционер, вероятно, ценит тот или иной кактус просто за его рост, развитие, цвет, колючки. Он любит кактус, как свое дитище, и нимало не огорчается, что до цветения слишком далеко. Сторонникам же «цветения во что бы то ни стало» автор рекомендует следующие, возможно, уже известные им правила содержания растений, обеспечивающие регулярное цветение:

1. Полное отсутствие каких-либо паразитов, а особенно мучнистого червеца и нематоды. Все паразиты ослабляют кактус своими ядовитыми инъекциями и питанием за счет соков растения. Кактус в таких случаях борется за жизнь, «тратит силы» на то, чтобы выжить, и ему, естественно, не до цветения.

2. Правильный световой режим (особенно для редких и трудных в культуре растений) с затемнением в летнее время светового дня выше 12—14 часов. Кактус — растение короткого двенадцатичасового дня. Эту истину в книге автор повторяет многократно, однако, если зимой любители еще «досвечивают свои растения», то летом очень немногие продолжают соблюдать световой режим, а результат — потеря корней, замирание роста (стагнация) и отсутствие цветения.

3. Соблюдение режима холодного и сухого (или теплого и сухого, ко с ночным опрыскиванием и только в тепличке под лампами)

периода покоя. Кактус, не прошедший стадию покоя, может неплохо расти, но не закладывает «цветопочек», а значит, и не будет цвести. Цветение — это своего рода взрыв активности за счет накопленной энергии.

4. Обязательная подкормка тронувшегося в рост кактуса после зимней «спячки», но лишь фосфоросодержащими удобрениями (например, суперфосфат), однако без излишеств, особо важна подкормка раствором микроудобрений. Чрезмерная подкормка также вредна, ибо кактус может сбросить бутоны и даже преобразовать их в детки. Особенно часто происходят эти удивительные перерождения бутонов при азотистой подкормке.

5. Чистый воздух весной, обилие тепла, света и влаги. Кактус растение тропическое. Ему не хватает нашего тепла для нормального цветения. В холодных условиях кактус лишь с трудом образует бутоны, цветет неохотно. Вспомните, как ведут себя хотя бы помидоры, капуста в холодное дождливое лето; Кактусу необходимо для цветения даже не просто тепло, а жара 30—40 градусов.

Эту самую жару кактусы как бы ждут. Например, в теплице, и бессолнечные дни, набравшие бутоны растения никак не хотят раскрываться или чуть-чуть приоткрывают свои цветок. Но достаточно выглянуть солнцу, как температура в теплице тотчас же повышается, и кактусы стремительно расправляют свои цветы, словно бы наслаждаясь наступившей жарой и ярким сиянием солнца.

Таковы примерно пять условий, обеспечивающих регулярное цветение любых достигших зрелости кактусов. Необходимо лишь добавить, что набравший бутоны кактус ни в коем случае не нужно трогать, поворачивать, крутить, а тем более переносить на другое место.

Чем лучше чувствует себя растение, тем обильнее и крупнее по размеру венчика оно цветет, угнетенный, больной вид имеет чахлые бутоны, мелкие цветы. Иногда цветы даже принимают кристатную, то есть гребенчатую и уродливую форму.

Кристатные формы и цветов, и растений возникают, по-видимому, от разных неблагоприятных причин. В природе эти явления бывают также, но реже, чем в коллекциях. Кактус, образующий кристату, то есть уродливое разрастание какой-то своей части, необязательно макушки, растет на своих корнях, хотя рост этот явно угнетен. Кри-

статными формами могут становиться любые виды (скажем, даже самые редкие. В моей коллекции есть кристатный ариокарпус), кристатная форма в свою очередь может постепенно преобразовываться в обычную.

В завершение главы хотелось бы сказать о сроках цветения. Всякое растение «выбирает» для цветения наилучшее время, когда оно получает максимум жизненных условий: свет, тепло, влажность, наличие предшествовавшего периода покоя, который в природе приходится как бы на сумму неблагоприятностей: зной и сухость, а также холод и сухость. Поскольку материк обеих Америк слишком велик и кактусы растут в разных тепловых, ландшафтных и климатических зонах, не может быть и единого периода их цветения. Отмечу для примера, что растения и вообще имеют свои индивидуальные «видовые привычки», скажем, обычный известный всем одуванчик цветет, главным образом, в июне, — вспомните полянки нашего детства! — очень редко зацветает он вторично, в сентябре. Зато лишь в августе и сентябре — октябре цветет другой, похожий на первый взгляд и также желтый одуванчик осенний со странным названием «кульбаба». Так каждый вид растений «знает» и «выбирает» свое время цветения, обусловленное генетикой. Кактусы здесь не являются исключением.

По характеру цветения они очень разнообразны: одни всего лишь в течение одной ночи выбрасывают белые, пахучие огромные цветы, которые к полудню следующего дня полностью увядают (эхинопсисы, селеницереусы и т. п.); другие, чуть ли не ежедневно, раскрывают по одному-два беленьких цветка в течение всего периода цветения, длящегося до двух-трех месяцев (турбиникарпусы); третьи подобным же образом раскрывают бутон за бутон и даже с нераскрытыми бутонами уходят в спячку (астрофитумы); четвертые по неделе и более держат раскрывающиеся днем и закрывающиеся к вечеру цветы (гимнокалициумы, пародии, нотокактусы); пятые, открыв сразу множество цветочков, потихоньку и незаметно закрывают их и как будто убирают (мамиллярии, ребуции и т. п.); шестые — образуют соцветия бутонов одновременно раскрывающихся и также завязывающих семена; седьмые кактусы могут вообще не раскрывать цветок, но образуют вполне зрелые семена — таковы

мелкие, но довольно прихотливые фрайлеи. Словом, видов цветков, особенностей цветения довольно много.

А говоря о сроках цветения, перечислю следующие разновидности:

РАНОЦВЕТУЩИЕ кактусы (январь, февраль). Прежде всего сюда относятся зигокактусы, рипсалисы, некоторые мамиллярии (плюмоза, шиелеана) и т. п.

РАННИЕ ВЕСЕННИЕ (март, апрель): апорокактусы, копиапоа, многие мамиллярии, рипсалидопсисы, неопортерии, бразиликактусы, некоторые пародии.

ВЕСЕННЕ-ЛЕТНИЕ (май, июнь, июль). Абсолютное большинство видов кактусов: астрофитумы, айлостеры, блоссфельдии, клейстокактусы, долихотеле, эхинокактусы, эхинофоссулокактусы, эхинопсисы, ферокактусы, мелокактусы, неочилении, нотокактусы, опунции, пародии и т. д.

ЛЕТНЕ-ОСЕННИЕ (август, сентябрь). Ариокарпусы, ацтекиумы, гимнокактусы, многие гимнокалициумы, хаматокактус, лейхтенбергия, ряд мамиллярий, неочилении, корифанты, оройя и т. п.

ПОЗДНЕОСЕННИЕ и **ЗИМНИЕ** (октябрь, ноябрь, декабрь). Мы снова, иногда вторично, встречаемся здесь с зигокактусами, рипсалисами, некоторыми видами копиапоа, неопортерий, мамиллярией плюмоза и т. п. Круг как бы замыкается. Однако совершенно очевидно, что в процентном соотношении большинство кактусов цветет в весенне-летнее время, меньшая часть рано весной и поздней осенью и уж совсем мало видов, цветущих зимой, главным образом это зигокактусы и рипсалисы.

Таков цикл цветения кактусов, а упоминая о расцветке (так уж приходится сказать, лучше бы, наверное, — окраске венчиков), назову преобладающим светло-розовый, розоватый, розовый, красный и темно-красный цвета, за ними следует очень часто желтый, всех оттенков и степени насыщения, более редко встречается белый цвет и, наконец, что-то вроде зеленоватого. Голубой цвет — такой частый в растительном мире — у кактусов не встречается, к нему лишь приближаются оттенки сиреневого и светло-лилового. Зато нередко в голубой цвет окрашены поверхности самих кактусов, что как бы компенсирует недостаток его в цветении.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

УРОКИ ГЕОГРАФИИ

Автор убедился, что некоторые любители кактусов неточно или совсем неверно представляют себе климатические, почвенные и ландшафтные условия тех зон Америки, где растут кактусы. Именно поэтому он, рискуя повторить общеизвестное, решил кратко рассказать, а точнее напомнить, что такое пустыня, степь, саванна, горы и тропический лес. Знание особенностей этих зон позволит избежать крупных ошибок в содержании кактусов.

1.

ПУСТЫНЯ

От слова пустыня веет тишиной, солнечным жаром, безлюдьем. Оно вызывает, по крайней мере у меня, представление о таких диких местах, где жизнь как будто прячется или отсутствует совсем. От слова пустыня непременно рождается представление о песчаных барханах, безотрадно выцветшем небе и раскаленном белом солнце. Понятия эти хрестоматийные и отражают в общем поверхностное, а кроме того, «азиатское» или «африканское» понимание пустынь. Размышляя же над пустынными ландшафтами, их климатическими и сезонными изменениями, начинаешь осознавать не столько бесплодность этих мест, сколько их определенную це-

лесообразность в формировании климата Земли, распределении ветров, влаги, тепла и, возможно, даже морских течений. Пустыни, как и океаны — те горячие печи планеты, где воздух нагревается, набирает солнечное тепло и подъемную силу для того, чтобы нести это тепло в более холодные умеренные и полярные зоны и тем способствовать «перемешиванию» воздушных слоев атмосферы, столь нужному для всего живущего в разных местах земного шара. Ведь известно, что погоду делает не столько солнце, сколько ветры (теплые, холодные, сухие, влажные), и, во всяком случае, никто еще с точностью не знает, чем может обернуться для человечества желание «оросить и обводнить пустыни», превратить их, как любят писать, «в цветущий сад», не повлечет ли это резкого похолодания в умеренных широтах, нарушения режима дождей или уже в какой-то мерс повлекло? Не погасим ли мы топки Земли, устремляясь в наступление на пустыню?..

Мир животных и растений пустыни отлично приспособлен к существованию и процветанию в этих, на наш взгляд, жестких и тяжелых условиях. Представлять себе обитателей пустыни несчастными страдающими существами так же неверно, как представлять жизнь неандертальца или кроманьонца, обитавшего в пещерах и землянках, сплошным бедствием, голоданием и холоданием. Счастливая жизнь — вообще зыбкое понятие, и связывать его с пуховыми перинами и текущими в рот материальными благами по меньшей мере смешно. Автор уверен, что и пустынный тушканчик, который всю жизнь не пьет воды, и кактус, живущий под палящим зноем, равно бывают счастливы каждый в своей среде и не меньше, чем гурман в стеганом халате, попивающий кофе не слезая с постели. Все зависит в конечном счете от приспособленности организма к тем условиям, в которых он возник и где жили тысячи поколений его предков. Житель тундры эскимос плохо чувствовал бы себя в Амазонии, житель Амазонии — индеец (кстати, прямой родственник эскимоса), вероятнее всего, погиб бы в условиях Чукотки, Аляски или Таймыра. Все эти примеры автор взял для того, чтобы нагляднее пояснить, как трудно живется кактусам на окнах наших квартир, как важно поэтому знать даже незначительные мелочи о режимах жизни растений на родине: о почвах, освещен-

ности, сезонных изменениях, уровне влажности, температурах в разное время года и суток.

Пустыни всего мира, и в том числе американские, неодинаковы. В Америке, например, почти нет песчаных барханных пустынь, подобных Каракумам или Сахаре. Пустыни юга Соединенных Штатов, Калифорнии и Северной Мексики — это скорее засушливые степи и нагорья, поросшие травой, кустарником (чаппаралем) каменистые и глинистые пространства, относящиеся к так называемым «теплым» пустыням. Здесь почти никогда не бывает снежного покрова, а температура самого холодного месяца редко опускается ниже +5 градусов. Почвы здесь имеют мало гумуса, сильно минерализованы, насыщены солями и своеобразно разложившимися под сильным солнцем остатками растений и корней, не переходящими в гумусовый слой, — это своего рода коричневая и красноватая «пыль». Вот почему все кактусы из таких мест, а прежде всего это ферокактусы, эхинокактусы, эхиноцереусы, карнегии, лофофоры, розеокактусы, требуют почвы, которую с трудом замещают смеси № 3 «П» и 4 «Г», на всех же иных пустынные кактусы вначале буйно растут, а потом теряют корни, неспособные противиться великому множеству гнилостных бактерий либо высокой кислотности.

Потеря корней — самая распространенная беда пустынных кактусов, содержащихся в коллекциях. Ее можно избежать прививкой растений на устойчивые подвои, если любитель не склонен «колдовать» над земляными смесями и подбирать своим питомцам наиболее соответствующий режим и образ жизни. Тем же, кто отваживается на содержание растений «на собственных корнях», (что всегда было высшим классом кактусоводства, да, кроме того, и растения получаются гораздо ближе по облику к естественным видам — примером может служить хотя бы великолепная Мамиллярия плюмоза, плотноопушенная белая и перистая на собственных корнях, на прививке она превращается в рыхлую и не очень красивую, а белый цвет «перышек» заменяется серым), нужно знать, что почвы пустыни почти всегда сухи сверху, стерильно прокалены солнцем, провеяны ветрами по крайней мере сантиметров на 5—7 в глубину, зато глубже этого слоя сухости они уже

постоянно влажны. Корневые шейки кактусов почти не увлажняются и не переносят длительного соприкосновения с влажной средой. Они должны находиться в слое крупного песка или гравия. Поливать кактусы пустынь надо снизу, с поддона. Весной — апрель, май, июнь, поздним летом — август, в начале осени — сентябрь, октябрь. Во все остальное время кактусы на родине получают влагу из туманов и рос, которые в пустынях исключительно обильны. Вот почему опрыскивание растений теплой дождевой водой на ночь вполне заменяет полив и должно сокращаться летом в прохладное время и зимой во время больших морозов. Зимой в пустынях стоит прохладная сухая погода с ветрами.

Ветер играет значительную роль в жизни растений пустыни. Наряду с вентиляцией почвы, рассеиванием семян он проносит и огромное количество кислорода и углекислого газа, чем способствует активизации роста.

Условия освещенности в пустыне наивысшие, солнце притеняется здесь только облаками, но облачных дней мало, не более трети в году, природную тень дают лишь скалы, большие кактусы и чаппараль. Вот почему кактусы здесь либо обладают высокой устойчивостью к свету и зною, либо защищены ребрами и шипами, рассеивающими свет, покрыты белой «шерстью», волосками, подобием войлока или известковой «скорлупы», как, например, у розеокактусов, либо прячутся в почву и в тень от других растений и камней, «выбирая» именно такие места для роста и развития. Все пустынные кактусы любят тепло, 37—45 градусов — оптимальная температура для их развития, а выдерживают они и до 57—60! Зато ночью растения нуждаются в прохладе и росе, и, возможно, именно по ночам они растут, пополняют «питьевые ресурсы», образуют новые цветочные почки, а некоторые и цветут ночью. В течение 10—12 часов ночного времени кактусы буквально купаются в росе, нежатся в ней до тех пор, пока быстрое солнце ее не обсушит. Перепады температур в пустыне очень велики — от 65 градусов на поверхности почвы днем до 5—7 ночью, под утро, особенно весной, летом и осенью. Зимой же держится более прохладная ровная температура и дуют постоянные устойчивые ветры. Световой день пустыни приближается к тропическому (колеблется от

12 до 14 часов), и так же долга пустынная ночь, как правило, ясная, темная, с огромными звездами, ночь, насыщенная жизнью, ибо именно по ночам здесь все движется, охотится, растет, активно передвигается и прячется в норы и укрытия с наступлением рассвета.

В Мексике зима приходится на те же месяцы, что и у нас, хотя, ввиду близости к экватору, день не сокращается так сильно, морозов нет и даже самый холодный месяц январь имеет среднюю температуру +18—+20 градусов.

В Южном полушарии в противоположность Северному зима приходится на июнь, июль и август. Январь в Бразилии и Аргентине — вершина лета, а умеренный климат Аргентины и Чили намного теплее умеренного климата Европы и тем более Азии. Пространства океанов с обеих сторон узкого материка греют его достаточно сильно, а от холодной Антарктики Южная Америка отгорожена полосами постоянно дующих в одном направлении ветров, — это «ревушие сороковые» и «вопящие пятидесятые». В Южной Америке пустыни вытянуты длинной полосой от Перу до нижнего Чили, то есть вдоль Тихоокеанского побережья. Дожди здесь выпадают не сезонно, а хаотично, большей частью стоит безоблачная погода, но влажность воздуха достаточно высока от великого океана, расположенного рядом. Чилийские и перуанские кактусы (копиапоа, неочилении, неопортерии, корридокактусы) либо активно усваивают влагу из ночных туманов и рос, либо собирают ее разветвленной корневой поверхностью, либо имеют глубоко уходящий в землю реповидный корень с запасами воды и питательных веществ.

Кактусы пустынь растут очень быстро в периоды увлажнения (обычно весна и осень). После дождей они покрываются бутонами, ярко цветут, а затем на полтора-два месяца замирают (период летнего покоя, приходящийся у нас на конец июня — июль), в августе, сентябре и октябре они снова и наиболее бурно вегетируют. В это время и в Мексике часто идут дожди, а наши день и ночь по режиму приближаются к мексиканским. Как уже говорилось в главе «Можно ли быть солнцем?», автор считает, что летняя стагнация роста кактусов у нас происходит потому, что растения угне-

тает чрезмерно долгий световой день, эта же причина лежит в основе того, что «мексиканцы» из пустынь редко цветут у нас, особенно фeroкактусы и эхинокактусы. Создавая притенение на часы, излишнего света, можно попытаться улучшить развитие растений и добиться их цветения.

После периода осеннего роста пустынные кактусы впадают в естественную длительную «спячку» с ноября до марта. Я уже писал, что спячка — это период скрытого медленного развития, абсолютно необходимый для нового роста и цветения. Нетерпеливых любителей эта особенность кактусов раздражает. Им все время кажется, что кактусы гибнут, болеют, «переживают» (иногда это так и есть на самом деле), кактусоводу всегда хочется видеть кактус растущим, и вот многие, а в их числе и автор, когда он был непросвещенным и не приобрел еще горького опыта, начинают растение поливать, усиливают свет, иногда и удобряют, стремясь во что бы то ни стало вызвать рост. Во всех случаях нарушение режима сказывается отрицательно, и если не губит кактус, то очень ослабляет его. Это подобно тому, как если бы человека лишить сна, без конца заставлять его бодрствовать и работать. Период покоя нужен всему живому, и он своеобразно проявляется во всем живущем — от бактерии до баобаба, от цветка и вируса до, пожалуй, всей Земли — иначе не было бы на ней, наверное, регулярной смены дня и ночи, времен года, сезонов засухи и дождей, жары и холода, приливов и отливов, а в недавнее время установлено и своеобразное дыхание планеты, ежесуточные поднятия и опускания ее коры. Ритмы развития и отдыха нельзя нарушать — таково правило, применимое ко всем без исключения кактусам, а к растениям из пустынь в особенности.

Кактусы, «разбуженные» раньше времени, образуют нездоровый, уродливый прирост, вытягиваются и никогда не цветут — ибо используют энергию, предназначенную для цветения, на энергию избыточного роста. Некоторым исключением являются маленькие сеянцы, цикличность развития которых полтора-два месяца. Рост сеянца можно стимулировать пересаживанием, но и здесь растения «умудряются» отдохнуть неделю-другую, прежде чем снова дружно начать расти.

Итак, пустыня — это богатый своеобразный мир со своим режимом жизни, построенным на контрастах: здесь немилосердно палит солнце, но жара возмещается столь же долгой ночной прохладой, здесь много света, а ночи безоблачны и черны, здесь редки дожди, но постоянна и обильна роса, здесь мало растений, зато мало и вредителей. Здесь царит чистота, которая немыслима в самом белом, самом промытом старательной хозяйкой доме.

И кактусы из пустынь любят свет, жару, чистоту, росу, прохладу и сухость зимой. Они отлично растут на тощенькой, однако удобряемой и поливаемой снизу земле. Кактусы эти еще ждут своих наблюдателей. Они о многом могут поведать внимательному человеку.

2.

СТЕПЬ И САВАННА

Степь всегда была переходом к пустыне, и резкой границы между ними нет. Иные пустыни, как, например, африканская Калахари, не что иное, как гигантские засушливые степи, хотя бы потому, что здесь выражен сезон дождей и водятся такие животные, которые для пустынь нехарактерны, как, скажем, слон. Степи Северной Америки отличаются тем, что в них растет немало кустарников и злаков.

Степные кактусы во всем подобны пустынным, однако солнечный свет они уже переносят хуже, так как часто растут под тенистым прикрытием колючего кустарника, травы, а в горных степях и камня. В степях Мексики и юга США сезоны большого увлажнения — это весна (март, апрель, май) и осень (октябрь, ноябрь). В это время идут дожди и кактусы проходят двойной вегетационный период и два периода отдыха — летний в июне, июле, частично в августе и зимний — декабрь, январь, февраль. Почвы степей отличаются большим плодородием и большим количеством перегноя, чем пустыни, однако не таким значительным, как в степях Европы или Азии. В американских степях, особенно на участках,

неудобных для земледелия, еще сохраняется древняя дикая флора; там растут многие цереусы, опунции, ферокактусы, ариокарпусы и розеокактусы, мамиллярии, лофофоры, эхинокактусы. Сухие и травянистые степи Аргентины — пампа, или пампасы, — отличаются от Мексики более ровным климатом. Кактусы в пампе растут также в значительном количестве, хотя видов здесь немного. Как правило, это опунции, цереусы и гимнокалициумы двух-трех видов, например, Гимнокалициум гиббозум (*Gymnocalycium gibbosum*) или Гимнокалициум хубутензе (*G. hubutense*), способные переносить и минусовые температуры.

Однажды в моей практике был случай, когда я «проверил» морозостойкость гиббозума. Коллекция кактусов, стоявшая в парнике на даче, замерзла во время сильного внезапного похолодания в конце сентября. Гимнокалициум напоминал камень, и когда я стучал по нему, звук был совершенно схожий, как если бы стучали по льду. Градусник показывал —7. Но после медленного оттаивания кактус остался жив и здоров и даже обильно цвел весной, в то время как другие виды либо погибли, либо сильно обморозились и покрылись пятнами.

И в южноамериканских степях также два периода увлажнения и сухости. Весна с теплыми дождями, знойное сухое лето, прохладная дождливая осень и снова сухая или с перепадающими холодными дождями зима. Изредка зимой выпадает ненадолго и снег. Самый бурный рост кактусов из южноамериканской степи, хотя бы упомянутых гимнокалициумов, приходится на август, сентябрь и октябрь. Кактусы эти нуждаются в притенении, особенно на западных и юго-западных окнах.

Наиболее выраженные саванны, занимающие промежуточное положение между степью и лесом, простираются в тропической Африке, так что иногда и всю Африку называют континентом саванн. В Южной Америке саванны занимают меньшую, хотя достаточно обширную площадь — она охватывает Центральную и Южную Бразилию, Парагвай, Уругвай, Северную Аргентину, где саванна постепенно переходит в степь. Различают «льянос» и «кампос» — саванну травянистую с редким древостоем и «серрадос» — облесненную саванну, где растут родственные африканским баобадам свое-

образные деревья, пальмы и многие кактусы. Я не буду описывать происхождение саванн, ибо они бывают и климатические, где лес не развивается в силу значительной сухости, и вторичные, возникшие из-за деятельности человека. Но, как бы там ни было, саванна имеет целый ряд особенностей, которые неизбежно сказываются на развитии живущих в ней растений.

Первая особенность саванны — строгая цикличность в смене сухого и дождевого сезона. В Южной Америке сезон дождей приходится на летне-осенний период, в то время как зимне-весенний период — сухой и теплый. Почти весь пояс саванн лежит в зоне тропиков, и температура зимой (июнь, июль, август) колеблется от 15 до 26 градусов тепла в среднем. Зима в саваннах — время безоблачного неба, сильных ветров, дующих с материка к океану и тем способствующих развитию еще большего иссушения земли. Зимой пересыхают водоемы, болота и озера, уменьшают сток многие реки, с многих деревьев опадает листва, животные, особенно связанные с водой черепахи, крокодилы, амфибии, часто впадают в спячку, трава выгорает, а кактусы, обильно растущие в саванне, — в первую очередь это различные «теплые» гимнокалициумы, нотокактусы, многочисленные столбовидные кактусы, опунции, пейрескии, проходят цикл скрытого развития (покоя).

Так длится до полугода, пока не начинают дуть муссонные ветры с океана. Небо покрывается белыми и белесыми облаками, переходящими в слоистые, синие и фиолетовые тучи. Наступает время гроз небывалой силы, и, наконец, на изнуренную зноем и сухостью землю обрушиваются нескончаемые ливни. Животные и растения ждут этой поры. Под струями дождя мгновенно оживают семена, клубни и луковицы, кактусы «выстреливают» белые сосущие корни, быстро трогаются в рост, наливаются соками, на вершинах у них появляются бутоны, и через месяц после начала сезона дождей саванна буквально цветет, покрываясь стремительно развивающейся зеленью, новой листвой, цветами. Все здесь наполнено жизнью, кишит насекомыми и птицами, укрывает мелких зверьков, а дождь продолжает лить, пресыщая землю, реки часто выходят из берегов, и многие низины на неделю-другую оказываются под водой. Однако представлять себе дождевой период, как

непрерывный полугодовой дождь, более чем неверно. Дожди перемежаются полосами ясной жаркой погоды или идут ночами. В это время кактусы торопятся развернуть свои цветы и завязать семена. Здесь мне хотелось бы привести отрывок из книги известного путешественника и знатока природы Южной Америки Д. Даррела, посетившего как раз в такой период область Гран-Чако в Северной Аргентине.

«Почва была заболочена и покрыта густой растительностью, среди которой выделялись колючий кустарник и, как ни странно, кактусы. Некоторые кактусы имели вид склеенных краями зеленых тарелок, усыпанных желтыми колючками и розовато-лиловыми цветами (вероятно, какие-то виды гимнокалициумов. — *Прим. автора*). Другие напоминали осьминогов, раскинувших по земле свои длинные щупальца или обвивающих деревья колючими объятиями. Были и такие кактусы, которые походили на большие зеленые гусарские кивера, как бы подернутые черной дымкой колючек. Многие кактусы росли и цвели наполовину в воде».

Мне остается добавить, что ряд кактусов, растущих в тропической саванне, например многие теплолюбивые гимнокалициумы из подродов денудатум, Михановича, растут по низинам, заливаемым водой, так что на некоторое время как бы оказываются подводными растениями. Но всегда нужно помнить, что это очень теплая и постоянно теплая вода, что сна быстро бежит или уходит в почву, что кактусы растут здесь «у себя дома», без пересадок, без инородного климата, выросли здесь из семян и отобраны естественным отбором. То, что кактусы где-то растут в воде, в общем, не показатель для американских саванн, в них чаще преобладают места относительно сухие, даже в дождевой период, а зимой иссыхающие до предела. Большинство «саванных» кактусов, исключая древовидные цереусы, растет под прикрытием высоких трав, кустов, термитников, необычайно многочисленных в саваннах, вот почему, если в квартире коллекционера только западные окна, кактусы из саванн нужно затенять, иначе они подгорают немилосердно. В первую очередь это касается таких видов, как гимнокалициумы денудатум, флейшериянум, Михановича, а также бразиликактусы и нотокактусы.

Световой день в саваннах короче нашего летнего на три-четыре часа и точно так же удлинён по сравнению с нашим зимним. Почвы саванн более кислые, чем в пустынях и горах, в них меньше песка, но они достаточно рыхлы и водопроницаемы. Из-за обилия красноземов и коричневых латеритных почв земля саванн совершенно не схожа с европейской, и потому подобрать идеальный заменитель ее для кактусов очень трудно. Более подходящими будут смеси № 2 «С» и 3 «П», ибо почвы саванн различны и приближаются то к пустынным, то к степным, то к лесным.

Постоянно надо помнить, что кактусы из южноамериканской саванны не требуют слишком холодной зимовки и особенно холодного полива. От холодной воды они мгновенно загнивают, теряют корни, в то время как при умеренной температуре +12, +15 градусов они безболезненно переносят спячку в течение пяти месяцев. Начинать полив этих растений следует с установлением теплой погоды и только теплой водой. В период бурного роста полезны им и дождевания, кактусы можно ставить на ночь в неохлаждающуюся воду, с тем чтобы корни получили максимальную зарядку влагой. Словом, дождевой сезон для растущих видов очень полезен и его также надо чередовать с периодами жары и высокой парной влажности.

3.

ГОРЫ

Наверное, подавляющее число видов кактусов и самое большое их разнообразие характерно для гор и плоскогорий. Такими будут для Мексики почти все виды рода *Астрофитум*, многие мамиллярии, корифанты, телокактусы, цереусы самых разных видов, эхиноцереусы, а в горной полосе Южной Америки еще более многочисленные лобивии, ребуции, оройи, ореocereусы, эспостоа, гимнокалициумы, тефрокактусы и пародии.

Горы занимают значительную часть запада американского материка. «Великий спинной хребет мира» — Кордильеры-Анды — тя-

нется от Аляски до Огненной Земли, и, начиная уже от южных провинций Канады, где появляются опунции, кактусы, увеличиваясь в числе видов, становятся заметным явлением горной растительности. Разумеется, понятие «горные кактусы» очень растяжимое. Сюда можно отнести и Астрофитум астериас (*Astrophytum asterias*), растущий в теплых предгорьях Восточной Сьерры на высоте всего 200—400 метров над уровнем моря, и кактусы рода Оройя, забирающиеся в перуанских Андах на высоту чуть ли не до 5000 метров. И столь же различны будут природные условия в горах: освещенность, солнечная радиация, температура зимы и лета. Естественно, что вблизи экватора кактусы взбираются на большую высоту, но в целом климат мест, где растут горные кактусы, имеет ряд общих черт, которые надо знать.

Прежде всего следует отметить отсутствие резко выраженной сезонности климата в горах. Зима, лето, осень, весна имеют почти одинаковые, незначительно колеблющиеся температуры. Они разнятся лишь в широтном направлении — ближе к экватору выше, дальше от экватора — ниже. Январь в горных районах Мексики имеет среднюю температуру 18—20, июль 25—27 градусов. Зато суточные колебания температуры в горах очень резки. Недаром пишут, что сутки в горах — это год в миниатюре. Жаркий и даже знойный полдень с большим количеством света и ультрафиолетовых лучей сменяется холодной туманной или росистой ночью, когда температура может упасть почти до нулевых отметок. И так весь год. По этой причине горные кактусы напоминают кактусы из пустынь. Они прижимаются к земле, имеют сплюсненно-шаровидную форму (ребуции), растут сплошными дернинами (мамиллярии и тефрокактусы), даже «кучами», покрыты густыми щетинами, «волосом», шерстью или «ватой» (ореоцереусы, клейстокактусы, эспостоа, цефалоцереусы, эхиноцереусы, мамиллярии). Хлопья, вата, щетины и шипы защищают стебель растений от холода, впитывают влагу, предохраняют от ожогов горного солнца и даже от паразитов, хотя в горах, как и в пустынях, очень мало грибков и гнилостных бактерий, к которым горные кактусы, а особенно их корни, чувствительны в наших условиях. Кроме того, кактусы с высокогорья не очень хорошо приспособляются к ино-

му барометрическому давлению в низинных районах. Всем им нужно почву с умеренным количеством листового перегноя, однако отнюдь не бедную, не один лишь камень и песок, хотя и камень, и песок, и кирпич входят в состав «горных» почв. Поливают горные кактусы в течение всего года, так как в горах сезоны дождей осенью и весной выражены не резко. Все же в летнее время поливают обильнее, зимой много реже. Зимой горным кактусам полезен умеренный холод (до +10), светлое помещение и опрыскивание чистой, лучше дистиллированной водой. Весной, летом и осенью эти растения лучше содержать не под стеклом, а под пленкой (полиэтиленовой), ибо стеклянное покрытие мало проницаемо для ультрафиолетовых лучей. Еще лучше содержать горные кактусы летом без прикрытия в местностях с чистым воздухом. Только так они развивают самое красивое опушение, колючки, шипы и щетины.

Выраженного периода летнего покоя у многих этих кактусов нет (исключая, пожалуй, некоторые пародии и ребуции). Обычно рост начинается с марта и продолжается с некоторым усилением в августе, сентябре (считаю, что это за счет наибольшего сходства наших природных условий именно в эти месяцы с природными условиями на родине кактусов) до ноября. С ноября до марта кактусы проходят стадию скрытого роста, однако и в этот период несколько увеличиваются, «толстеют», укрепляются при правильном содержании. Сокращение длинного летнего дня и удлинение короткого зимнего особенно полезны для этих растений, любящих постоянство климата и освещенности.

4.

ТРОПИЧЕСКИЙ ЛЕС

Существует мнение, что кактусы в тропическом лесу — нечто вроде исключения из общего правила, что это якобы «переприспособившиеся» растения, которые в прошлом были суккулентами (засухоустойчивыми), но вот-де изменился климат и кактусы превратились вторично в нечто с листовидными стеблями. Думается — подоб-

ное утверждение далеко от истины. Кактусы — семейство своеобразных растений, которое, несомненно, возникнув в один из аридных, засушливых периодов в жизни нашей планеты или хотя бы Американского континента, начало затем активно осваивать все ландшафтные зоны — от пустынь, степей и саванн до гор и морских побережий. Совсем не случайно, а вполне закономерно они проникли и в леса, где, кстати, богатство кактусового мира до сих пор еще мало исследовано и все потрясающие любительский мир новинки ныне начинают появляться именно из лесной зоны, таковы дискокактусы, узбельмании, новые кактусы — эпифиты.

Самый большой влажный тропический лес планеты располагается в бассейнах рек Амазонки и Ориноко — это та чудесная Амазония, которая и сегодня заставляет благоговейно трепетать сердце каждого истинного любителя природы. Это отсюда, из Амазонии, поступают в аквариумы любителей самые удивительные пестроперые рыбы, рыбы, сияющие многоцветными жемчужинками, рыбки светящиеся, рыбки, похожие на лунные диски и на полосатые полумесяцы; это здесь обитают бабочки фантастических красок и форм, здесь живут жуки, равных которым по величине не находится во всем мире, здесь царство попугаев, обезьян, колибри, туканов, древесных змей и лягушек, ящериц и крокодилов и других удивительных существ, о которых еще не написаны самые интересные книги... Но, безусловно, богатейшим царством Амазонии является царство растений, всех мыслимых и немыслимых видов и форм, какие производили Солнце и Земля. Десятки тысяч видов растений: от нежных мхов и трав до величайших деревьев, лианы, пальмы, бамбуки, бромелии, орхидеи... — одно перечисление заняло бы десятки томов. И каждое растение скрывает свои удивительные, непознанные свойства, каждое прячет свой плод, недаром еще А. Гумбольдт писал, что для исследования только одного большого дерева из амазонского леса не хватит жизни нескольких натуралистов.

Тропический лес Амазонии — феномен планеты, более всего похожий на те леса, которые некогда покрывали ее, оставив нам, как напоминание о былом величии, пласты каменного угля. Амазонский лес мало похож на леса даже других тропических зон, и

тем более не похож он на привычные нам леса и перелески. Прежде всего, это очень влажный лес, растущий лишь в зонах исключительно мощного увлажнения, и в свою очередь компрессор-увлажнитель едва ли не для всего земного шара, недаром ныне высказано предположение, что Амазония снабжает мир третью кучевых облаков, а значит, и третью всех дождей. Уничтожение этого леса (а сейчас ведется активное наступление на его просторы) может обернуться не только растущим иссушением, но и глобальной катастрофой для всего живого. Это большая проблема, затрагивающая все человечество...

Но вернемся к амазонскому лесу, к счастью, еще существующему. Огромная река — сток ее на громадном расстоянии от берегов опресняет океан, а в самой реке живут дельфины, скаты и акулы, — ее бесчисленные притоки, равные самым большим рекам Европы, болота, заливаемые на сотни километров леса, постоянный зной отвесного экваториального солнца, громадные пространства, покрытые деревьями и вообще растительной толщей, ибо лес образует множество ярусов; отсутствие времен года — все это создает здесь условия существования, не схожие ни с чем и уж, конечно, прямо противоположные пустыням. Однако кактусы растут здесь и несколько, по-видимому, не страдают от высокой влажности.

На Амазонке нет времен года, как нет у многих деревьев кольцевых слоев, и большинство растений цветет, плодоносит и завязывает бутоны одновременно, однако периоды более сильного и менее сильного увлажнения есть и тут.

«От девяти до десяти месяцев в году в бассейне Амазонии идут дожди: уровень воды в реках повышается тогда до пятнадцати метров. Дважды в год Амазонка вздувается и дважды в год опадает...» — пишет А. Фидлер.

Но наиболее точное описание амазонского дня мы найдем у известнейшего путешественника Бейтса в книге «Натуралист на Амазонке». «Сначала ослабевает и стихает совсем прохладный морской ветерок, который начинает дуть около десяти часов утра и все усиливается по мере того, как солнце поднимается. Зной и электрическое напряжение атмосферы становятся почти невыносимыми. Вялость и томление охватывают все живое, даже обитателей

леса. На востоке появляются облака. Оки собираются кучами, все более темнея внизу. Весь восточный горизонт почти внезапно чернеет, тьма распространяется вверх и в конце концов заслоняет солнце. Тогда по лесу проносятся сильные порывы ветра, раскачивающие верхушки деревьев, вспыхивает яркая молния. Затем раздается удар грома и вниз устремляются потоки дождя. Такая гроза быстро прекращается, но иссиня-черные неподвижные тучи остаются на небе до самой ночи. Тем временем вся природа оживает, лишь под деревьями видны кучки опавших лепестков и листьев. К вечеру жизнь опять пробуждается, из кустов и деревьев вновь несется звонкий гомон. На следующее утро солнце встает в безоблачном небе и круг замыкается: весна, лето и осень сменяют друг друга в пределах одного тропического дня. Весь год дни в этой стране более или менее похожи на этот».

Постоянная высокая плюсовая температура, в среднем +24, в полдень до 30—40 градусов, ночью не опускается ниже двадцати; отсутствие резких сезонных колебаний — июль и январь здесь одинаково теплы; усиленное испарение, отнюдь не изнуряющее местных животных и растения; банная влажность; короткий относительно день и равная ему ночь, без долгих характерных для севера закатов и рассветов, — все порождает своеобразный ритм жизни. Зори здесь яркие, дни яростно накалены солнцем, ливни буйны, а жизнь всего живого как бы стремительно ускорена: растения иногда дают за сутки полуметровый прирост, с непостижимой скоростью зарастают вырубленные участки, быстро разлагается и вновь входит в круговорот жизни все отмершее. Однако такой ритм жизни характерен лишь для древних коренных растений этого леса, что же касается кактусов — пришельцев из пустынь, — то они сохраняют цикличность развития. Кактусы леса — это прежде всего эпифиты, свисающие, стелющиеся, ползучие растения, которые укореняются в развилках деревьев, дуплах, расщелинах коры, это эпифиллюмы и рипсалисы, кактусы с листовидными члениками или уплощенными, трех-четырёх-пятигранными стеблями, как у селеницереусов, хилоцереусов или эриоцереусов. Все эти кактусы растут на плодородной листовой гумусовой земле с кислой реакцией и хорошо развиваются в закрытых застек-

ленных помещениях-витринах типа аквариумов. Яркого солнца они не любят, но и в тени, подвешенные на окне высоко, растут плохо. Многие из них у нас цветут осенью или зимой (зигокактус), некоторые цветут дважды — весной и осенью.

Селеницереусы дают самые большие цветы, раскрывающиеся обычно в июне, начале июля. На четырехгранном стебле селеницереуса, собирающегося цвести, еще в апреле появляются шерстистые цветопочки из ареол; цветопочки постепенно увеличиваются, но лишь в июне одна из них начинает стремительно расти и через четыре-пять дней превращается в большой бутон, который обычно около десяти часов вечера раскрывается фантастическим белым цветком. Ускорить раскрытие цветка можно притенением его и точно так же можно, сохраняя темноту, задержать его увядание, в обычных условиях это происходит уже на рассвете. Всем кактусам из леса нужна влажная атмосфера, тепло летом и обильные поливки, а селеницереусам сухость и холод зимой. Рипсалисы и эпифиллюмы имеют обратный цикл, летом их держат суховато, осенью и зимой (в тепле) обильно увлажняют.

Помимо вьющихся и свисающих растений в лесах и на лесистых нагорьях растут мелокактусы, цереусы, дискокактусы, уэбельмании, а на переходе к лесистым саваннам появляются теплолюбивые бразиликактусы, гимнокалициумы, нотокактусы и эриокактусы. Все это растения, которые любят тепло круглый год, лишь с периодом усиленного увлажнения (весна, лето, осень) и периодом покоя (поздняя осень, зима, ранняя весна).

КАТЕГОРИРОВАНИЕ КАКТУСОВ

Категорирование представляет собой насущную потребность для всех любителей, ибо кактусы слишком неоднородны и, если можно так выразиться, разнотребовательны к условиям содержания, выращивания, цветения и зацветания (в смысле наступления возраста, когда кактус начинает регулярно цвести, а разница здесь существенная: от возраста в 1 год до возраста в 40—50 лет). Нужда в разделении кактусов условно на группы видов — по категориям ценности — очень велика, и появилось уже немало систем категорирования, большинство из которых делит

кактусы на пять групп. Кактусы первой категории — особо редкие — выделяются в категорию под номером I, кактусы редкие в категорию II, кактусы, встречающиеся нечасто, в категорию III, обычные растения в категорию IV и, наконец, самые неприхотливые и распространенные — в категорию V. Ниже автор приводит свою систему распределения кактусов с учетом того, что ряд родов может проходить через несколько категорий, ибо кактусы, даже в пределах одного рода, значительно отличаются по степени редкости, красоты и прихотливости.

Разумеется, предлагаемое категорирование не может считаться абсолютным, всегда найдутся любители, которые с позиций своего знания и эстетических оценок будут утверждать, что тот или иной вид или род кактусов не соответствует данной категории, — вот почему автор еще раз подчеркивает, что его система лишь ориентировочная, а не утвержденная кем-то раз и навсегда. Расшифровка видов, как правило, дана в конце глав.

Приблизительно так же могут быть расценены и семена кактусов, с оговоркой, что мелкосеменные виды вроде стромбокактуса или пародий должны оцениваться на категорию ниже.

Категории

I. Ariocarpus, Astrophytum (crassispinum, niveum, ornatum, senile v. aureum), Aztekium, Coloradoa, Discocactus, Encephalocarpus, Homalocephala, Leuchtenbergia, Navajoa, Neogomesia, Obregonia, Ortegocactus, Pediocactus, Pilocanthus, Roseocactus, Sclerocactus, Strombocactus, Toumeyia, Uebelmannia, Utahia.

II. Ancistrocactus, Arequipa, Astrophytum (остальные виды), Austrocephalocereus, Blossfeldia, Buiningia, Cephalocereus, Cochemiea, Coleocephalocereus, Copiapoa (редкие виды, см. стр. 213), Echinocactus (редкие виды), Echinocereus (белоопушенные виды), Echinofossulocactus (виды на стр. 160), Epithelantha, Eulychnia (белоопушенные виды), Escontria, Espostoa, Ferocactus (редкие виды), Glandulicactus, Gymnocactus, Gymnocalycium (редкие, прихотливые и новые виды, см. стр. 227), Islaya, Isolatocereus, Krainzia, Lophophora, Matucana, Mamillaria (крупноцветковые и редкие белые, см. стр. 169), Mamillopsis, Melocactus (редкие виды, см. стр. 200), Mila, Neobesseya, Neoporteria, Notocactus (редкие виды, см. стр. 208), Oreocereus, Oroja, Parodia (редкие и наиболее красивые, стр. 208), Pelecyphora, Руг-

rhocactus, Reicheocactus, Rodentiophyla, Solisia, Submatucana, Sulcorebutia (редкие и новые виды, см. стр. 222), Tephrocactus (редкие и белоопушенные виды, см. стр. 233), Thelocactus, Trixanthocereus, Turbinicarpus (schmiedickeanus, roseiflorus), Vatricania, Wigginsia (более редкие виды, см. стр. 208).

III. Acanthocalycium, Aylostera (редкие виды, см. стр. 222), Akersia, Arrojadoa, Brasilicactus, Bolivicereus, Cleistocactus (редкие и белые виды, см. стр. 217), Cochemiea, Coryphantha, Сопiароа (прочие виды), Echinocactus (прочие виды), Echinofossulocactus (остальные виды), Echinocereus (нект. в.), Eriosyce, Erdisia, Eriocactus, Ferocactus (обычные виды), Frailea (редкие и новые виды, см. стр. 227), Gymnocalycium (более обычные виды, см. стр. 227), Haageocereus, Horridocactus, Lobivia, Mamillaria (прочие белые и желтые виды, см. стр. 169), Marschallocereus, Marginatocereus, Melocactus (прочие виды), Morawetzia, Neochilenia, Neolloydia, Notocactus (прочие виды), Parodia (виды, встречающиеся нечасто, см. стр. 208), Pilosocereus, Peniocereus, Pseudolobivia (более редкие виды), Rebutia (редкие и новые виды, см. стр. 222), Roseocereus, Soehrensia, Stetsonia, Tephrocactus (виды с длинными колючками), Turbinicarpus (прочие виды), Weberbauerocereus, Weingartia, Wigginsia (остальные виды), Wilcoxia, Winterocereus.

IV. Aporocactus, Aylostera (прочие виды), Azureocereus, Cereus, Cleistocactus (прочие виды), Dolichothele, Echinocereus (прочие виды), Echinopsis (редкие виды, см. стр. 221), Frailea (остальные виды), Hamatocactus, Harrisia, Helianthocereus, Gymnocalycium (damsii, quehlianum, mihanovichii, paraguayense), Mamillaria (зеленые виды и виды нередкие, кроме самых распространенных), Mediolobivia, Monvillea, Myrtillocactus, Opuntia (редкие виды, см. стр. 233), Parodia (camarapana, mairanana, microsperma, mutabilis), Pygmaeocereus, Pseudolobivia (прочие виды), Seticereus, Seleticereus, Trichocereus, Tephrocactus (самые мелкие виды).

V. Austrocylindropuntia, Austrocactus, Chamaecereus, Echinopsis (прочие виды), Cylindropuntia, Disocactus, Epiphyllum, Heliocereus, Hylocereus, Opuntia, Mamillaria (prolifera, gracilis и т. п.), Peireskia, Peireskiopsis, Setiechinopsis, Zygocactus.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОЗВЕЗДИЕ КАКТУСОВ

В этой части читатель найдет сведения о самых красивых кактусах, разумеется, по мнению автора, который, опираясь только на свой эстетический вкус и опыт, заранее не спорит с теми, кто будет считать, что его мнение ошибочно. Автор не ставит задачи рассказать обо всех видах или родах кактусов, задача эта непосильна и не входит в план книги. Все кактусы собрала только природа. Любители же могут подражать ей, насколько хватит сил и желания.

1.

АСТРОФИТУМЫ

Форму звезды — пяти-, шести-, семи- и вообще многолучевой — имеют в природе многие животные и растения, — достаточно вспомнить морских звезд, офиур, некоторые виды актиний, морских ежей, разного рода плоды, фрукты, орехи; у семейства же кактусовых звездчатая форма стебля является вообще широко распространенной. Наиболее совершенное выражение получила она у небольшого по численности видов, но пользующегося, пожалуй, самой большой популярностью рода Астрофитум.

Так как самих видов немного, а красота и известность астрофитумов велика, предел мечтаний всякого любителя — собрать не

только основные виды, но и формы — а это уже трудность почти невероятная. Форм астрофитумов, уклоняющихся от основных, очень много. Некоторые очень редки и систематизированы по-разному: одни авторитеты выделяют их в самостоятельные виды, другие считают подвидами, третьи и вовсе не признают за разновидность. Дело в том, что кактусы рода *Астрофитум* необычайно изменчивы. Это видно в любом сколько-нибудь крупном посеве или собрании. Каждое растение здесь со своим «лицом», обличем, и подобно тому, как среди людей попадаются самые разные физиономии, точно так же и среди этих кактусов есть экземпляры сравнительно невзрачные и растения, очаровывающие своей исключительной красотой. У астрофитумов давняя и богатая история, которую, однако, я постараюсь изложить мимоходом, ибо основные факты ее известны искушенным кактусистам, другое дело — впечатления, которые складывались в период знакомства и познания этих растений.

Итак, это было давно, очень давно, почти тридцать лет тому назад. Я побывал в гостях у одной почтенной четы кактусоводов, людей увлекающихся и потому, наверное, несколько странных в обиходном обывательском представлении. Насколько я знаю, супруги эти сначала увлекались собаками, начиная от догов и овчарок и кончая карликовыми пинчерами и болонками, затем пришло увлечение кошками сиамскими, ангорскими, сибирскими и не знаю еще какими, следом вспыхнула страсть к цветам — георгинам, гладиолусам и к саду вообще, и, наконец, на этой хорошо удобренной почве полыхнуло увлечение кактусами. В отличие от ветреных сангвиников мои знакомые всякий раз начинали заниматься новым делом капитально, с полной отдачей сил, времени и денег. Так было и в случае с кактусами. Создана была аккуратнейшая оконная тепличка со шкафами по обеим сторонам окна, с лампами дневного света и аккуратными стеллажами; были и микротеплички для семян, разного рода увлажнители и распылители, книги, посуда, инвентарь, картотека с карточками на каждый вид и фотографией кактуса в уголке — точно вид на жительство — словом, все, что требуется и чему надлежит быть в идеале у всякого кактусовода.

В тепличке на стеклянных полках росли и цвели прекрасные (в моих тогдашних представлениях) и очень разнообразные (видов пятьдесят!) кактусы. Впрочем, вы не забыли, что речь идет о середине пятидесятих годов... Среди растений, стоявших на полках ровными рядками, я вдруг увидел нечто сразу покорившее меня своим необычным «рогатым», крапчатым, многоугольным и много-реберным видом. Это «нечто», конечно, тоже был кактус, по как сильно отличался он от мамиллярий, цереусов и опунций, в особенности полосами шерстистых беловатых крапинок-хлопьев, чередующихся с темными зелеными «разводьями».

— О-о! Что это у вас такое? Вот прелесть! Вот диво! Скажите, пожалуйста, что это?

— А это — астрофитум! — был столь же восхищенный ответ.

— Астрофитум!?! Что вы говорите?! — наверное, я восхищался, как девица из провинциального дореволюционного пансиона.

Кактус за стеклом теплички смотрел на меня весело и гордо, словно знал, сознавал и свою красоту, и цену, и влияние на публику. Налюбовавшись вдосталь, я ушел от гостеприимных хозяев с ощущением, что смотрел не кактусы вообще, а именно этот замечательный астрофитум. К ощущению сему примешивалась и досада, род зависти, что вот у них-то есть такое чудо, они-то смогли достать (вывезли из Алма-Аты, как сказала хозяйка), а у тебя и близко подобного ничего нет. Поскольку владельцы кактуса восхищались им ничуть не меньше меня, а может быть, больше, я подумал почему-то, что они не уступили бы этот астрофитум и за сто тысяч рублей. А впрочем, не встречался ли вам, читатель, сорт людей, у которых мера оценки их собственных вещей всегда как-то возвышенно и недостижимо увеличена: есть, скажем, у них фотоаппарат, так уж это такой, какого в целом свете не сыщешь, ружье если, то и ружье — уникам, книга — хо, попробуйте-ка теперь достаньте такую, если уж статуэтка, ваза или раковина, какая-нибудь монета — говорить нечего, ни в одном музее не сыщите... Может быть, это и есть самые счастливые люди?

Позднее, уже пристально занимаясь кактусами, я установил, что очаровавший меня незнакомец был не просто астрофитум, но астрофитум орнатум, с него-то и хотелось бы начать рассказ об

этих замечательных растениях из Мексики, слава которых не меркнет и не затмевается пока никакими новыми находками, никакими уэбельманиями (юбельманиями), хотя последние объявлены прямыми родственниками астрофитумов на южноамериканской земле. Но об этом еще впереди, а пока рассмотрим систематику этого рода, причем правильной, на мой взгляд, будет разделить его так, как делают американские и английские систематики, — на три (а не на два, по Бакебергу) подрода. В таком случае систематическое разделение будет выглядеть следующим образом:

I. Подрод *Astrophytum* (собственно астрофитум)

Виды:

1. *A. ornatum* (DC) Web. (с вариантами и формами)
2. *A. myriostigma* Lem (с вариантами и формами)

II. Подрод *Neoastrophytum*

1. *A. capricorne* Br. et R. (с подвидами и формами)
2. *A. senile* Frič (с вариантом)¹

III. Подрод *Asterias*

1. *A. asterias* (Zucc) Lem (с вариантами)

Учитывая малочисленность видов, можно предположить, что астрофитумы относятся к древним реликтовым растениям Мексики подобно розеокактусам, ариокарпусам или представителям рода Копиапоа в Южной Америке. Следует считать, что астрофитумы — коренные жители Северной Америки и отнюдь не выходцы из Америки Южной, где, во-первых, не найдено ни одного их вида, а самые близкие к ним по строению семян и цветков маленькие фрайлеи и некоторые гимнокалициумы все-таки достаточно далеки и не схожи. Изучая карты распространения видов, приходишь к четкому убеждению, что центр, откуда расселялись астрофитумы, лежал в юго-восточной части Мексики, а возможно, и значительно севернее, но великие оледенения оттеснили всю древнюю реликтовую флору к югу, сдвигая растительность подобно чудовищному бульдозеру в течение десятков тысяч лет. Именно поэтому территория Мексики и юга США так богата эндемичными (нигде более

¹ Соображения о том, правомерно ли считать *A. senile* самостоятельным видом, высказаны ниже.

не встречающимися) родами и видами растений. В Мексике их насчитывается до восьми тысяч видов, в том числе редких и редчайших, сохранившихся всего в одной местности, скажем, в одной долине, на одном горном хребте или даже на одной горе, одном склоне. Северо-восток, восток и юго-восток Мексики сохранили самое большое количество редкостей, Это штаты Коагуила, Тамаулипас, Идальго — центр распространения астрофитумов.

Возможно, что самые редкие представители немногочисленного этого рода вообще еще не открыты и не найдены. Кто собирал растения в горах, вообще искал там что-либо живое, просто охотился или жил, наверное, разделит мое мнение, что горы с их осыпями, ущельями, провалами, каменистыми плато, где шагу не ступишь без риска защемить или сломать ногу, где растения и животные маскируются и прячутся с необычайным искусством, — не самое лучшее место для успешного поиска. Учесть надо и мексиканский зной, и отдаленность мест, и самую площадь гор, которая значительно больше равнин, так что Мексика, если б распрямить, разгладить все ее хребты, заняла бы едва ли не вчетверо большую территорию, обследовать которую для малого количества энтузиастов и знатоков — задача почти непосильная.

По странной случайности первый увиденный мной астрофитум был и первый открытый — Астрофитум орнату (*Astrophytum ornatum* (ДС) Web) — один из самых древних представителей рода. Ударяясь в историю открытия орнатума, замечу, что он был найден неподалеку от города Веракрус на крутом склоне глинистого каньона и, как писал его открыватель Тома Культе, кактус рос на меловой земле и представлял собой расписной колючий столбик в 90 сантиметров высотой. Разумеется, я и представить себе не могу такой большой астрофитум, очевидно, столетнего возраста. Самые крупные орнатумы, какие мне доводилось видеть у любителей, не достигали и двадцати сантиметров, но одно дело растения в природе, в Мексике, другое — в горшках у любителей на окне. О величине орнатума существуют противоречивые сведения, вплоть до указаний на высоту в полтора и даже в три с половиной метра, что явно похоже на фантастику.

Как бы то ни было, Культе собрал на том месте несколько

десятков великолепных «рогатых» зелено-белополосных растений с бурыми колючками. У кактуса было восемь ребер. Некоторые растения оказались с крупными семенами в форме лодочки. Самым же удивительным были крапины-хлопья, отчего кактус выглядел очень декоративно, словно бы в своеобразной «меховой» шубке.

Хлопья-крапинки, по мнению некоторых ученых, защищают растение от вредных излучений и холода. Думаю, с этим нельзя согласиться. От холода такой одеждой не спасешься, от излучений тем более, скорее всего роль крапин-хлопьев совсем другая, во-первых, они хорошо маскируют, особенно молодые растения, придавая им вид пестрых камешков, во-вторых, играют, по-видимому, существенную роль в улавливании и связывании ночной влаги, ибо недаром самые густоопушенные формы астрофитумов (*niveum*) встречаются в наиболее засушливых районах. Крапчатость — признак древний и всегда хорошо выражен у сеянцев, что же касается взрослых растений, то у всех почти видов астрофитумов встречаются голые зеленые формы (*nudum*) или формы полуопушенные, как правило, активнее растущие и зацветающие раньше, а следовательно, более молодые и прогрессивные, чем густокрапчатые. Об этих формах к речи еще впереди.

Вернемся же теперь к орнатуму. Астрофитум этот растет в предгорьях штатов Идальго, Тамаулипас, Веракрус и происходит, следовательно, из более теплых районов Мексики. Вот почему содержать его надо в тепле, по крайней мере теплее прочих. В горах Средней Мексики нет зимы и круглый год держится более-менее ровная температура, а осадки выпадают равномерно. Однако и для Мексики период большей сухости и более низких температур (в среднем $+15$, $+17^{\circ}$) приходится на декабрь, январь, февраль, в то время как апрель, май, июнь более дождливы. В это время кактус начинает расти, выпускать бутоны и цветет, затем он снова активно идет в рост в августе, сентябре, октябре, и лишь в ноябре рост затухает. Выраженного периода летнего отдыха (стагнации) у А. орнатум нет. Подобным же образом ведут себя и другие растения из этого рода.

К сожалению, этот красивый астрофитум зацветает сравнительно поздно — с 6 лет (самый ранний случай), а обычно цветения ждут

восемь, десять, пятнадцать лет и то лишь при правильном режиме с удлинением зимнего дня до 12 часов и затемнением от излишнего солнца в летний период. Вообще же, как уже говорилось, для растений короткого дня, какими являются большинство кактусов, достаточно в течение двух зимних месяцев выравнять световой день, чтобы добиться нормального цветения. Эта причина главная, из-за которой так редко цветут у нас тропические растения. Устраните ее, и цветение будет ежегодным, если, конечно, соблюдаются основные правила ухода.

Цветы Астрофитума орнатум средней величины, желтые, иногда они раскрываются целым букетом. Семена крупные коричневые, имеющие характерную для всех астрофитумов, а также южноамериканских фрайлей форму лодочки с углублением, отчасти похожи также и на гречневую крупу. На семенах под небольшим увеличением видны точки-дыхальца. Садить семена всех астрофитумов нужно так, чтобы углубление-челночек было вверх. Следует заметить, что семена орнатума «капризнее», чем у других астрофитумов. Всхожесть свежих семян около 60 %, через восемь-десять месяцев всхожесть повышается до 80 %, а спустя год убывает, так что лежалые семена либо вовсе не всходят, либо дают 20—30 % всхожести. По-видимому, этот астрофитум во всех случаях труднее для размножения посевом, чем прочие.

Существует несколько разновидностей и форм этого прекрасного кактуса. Наиболее известны следующие:

а) вариант «*niveum*» (не путать *A. capricorne* v. *niveum*). Отличается плотным белым опушением с темными коричневыми мощными колючками-рожками. Вариант самый редкий;

б) вариант «*mirbelii*» имеет прекрасные желтороговые колючки и красивые чередующиеся гладкие и узорчато опушенные полосы. Встречается нечасто и так же, как предыдущая форма, труден для выращивания, а «ссаженный» с подвоя, упорно не желает образовывать корни;

в) вариант «*glabrescens*» — чисто-зеленый шаровидный, без хлопьев-клочков, или зеленый фон преобладает, иногда его также именуют вариант «*virens*». Колючки светло-желтые. Правильнее было бы называть такую форму «*nudum*».

Кроме этих разновидностей имеются различия в форме роста. Так, одни орнатумы принимают столбовидную форму, другие долго сохраняют форму шара, третьи имеют спирально закрученные ребра, четвертые желтоватую крапчатость, пятые более грубые колючки и т. д. Все это не разновидности в строгом понимании, а лишь игра природы и местные уклонения, у астрофитумов вообще даже сеянцы редко похожи один на другой, они все как-то индивидуальны, индивидуально красивы, чего не скажешь о кактусах других видов, которые в посевах отличаются лишь большей или меньшей величиной.

Сеянцы Астрофитума орнатум вскоре после всхода напоминают буровато-зеленые веретенца со срезанными кончиками, а цветом и формой они похожи на другой родственный орнатуму астрофитум — *Astrophytum myriostigma* — Астрофитум мириостигма (тысячекрапинковый), о котором будет сказано далее. Это родство видов сразу бросается в глаза всякому, кто сеял их в одной плошке.

Начитавшись сведений о том, что астрофитумы растут чуть ли не в сплошной извести, я и почву для них готовил, усердно добавляя всякого рода кальциевые добавки, — мел, известняк, штукатурку, гипс. При этом я не учитывал совершенно, что вода на Урале, и по крайней мере в Свердловске, насыщена солями кальция. И вот результат — все мои астрофитумы, добытые с огромным трудом, теряли корни, сохли, гнили, отказывались расти. Устранив первую причину (нематод и трипсов), я принялся экспериментировать с землей и после долгих опытов пришел к выводу, что ни в какой добавке извести эти кактусы не нуждаются, а нужна правильно составленная земляная смесь, разная для всех видов. Для А. орнатум, например, требуется более гумусовая земля, чем для всех остальных астрофитумов. Четверть торфа (выдержанного), четверть листовой земли, две четверти глинистой дерновой, смешанные с песком, гравием, кирпичной крошкой и толченым углем (все эти «присадки» составляют приблизительно одну треть к объему взятой земли), образуют наилучшую смесь для этого кактуса. Не повредит и небольшое, по щепотке-две на ведро, количество калийной селитры и суперфосфата. Надо ли повторять, что земля должна быть пропаренной,

Астрофитум орнатур растёт довольно быстро и хорошо, если получает все необходимое (землю, свет, удобрение, тепло, правильный режим, подкисленную или дождевую воду). За год можно получить уже красивое небольшое растение до 5 сантиметров в высоту и 4 в ширину. А через три года на вполне здоровых корнях кактус будет совсем взрослым чудным растением почти в кулак величиною с яркими полосами и крепкими колючками. Такой астрофитум — большая ценность и украшение любой самой изысканной коллекции.

«Давайте остановимся на ночлег здесь», — сказал Галеотти, хотя совсем не было заманчивым ночевать на известковой горе на высоте 2300 метров под открытым небом. Но его спутники были утомлены за день непрерывной работы, и Галеотти сам начал подыскивать место для лагеря среди колючих гехтарий и опунций. Вдруг он издал радостный крик: «Ого! Какая великолепная звезда!» — и указал на белое пятиреберное растение. Это был, бесспорно, кактус, но без колючек и весь усыпанный белыми клочками шерсти по зеленому фону», — говорится в одной из книг В. Хаге.

Так был открыт второй астрофитум — Астрофитум мириостигма (*Astrophytum myriostigma* Lem.), пожалуй, самый известный из этого рода и не менее своеобразный, чем его старший брат орнатур. Но если А. орнатур, на мой взгляд, наиболее древний из видов и, пожалуй, уже вымирающий, то А. мириостигма продолжает эволюционировать, особенно в своих подвидах и формах. Но прежде чем говорить о его разновидностях, хотелось бы сказать о роде Астрофитум в целом.

Изучив имеющуюся литературу, в основном зарубежную, и опираясь на собственный опыт, я прихожу к выводу, что видов рода Астрофитум всего-навсего четыре (*A. ornatum*, *A. myriostigma*, *A. capricorne* и *A. asterias*). Все они очень четко отличаются друг от друга, их может путать лишь совсем неопытный любитель. А далее идут хорошо выраженные подвиды, которые некоторыми исследователями, жаждавшими лавров открывателя, объявлялись самостоятельными. Так и появились «виды»: *A. coahuilense*, *A. niveum*,

A. senile (последний еще может как-то претендовать на самостоятельность, хотя и его тоже правомерней считать нудальной (голой) формой *A. capricorne*, тем более что такая форма, имеющаяся у всех других видов, у *A. каприкорне* не обнаруживается).

Высказав свое суждение, я подчеркиваю, что не считаю его бесспорным, однако доказательств в его пользу могу привести сколько угодно. А вернувшись к *A. мириостигма*, что в переводе с латыни означает тысячекрапинковый, отмечу, что он не имеет колючек (кроме деток, сеянцев и растений, которые в прошлом были скрещены с другими видами рода) и представляет собой очень красивое, своеобразное растение, как бы высеченное талантливым скульптором из куска гранита, белого мрамора или какого-то странного зеленого камня — все зависит от того, какая перед нами форма этого астрофитума. Сверху он напоминает правильный пятиконечный многоугольник, сбоку похож на кардинальскую шапку-митру. В отличие от описанного выше вида *A. мириостигма* распространен гораздо шире и встречается в разновидностях по всей Центральной, Северной и Восточной Мексике, заходя в горы довольно высоко. Растет он на склонах и на осыпях среди камней, кустарников, травы, часто «выбирая» полузатененное место, — особенно зеленые, голые формы. Нередко он встречается небольшими группами, подобными друзьям кристаллов, ибо в природе эти кактусы имеют колонновидную форму и могут достигать метровой высоты при поперечнике в четверть метра. Иногда этот кактус попадает поодиночке там, куда занесло ветром или водой его крупное семечко-лодку.

A. мириостигма имеет, как и орнатум, несколько густоопушенных форм, которые то выделяют в самостоятельные разновидности (например, *A. коагуилenze* — *A. coahuilense* по названию мексиканского штата, где он встречается), то начинают активно сомневаться в истинности таких заключений. За основание для выделения данной разновидности, имеющей цветок с красноватым зевом, а в остальном полностью похожий на *A. мириостигма*, служит утверждение, что *A. коагуилenze* якобы не скрещивается с *A. мириостигма*. Но тогда встает вопрос, а самостоятельны ли все другие виды рода: *A. capricorne*, *A. asterias* — они-то между собой вели-

колепно скрещиваются и дают жизнеспособные гибриды! А что касается «нескрещивания» *A. мириостигма* с разновидностью коагуилензе, то, на мой взгляд, потомство просто может быть неотличимо от исходного типа, тем более что *A. мириостигма* изменчив удивительно. Твердо сказать можно лишь одно: я еще не видывал этого самого *A. коагуилензе* таким, чтоб он разительно отличался от *A. myriostigma*. Дельцы очень любят втирать очки доверчивым любителям, рекламируя эту «редкость» и набивая на нее цену» По крайней мере, у меня в коллекции есть три растения: все они получены от разных кактусоводов, все называются *A. коагуилензе*, все не похожи друг на друга и всех не отличишь почти от обычного *A. мириостигма*.

Наиболее верным признаком разновидности будет ее цветение, и, если образуется цветок с красноватым зевом вместо чисто-желтого, можно считать, что вы обладатель ускользающего «самостоятельного и нескрещивающегося с другими» вида. Если же цветок желтый, а опушение плотное, то перед вами либо разновидность *A. мириостигма* вариант тулензе (*A. myriostigma subv. tulense*), покрытая как бы белым войлоком и удлиненная, обозначенная по названию г. Тула (есть такой в Мексике). Также белоопушен, но колонновидной формы, с волнистыми, скошенными от вершины ребрами — *A. мириостигма* вариант колумнаре (*A. myriostigma v. columnare*).

Вариант потосинум имеет тонкую колонновидную форму и зеленоватый цвет туловища.

Вариант стронгилогонум отличается округлыми ребрами с выступающим кантом, причем есть еще «стронгилогонум нудум», форма зеленая с белыми пятнами.

Подварианты глабрум и нудум — зеленые с частичным опушением или совсем гладкие чисто-зеленые.

Наконец, имеется еще четырехреберная, сохраняющая эту форму¹, разновидность из штата Тамаулипас — вариант квадрикоstatum. И, по некоторым данным, встречается, как исключение, форма

¹ В посевах обычного *A. мириостигма* часто бывают сеянцы первоначально четырехреберные, но в дальнейшем все они приобретают дополнительное пятое ребро и становятся пятиреберными.

с тремя ребрами и с ребрами совсем круглыми, напоминающими *А. астериас*.

Основной вид *А. мириостигма* имеет туловище, покрытое мелкими крапинами, которые с возрастом перемежаются зеленоватыми дугами-полосами. Сеянцы его всходят в виде зеленых темных веретенцев и более жизнестойки, чем сеянцы орнатума, хотя последние покрупнее. Всходят они дружно, растут также весьма активно, хотя под лампами в зимнее время несколько вытягиваются. При хорошем уходе красивое растение получается уже через год; через два некоторые набирают первые бутоны. К трехлетнему возрасту при отличном содержании могут начать цвести. Старые астрофитумы раскрывают бутоны один за другим, начиная с апреля и до сентября. Зимовка нужна сухая и прохладная. Период роста с апреля по ноябрь. Земля — несколько более глинистая, чем для вышеописанного астрофитума. В почве со значительным количеством перегноя теряются корни.

Вторая группа астрофитумов относится к подроду Неоастрофитум. Основным ее видом является Астрофитум каприкорне (*Astrophytum capricorne* (Dietr) Br. et R.). В переводе на русский каприкорне значит козерогий — такое название кактус получил за форму своих колючек, несколько напоминающих рога коз. Был он открыт позднее других видов доктором Позельгером, с именем которого связано много интересных кактусовых находок. Позельгер нашел новый астрофитум в 1851 году в штате Коагуила в Восточной Мексике (вы не забыли, что именно здесь встречается и густоопушенная форма предыдущего астрофитума, принимаемая по системе К. Бакеберга за самостоятельный вид, и четырехреберная более древняя форма — и все говорит за то, что штат Коагуила, по-видимому, один из центров, откуда распространялся и прогрессировал удивительный род Астрофитум).

По моим наблюдениям, козерогий астрофитум является и самым трудным, самым строптивым. Лучше бы его назвать «астрофитум капризный». Впервые я увидел его в оконной тепличке одной московской кактусистки, к которой не постеснялся явиться без приглашения.

Жил я тогда в Москве, учился на литературных курсах Союза

писателей, и вот однажды, снедаемый тоской по дому, стоял у окна своей комнаты в общежитии. Глядеть в окно было, пожалуй, единственным развлечением «курсантов»; тем более что наискосок-напротив помещалось общежитие медицинского института, и студентки манили молодых писателей, как sireны спутников Одиссея. Переводя взгляд от окон медичек на благообразный соседний дом с окнами в виде прямоугольных амбразур, какие были во французских феодальных замках эпохи до кардинала Ришелье, я обнаружил за одной из этих амбразур нечто вроде полка, на которых стояли какие-то стеклянные ящики вроде аквариумов. Вглядевшись в аквариумы-витрины, я заметил там лохматые головенки кактусов. А далее я, не долго думая, постучал или позвонил в двери сей квартиры и был встречен хозяйкой, глядевшей на меня с некоторым страхом.

Объяснив попросту, что я тоже кактусист, извинившись и т. д., я получил разрешение переступить порог этой квартиры, где все говорило об увлечениях ее хозяев биологией. Тут были коллекции бабочек в застекленных коробках по стенам (и коллекции очень красивые, тропических видов), висел скальп какой-то антилопы с длинными прямыми рогами, по-моему, из рода Орикс, были еще некие рога и шкуры, но главное увлечение хозяйки, как я понял, были кактусы. В квартире стоял полумрак, хотя на дворе сиял яркий сентябрьский день. И хозяйка тотчас пожаловалась мне, что вот-де досталась квартира, не окна, а пулеметные гнезда, что ей ежедневно приходится протискиваться в амбразуры к кактусам, что зимой, когда кактусы занимают окно, семья вообще живет только с электрическим светом, — но, по-видимому, так и бывает, что вопреки всему, вопреки логике, наперекор обстоятельствам и стихиям именно в таких вот квартирах водятся самые заядлые, чуть не сказал отъявленные, кактусоводы, и снова вопреки обстоятельствам именно они выращивают самые лучшие кактусы. Я видел чудесные квартиры (с окнами на юго-восток!) с лоджиями, террасами, можно сказать, с готовыми теплицами при доме, и никто там не занимался кактусами, в лучшем случае росли в ящиках тривиальные ноготки и настурции. Не заключена ли здесь какая-то тайна жизни?.. Не стимулируется ли в нас нечто преградами и

препонами? Как знать... Во всяком случае, именно в той сумрачной квартире, а точнее в застекленных ящиках за окном-амбразурой, я увидел в числе других средней величины астрофитум, который заморозил меня своим густым крапчатым узором на темном восьмиреберном стебле, опутанном рогами не рогами, но толстыми колючками изогнутой формы. Кактус недавно отцвел, и засыхающий бутон держался на его макушке. Конечно, я тут же стал упрашивать хозяйку продать мне второй такой же экземпляр, стоявший рядом, но, конечно, услышал категорический отказ, даже с оттенком ужаса: «Да что вы?! Да как можно?!» В общем, я тотчас отступился, зато пересмотрел всю коллекцию (видов триста), и все кактусы были ровненькие, ухоженные, упитанные, чистые, все чувствовали себя в «аквариумах» отнюдь неплохо, даже на противоположной стене квартиры, — там окна выходили строго на север.

Итак, Астрофитум каприкорне потянул меня, пожалуй, посильнее прочих крапчатых собратьев, и вскоре я подробно с ним познакомился, узнал его строптивый нрав. Прежде всего я понял, что этот астрофитум значительно слабее, как-то слабосильнее и мельче других. Он и в природе никогда не достигает даже сорока сантиметров в высоту и обычно выраженно округлый, а не столбовидный. Он мгновенно останавливается, едва в почве образуется избыток кальция или падает кислотность, а в гумусовой кислой среде теряет корни и загнивает. При переувлажнении зимой он гибнет с фантастической быстротой, при нарушении режима содержания долго не растет, не образует щетины и вообще может приводить в глухое уныние своей неподатливостью. Зато если земля подобрана правильно, режим хорош, кактус растет довольно быстро, а щетины начинает образовывать уже на первом (!) году (обычно на третьем). При хорошем содержании на третий год он уже зацветает. И цветок каприкорне огромен по сравнению с его маленьким туловищем (до 7 сантиметров в ширину). Цветок воронковидный, как у всех астрофитумов, желтый, шелковистый, с красноватым зевом. Самая раноцветущая форма А. каприкорне — вариант минор (*v. minor*) найдена и описана собирателем Рунге в 1896 г. в Техасе. Минор иногда именуют самостоятельным видом, хотя это,

безусловно, неверно. Отличается он лишь ранним образованием щетин (на первом году), ранним цветением на 2—3-й год и более светлым миниатюрным туловищем, в то время как основная форма вариант майор (*v. maior*) — крупнее, серее, зацветает позднее, а «рога» имеет более жесткие, образование их идет на третьем или даже четвертом году (очень редко на втором). Особенно длинные и густые щетины образует нечасто встречающийся вариант Вирека (*A. capricorne var. viereckii*), названный в честь известного кактусиста — собирателя растений. Красивее всего становятся экземпляры в 7—10—15 лет, как и все другие астрофитумы, а может быть, и кактусы вообще.

Цветет Астрофитум каприкорне в июне, июле и августе. Весной требует притенения, период наибольшего роста падает на август, сентябрь, октябрь и ноябрь. Появление новых щетин прямо связано с периодом «отдыха», неотдохнувший, содержавшийся в большом тепле кактус щетин не образует, что проверено мной на опыте.

Следующим вариантом-разновидностью является наиболее редкий и ценный Астрофитум каприкорне вариант нивеум (*A. capricorne v. niveum*). Некоторые кактусоводы склонны считать его даже самостоятельным видом, что вряд ли верно. Нивеум отличается от основной формы всего лишь более крупным ростом, плотным белым опушением и характером расположения, а также поперечным сечением щетин, имеющих форму правильных дуг. Очевидно, нивеум, как и все вообще плотноопушенные формы у астрофитумов, во-первых, более древен, во-вторых, происходит из более засушливых районов Мексики. Как все растения-реликты с консервативной наследственностью, этот астрофитум требует внимательного ухода и подбора подходящих условий содержания. Главное — не слишком влажное, жаркое лето и умеренно холодная сухая зима без поливки. Особенно легко этот кактус «простужается» и загнивает в сыром холодном месте. Рост нивеума более медленный, однако все возмещается красотой растения, имеющего мало равных среди всех форм астрофитумов.

Астрофитум каприкорне вариант крассиспинум (*A. capricorne var. crassispinum* (Moll)) списан, как и предыдущий вариант, док-

тором Мёллером в 1925 г. и также происходит из знаменитого штата Коагуила. Подобно нивеуму его также возводят в степень самостоятельного вида, однако все-таки большинство авторов склонны считать крассиспинум подвидом или формой. Этой же точки зрения придерживается и Бакеберг. Крассиспинум имеет несколько более вытянутое, чем у нивеума, тело, зеленоватое, с неравномерно расположенными хлопьями, колючки густые и темные, цветы чисто-желтые (без красного зева). Обе эти разновидности также немилосердно «подделываются», и достать «чистую» разновидность как нивеума, так и крассиспинума необычайно трудно. Последний с точностью можно определить лишь во время цветения. На мой взгляд, вариант крассиспинум — это своего рода переход к Астрофитуму сениле, или же он связан с подродом Орнатум-мириостигма, так как имеет желтые цветы и вытянутое туловище.

Сеянцы А. каприкорне отличаются от сеянцев предыдущего подрода довольно значительно, во всяком случае их сразу узнаешь по форме и цвету — это уже не темные веретенца, а сплюснутые с боков, имеющие форму бокальчика или зуба, даже с зазубринками наверху. Цвет сеянцев светло-зеленый, развиваются они труднее, очень реагируют на известковость воды и почвы и при наличии большого количества извести в воде покрываются желтой скорлупой и замирают. Поливать их нужно только подкисленной водой. Неплохо удобрять их, но слабой и снабженной всеми компонентами смесью.

Вторым видом подрода Неоастрофитум является Астрофитум сениле (*Astrophytum senile* Frič.) — «старческий».

Открыт он в 1923 году и описан в 1924 году известным собирателем и знатоком кактусов Фричем. Фрич нашел эти астрофитумы в горных местностях штата Коагуила. О видовой самостоятельности А. сениле до сих пор идут споры: одни придерживаются теории, уже высказанной выше, что А. сениле всего лишь голая (нудальная) форма от А. каприкорне, точно так же, как имеется эта форма у всех других видов астрофитумов (*A. ornatum*, *A. myriostigma*, *A. asterias*). Однако приемлема и другая точка зрения,

что *А. сениле* является действительно самостоятельным, но «молодым» видом, уже настолько «отщепившимся» от основного вида (*А. capricorne*), что он имеет устойчивые самостоятельные признаки, закрепленные наследственностью.

Настоящий *А. сениле* отличается от *А. каприкорне* уже в стадии сеянца, о чем будет сказано ниже. По облику же это типичный астрофитум, восьмиреберный, с зеленым или незначительно покрытым хлопьями туловищем и очень мощными черными, сидящими затем щетинами, которыми стебель его может быть опутан удивительно плотно, так что растение напоминает какое-то ирреальное сооружение вроде птичьего гнезда, как писал об этом Фрич. Ростом он превосходит *А. каприкорне*, значительно более устойчив и крепок в культуре, что характерно вообще для всех нудальных форм по сравнению с формами, густо опушенными хлопьями.

У *Астрофитума сениле* имеется подвид, который обозначается как *А. senile v. aureum (Möll) Backbg.* — Астрофитум *сениле* вариант *ауреум* (с золотистыми колючками) — эта форма иногда называется и *флависпинум*, что значит желтоколючий. Формы же с желтыми колючками имеются и у *А. орнатум*, так что *А. сениле* вариант *ауреум* может быть просто желтоколючей разновидностью *А. каприкорне*. Форма эта несколько более капризная, легко загнивает и поражается грибами при переувлажнении. Ее светло-желтые щетины со временем становятся коричнево-желтыми.

Как бы то ни было, пока не соберется международный конгресс кактусистов (а дело идет к тому) и не утвердит единой и самой точной классификации (что весьма трудно сделать), разночтения в определении видов и подвидов, родов и групп будут оставаться, что не слишком сильно в общем-то мешает любителям астрофитумов их собирать, выращивать, изучать, любить, искать и надеяться на открытие действительно новых видов и разновидностей.

А открытий можно ждать. Достаточно представить себе хотя бы одну Мексику с ее гигантскими горными цепями и плато, потухшими и действующими вулканами, каньонами, пустынями и степями. В глухих местах могут встретиться наиболее редкие как-

тусы — эндемики. К примеру, недавно открытые в Южной Америке высокогорные сулькоревуции располагаются иногда так: отдельный вид растет лишь на одном горном склоне, в то время как на другом склоне горы растет уже совершенно другой вид сулькоревуций, и оба уже нигде больше не встречаются. Такие уединенные находки где-нибудь на горном отроге, вершине или на древнем, тысячелетиями не менявшемся плато еще ждут своих открывателей. Особенно это касается штатов Коагуила, Тамаулипас и южной части американского Техаса. Обследовать целую горную систему под силу лишь ряду больших экспедиций, ибо изучаться должны все доступные растениям пояса — от долин до заоблачных высот в 3 и 4 тысячи метров.

Завершая рассказ об Астрофитуме сениле, хочу сказать, что, как и полагается молодому виду, он очень изменчив, встречаются растения, густо оплетенные щетинами и относительно голые, растения с крапинами, чередующимися с зелеными полосами, и растения совсем без крапин, формы вытянутые и приземистые. Сеянцы и молодые кактусы всегда имеют хлопья. Сами по себе сеянцы сениле крупнее и зеленее, чем сеянцы сходного Астрофитума каприкорне, но также имеют форму сплюснутого бокальчика или зуба. Форма сениле ауреум еще более светлая, почти желто-зеленая, как бы сквозящая. Среди сеянцев часто бывают белые и желтые бесхлорофилловые растеньица, которые надо прививать в двухнедельном возрасте на хороший подвой, иначе они гибнут.

Почва для А. сениле должна быть такая же, как и для А. каприкорне, когда на одну часть листовой или торфяной земли приходится три части глинисто-дерновой земли, не считая трети песка, гравия и кирпичной крошки. Сеянцы начинают выбрасывать черные щетины уже на первом году, зацветают на третьем и четвертом. Все, что сказано о содержании Астрофитума каприкорне, подходит к содержанию и Астрофитума сениле.

Последним третьим подродом астрофитумов, явно по неразумению соединяемым Бакебергом в один с А. каприкорне, является подрод Астериас с единственным видом: Астрофитум астериас (*Astrophytum asterias* (Zucc) Lem.) — астрофитум звездчатый.

История открытия этого исключительно интересного, оригинального растения перепета уже всеми авторами до оскомины, и везде из слова в слово повторяется, как ботаник-любитель барон Карвинский собирал растения в Мексике по заданию «царского правительства России», и в частности князя Кочубея.

Не могу не заметить, что Петербург довольно внимательно следил за успехами ботаники и пополнением пусть немногочисленных тогда ботанических садов России. Эта традиция шла еще с допетровских времен, от царя Алексея Михайловича, любителя охоты, природы и экзотики. А оранжереи ботанического сада в Петербурге имели блестящую для своего времени коллекцию растений, особенно растений из тропических зон Азии, Африки, Америки, и, в частности, была отличная, регулярно пополняемая новинками коллекция кактусов. Функцию сборщика растений выполнял и Карвинский, открывший в Северо-Восточной Мексике (штат Тамаулипас) не только новый астрофитум, но и целый ряд других кактусов, а в их числе очень ценный вид розеокактуса, о чем будет сказано далее. Словом, изучение и коллекционирование кактусов имеет в нашей стране давнюю историю. К сожалению, посетив ряд ботанических садов Урала, Москвы и Черноморского побережья, могу сказать, что сейчас кактусовое дело там обстоит далеко не блестяще, а кое-где из рук вон плохо. Коллекции пополняются слабо, растения вымирают, отделы кактусов и тропических растений ведутся часто случайными людьми или же специалистами, имеющими ученые степени по кукурузе и подсолнечнику. Зато любительское кактусоводство начинает процветать, и всякий побывавший, скажем, на выставках свердловского клуба «Цереус» не мог не любоваться здоровыми, полными жизненных соков растениями, что буквально улыбались из стеклянных витрин, как бы лишний раз заявляя зрителям, что лучшее удобрение — уход и знание.

Отправив Карвинского в Мексику, петербургское ведомство получило от него в 1843 г. несколько экземпляров невиданного и никем еще не описанного растения, которое Карвинский якобы нашел случайно, погнавшись за сброшенной ветром шляпой. Так это было или не так, во всяком случае, находка говорила сама за себя. На глинистом бугре, среди травы, Карвинский обнаружил круглые,

плоские, странно украшенные желтоватыми «пуговками» ареол и красивыми узорами хлопьев ни на что не похожие растения. Впрочем, пожалуй, больше всего они походили на странные зеленые шляпки грибов. Осмотрев их, Карвинский с возрастающей радостью убедился, что перед ним кактусы совершенно неизвестного чудесного вида. Но, увезенные в Европу и в Россию, растения погибли, как это случалось со множеством кактусов, которые лишь на невежественный взгляд кажутся бесконечно выносливыми. Правильней было бы назвать их долготерпеливыми, выдерживающими варварское обращение дольше других растений, однако финал часто был один: кактусы не могли приспособиться к европейским условиям и погибали.

Редкий астрофитум исчез на долгие годы, и лишь спустя восемьдесят лет (!), в 1922 г. его обнаружил мексиканец Кастанеда, а в 1923 г. снова открыл вездесущий и опытный Фрич. Странно, что такой интересный астрофитум, кстати, не являющийся чрезмерной редкостью для территорий, где он растет, не был найден так долго. Однако надо учесть и то обстоятельство, что кактус растет среди травы, в кустарниках, в глинистых каменистых откосах и по буграм, маскируясь своей сплюсненной, вдавленной в землю формой. Его трудно увидеть сразу, как и некоторые другие миниатюрные кактусы, и надо искать примерно так же, как ищут грибы. Поиск прячущихся в почву и в травы растений привел ныне к открытию новых крупноцветковых мамиллярий, и, по-видимому, немало еще будет найдено в первую очередь мелких миниатюрных кактусов типа фрайлей, сулькоребуций, нотокактусов, гимнокалициумов и других растений.

Астрофитум астриас в ширину обычно больше, чем в высоту. Сорока-пятидесятилетние растения достигают в природе размера небольшой тарелки. Их сплюснутая форма целиком зависит от условий освещения, и под нашим солнцем, даже в теплице с подсвечиванием зимой, кактусы не бывают столь плоскими. Расписанный крапинками и узорами хлопьев, украшенный пуговками и подушечками ареол, нередко несущий на темени по три-пять ворсистых бутонов и по одному-два крупных желтых цветка, Астрофитум астриас — настоящее живое чудо, украшение любой кактусовой

коллекции или горки, которые часто формируют любители из камней, трав и разных видов кактусов. Красивы и одни астериасы, растущие в вазоне, плошке, керамической посуде, — они всегда разнообразны, один кактус не похож на другой, и все по-разному опушены. Кстати, позднее астериасы были открыты и в американском Техасе, где они представлены несколько иной подвидовой формой. Основная родина А. астериас — штат Тамаулипас, о котором уже говорилось выше.

Расположенный южнее Флориды, Тамаулипас имеет вполне тропический климат, — зимой дожди редки и стоит сухая прохладная или теплая погода со средней температурой января $+18^{\circ}$, а весной и летом идут муссонные дожди, тропические ливни. Пик сухости на родине астериаса приходится на февраль, и в течение декабря, января, февраля и марта кактусы не требуют увлажнения. В период с апреля по июнь, когда кактус начинает цвести, он растет не сильно. Цветение продолжается все лето до глубокой осени, когда бутоны уже не раскрываются, а зимуют. Период усиленного роста падает на август, сентябрь, октябрь и ноябрь, но это лишь в условиях теплицы и при теплом поливе. По моим наблюдениям, во время роста этот астрофитум гораздо более «водяной», чем другие, лишь бы стояло тепло, вода была теплой, а сам кактус был здоров. Здоровый астериас имеет очень мощные длинные корни, которые глубоко уходят в почву, даже у сеянцев. При пораженных корнях или корневой шейке он мгновенно загнивает и гибнет, особенно в холодную погоду и от холодной поливки. Должно стать правилом: лучше не поливать совсем, чем поливать при холоде.

В настоящее время известно до пяти разновидностей астериаса, что при его изменчивости, окраске, опушении, форме ребер не удивительно. Форма из Техаса имеет вдавленные ложбинки между ребрами, ареолы у нее мельче и белее, а сами ребра более острые. Кроме того, она не так плоска, как мексиканская, и приближается к сплюснуто-шаровидным. Типичная форма из Мексики более круглая и в то же время сплюснутая, плоская, ареолы крупные, выпуклые и желтоватые, что гораздо красивее, рисунок крапчатых узоров весьма густ.

Еще более густо опушена форма, которую можно бы назвать «*niveum*», хотя она называется мультипунктатум (многоточечная).

Наконец, есть почти голая форма (*nudum*), зеленая, с небольшим количеством редких и мелких точек.

Пятая форма указывалась Фричем, как красноцветковая (*roseiflorum*), и существует еще одна с голым красноватым плодом (*nudicarpum*). Ни ту, ни другую автору видеть не доводилось. Надо полагать, что это лишь уклоняющиеся от типа одиночные экземпляры,

Различны астриасы и по количеству ребер, их может быть от 8 до 11 или меньше. Иногда увеличение количества ребер связано с возрастом и старением кактуса. Обычно же у астрофитумов (за исключением *A. мириостигма*) ребер бывает восемь.

Цветет *A. астриас* на втором, третьем году желтым большим цветком с красноватым зевом и дает большое количество семян-челночков с отличной всхожестью. Все посеянные мной астриасы всходили на 2-й, 3-й день и образовывали крохотные забавные зеленые шарики (не «зубы», как у видов круга *A. каприкорне*, и не веретенца, как у *A. орнатум* — *A. мириостигма*). На десятый день у сеянцев, похожих на миниатюрные футбольные мячики, проглядывали два белых глазка, которыми они забавно смотрели на сеятеля. Еще через неделю к глазкам присоединялись точки «рот» и «нос», и кактус начинал увеличиваться, достигая через два месяца размера горошины с плоской вершинкой и точками ареол, позднее начинали появляться крапинки, разнообразные и мелкие. За год мои питомцы достигали уже четырех сантиметров в поперечнике — имеются в виду лучшие экземпляры, которые на второй год начинали цвести. Пуговицы-ареолы появляются на втором году, и с развитием их начинается цветение. Могу заметить, что у всех, кто видел мои сеянцы астриасов и астрофитумов вообще, рождалось сомнение, не выдаю ли я трехлетние растения за годовалые, ибо не кто иной, как знаток кактусов Буксбаум, писал, что сеянцы лишь на второй год имеют вид небольшой горошины. Могу лишь сказать; добиться, чтобы годовалый астриас или любой другой астрофитум выглядел как приличное красивое растение (без прививки), очень нелегко, здесь нужен весь комплекс опыта, ухода,

освещения, режима, подбора почвы, подкормок и персадок, а главное — много внимания к растению.

Торопить астериасы с цветением не стоит, а бутоны в первый и второй год, если они появились, лучше убрать: надо, чтобы кактус окреп. Лишь на третьем году он может дать полноценные семена. Почва для А. астериас нужна более глинистая по формуле: 1 часть листовой или торфяной земли на 3 части глинисто-дерновой. Или даже две трети глинисто-дерновой смешиваются с третью песка, камня, угля и керамзита или толченого кирпича. Чем старше становится астериас, тем более глинистой должна быть земля и глубже посуда — корни кактуса, как я уже отмечал, несообразно с величиной растения длинные, густо разветвленные.

А в заключение хочется сказать, что все астрофитумы необычайно интересная группа кактусов. При их изменчивости, чудесном «марсианском» виде, всевозрастающей с годами красоте, опушенности, цветении — они украшение всякой коллекции, на них в первую очередь останавливаешь взгляд, ими любуешься, как живыми сокровищами. Выращивать их нелегко — они требуют внимания, легко поражаются вредителями, особенно червецом, личинками трипсов и нематодой, но все эти трудности «окупаются» их редкой красотой, понять которую способны даже самые равнодушные к природе и растениям люди.

2.

РОД ЭХИНОФОССУЛОКАКТУС

Echinofossulocactus Lawr., 1941 — длинное это слово переводится на русский язык еще длиннее: ежевый кактус с небольшими мелкими канавками. Я не скоро привык к нему, хотя в тот период, когда я начинал собирать коллекцию, у эхинофоссулокактусов было и более простое название «стенокактус», ныне уже не употребляющееся. В общем, я не слишком очаровался «фоссуликами», как сокращенно именуют их москвичи, пока не повидал их взрослыми. Кстати сказать, все кактусы без исключения наибольшее впечатле-

ние производят в «расцвете сил», по крайней мере где-то на седьмой, десятый год жизни. Сеянцы производят впечатление довольно жалкое, они «одинаковы», что лишний раз подчеркивает: кактусы развились из немногих общих видов и далее пошли путем «индивидуализации» и приобретения обособляющих видовых качеств. Может быть, так развивается псе живое. Сеянцы же эхинофоссулокактусов были похожи на сеянцы заурядных мамиллярии вроде Мамиллярии пролифера и отличались лишь какими-то пушинками на темени. Никаких извилистых ребер не было и в намеке. Впоследствии из сеянцев, приобретенных мною, сформировались растения одного вида (*E. pentacanthus* (Lem) Br. et R.), появились ожидаемые извилистые ребра, и все равно ничего особо красивого я не увидел, хотя в книге Пажоута-Валничека или в какой-то другой поверхность их описывалась «как искусно разукрашенный торт». Ничего похожего ни на торт, ни на пирожное я не обнаруживал, сколько ни приглядывался к своим «пентакантусам».

Но вот во время одной из поездок в Москву я увидел целую коллекцию очаровательных, иначе не могу сказать, темно-зеленых и белоопушенных кактусов, похожих по форме на крепенькие огурчики или, наоборот, на сплюснутые набалдашники от трости. Вершинки их были как бы морщинистые, расслаивались на тонкие зеленые изогнутые борозды, но, что самое замечательное, на этих бороздах и на вершине сидели розетки, нет, не колючек, а плоских изогнутых коготков-ноготков, иные и в самом деле темного рогового или янтарного цвета. Другие розетки были с бумагоподобными колючками, из некоторых высывался острый единичный «коготь», словом, это были чудные растения, покоровшие меня и заставившие внимательно изучить их систематику, распространение и особенности. Весь род этих кактусов не слишком велик, до 34—37 видов, ибо имеются и виды спорные, нечто вроде переходных или природных гибридов, что очень характерно для многих кактусов, таких, как мамиллярии, гимнокалициумы, пародии, нотокактусы. Бакеберг разделяет весь род Эхинофоссулокактус на три подрода, из которых один не имеет изогнутых ребер, к другому относятся все эхинофоссулокактусы с числом изогнутых ребер более ста, и к третьему, самому многочисленному, отнесены виды

с меньшим числом, но очень тонкими, слабыми ребрами, причем этот подрод распадается еще на две группы.

К первому подроду относится всего один очень интересный вид: Эхинофоссулокактус коптоногонус (*Echinofossulocactus coptonogonus* (Lem.) Lawr). Извилистых ребер на его зеленом туловище нет, зато большие дуговидные шипы, расположенные как у всех эхинофоссулокактусов розетками, украшают его и придают очень своеобразный вид.

Кроме коптоногонуса, все остальные эхинофоссулокактусы имеют извилины-ребра в большей или меньшей степени. Самый многореберный (*E. multicostatus* (Hildm) Br. et R.) Э. мультикостатус имеет и замечательные колючки, четырехгранные, сидящие на белых подушках ареол. Самые длинные колючки имеет *E. lloydii* Br. et R. и *E. wippermannii*, Э. ллойда и виппермана. Очень красив белоопушенный с желтыми «коготками» *E. albatrus* (Dietr.) Br. et R. (Э. альбатус) или «чернокоготный», *E. violaciflorus* (Quehl) Br. et R. (Э. виолацифлорус).

Цветы всех эхинофоссулокактусов небольшие, похожие на цветки мамиллярий, беловатые, беловато-розовые, фиолетовые или красноватые, собранные ближе к вершине. Изогнутые ребра на вершине или снизу, как, например, у *E. vaupelianus* (Werd) Tieg, Э. ваупелианус, появляются при хорошем выращивании уже на первом году, колючки же проглядывают в лучшем случае в начале второго года, а обычно на третьем. Растут эти кактусы медленно, не торопясь, большими никогда не бывают, детки дают редко. И поэтому десяток самых интересных видов вполне может украсить любую коллекцию, более того — без эхинофоссулокактусов коллекция «мексиканцев» была бы неполной.

Растения эти происходят из предгорий средней и северной части Мексики, и значит, они не относятся к кактусам, любящим резкие перепады температур, как растения из высокогорья или пустыни. Все они растут под прикрытием трав и кустов, полное солнце для них опасно, а земля нужна плодородная с кисловатой реакцией (№ 2), зимой нужна умеренная сухость и прохлада, но не холод, летом обильный полив и тепло. Все эти кактусы при соблюдении указанных условий хорошо растут на своих корнях, и более

капризен лишь уклоняющийся от типа, очевидно, в сторону эхинокактусов *E. coptonogonus* (Э. коптоногонус). Этому кактусу земля нужна с большим количеством дерновой, равно как *E. albatus* (Э. альбатус), который, будучи снятым с прививки, обычно плохо укореняется. Наверное, нет нужды собирать полную коллекцию всех эхинофоссулокактусов, ввиду их близкого сходства, вот почему автор приводит список видов, наиболее красивых и разнообразных по форме колючек,

1. <i>E. coptonogonus</i> (<i>Lem</i>) Lawr. ¹	KII
2. <i>E. multicosatus</i> (<i>Hildm</i>) Br. et R. ¹	»
3. <i>E. zacatecasensis</i> Br. et R. ¹	»
4. <i>E. lloydii</i> Br. et R.	»
5. <i>E. gladiatus</i> (<i>Lk. et O.</i>) Lawr.	»
6. <i>E. grandicornis</i> (<i>Lem</i>) Br. et R.	»
7. <i>E. vaupelianus</i> (<i>Werd</i>) Tieg.	»
8. <i>E. tricuspidatus</i> (<i>Scheidw.</i>) Br. et R.	»
9. <i>E. albatus</i> (<i>Dietr.</i>) Br. et R. ¹	»
10. <i>E. wippermannii</i> (<i>Muhlprdt</i>) Br. et R.	»

¹ Здесь и в дальнейшем так отмечены самые красивые виды из перечисленных.

3.

ЖЕМЧУЖИНЫ РОДА МАМИЛЛЯРИЯ

Часто после опунций, эхинопсисов и листоносных кактусов следующим шагом в собирании бывает появление в коллекциях мамиллярий — «сосочковых» кактусов, у которых ребра заменены бугорками и выступами самой разнообразной формы, Мамиллярии — небольшие и как будто неприхотливые растения. Но неприхотливость эта мнимая или действительная лишь для нескольких распространенных видов, что же касается всех остальных, то, повожившись с растениями несколько десятилетий, убеждаешься, как быстро способны мамиллярии стареть и стремительно вымирать,

едва лишь изменяются условия содержания или появится злостный упорный вредитель вроде корневой нематоды, червеца или нашествия трипсов, буквально съедающих корни растений. Большинство изодранных кактусоводов относится к мамилляриям скептически, а также и к «мамиллярщикам», то есть собирающим преимущественно представителей этого рода кактусов. Здесь, наверное, стоит рассказать, как я увидел самую большую по количеству видов коллекцию этих растений и какое впечатление она на меня произвела. Было это много лет назад в Москве, я шел, насколько помнится, по Новослободской и по привычке приглядывался к окнам, что делать — привычка уже неизживаемая, а окна здесь были запыленные, давно не мытые, может быть, так казалось, ибо стоял душный теплый конец сентября. И вот в одном таком окне за двойными пропыленными рамами я увидел многочисленные и толстые, тесно столпившиеся головки кактусов. Конечно же я остановился, стал глазеть, можно даже сказать, «нахально», так как прохожие на меня оборачивались, а в окне за силуэтами кактусов показалась мужская лысина, словно бы недоумевающая или разгневанная. Наверное, кактусисты бесцеремонный народ или таковы все вообще коллекционеры — ведь, бывало, врываются и ко мне какие-то мужчины, старцы, женщины раным-рано или, наоборот, поздним-поздно и, бормоча извинения, однако достаточно настойчиво, устремлялись к коллекции, начинали ее осматривать, ахать, вопрошать и само собой надо было быть готовым к жертвам, для чего я уже научился позднее иметь под рукой ряд предназначенных для даров сеянцев или деток, — так вот, уподобляя себя этим посетителям и будучи не менее грешным, я жестами и мимикой объяснил, что не прочь бы посмотреть на кактусы ближе, на что мужчина после некоторого раздумья так же жестами показал, что он согласен, а вход в квартиру со двора.

Это была типичная неудобная, заваленная хламом и заставленная шкафами квартира, в каких живут еще в центре старой Москвы вдовы, старухи, разного рода коренной, тутошний, знающий Москву житель-абориген, который нисколько не стесняется своих неудобств и словно бы любит их. А мужчина оказался разбитым

параличом больным стариком, который с трудом передвигался, говорил несколько затрудненно, однако смотрел с детским любопытством, и мы тотчас нашли общий язык, как всегда находят его на чем-то одном помешанные любители, а потом мужчина или старик, как угодно, принялся показывать свою коллекцию и впрямь великолепную, состоявшую в основном из мамиллярий.

Было их видов двести, и все крупные, каждой не менее десяти — пятнадцати лет — все ухоженные, налитые соком, блестящие здоровой кожей сосков или белизной и желтыми тонами, так и хочется сказать «оперения», ибо были тут мамиллярии словно бы покрытые мелкими белыми и желтыми перышками и совершенно птичьим пушком, и волосистые, как гнездо камышевки, и вытянутые в короткие мощные столбики, и плоские, формой похожие на развалистую репу, и мамиллярии круглые, как шар, покрытые седой изморозью и щетиной, и растения в голубовато-сизой дымке, — были, наконец, какие-то чудно прекрасные меловые столбики и столь же чудные плоские растения, как бы затянутые нежной звездчатой паутиной. Скажу откровенно — центр коллекции из нескольких десятков однообразных крупных мамиллярий с пирамидальными сосочками показался мне скучноватым, хотя и здесь были растения, обращающие на себя внимание своей ананасоподобной формой. И все-таки, слушая восторженные объяснения коллекционера, любуясь чистым, ухоженным собранием мамиллярий, я все время ловил себя на том, что мне чего-то недостает, а недоставало явно разнообразия более сильного, которое, наверное, необходимо, пока ты им не пресытился и не избрал из сотен дорог одну, зато свою и мало протоптанную тропу. Все это, очевидно, уже прошел и понял старик коллекционер мамиллярий. Выяснилось, что растения он содержит на даче, в парниках и не под стеклом, а под пленкой, что видов сорок самых лучших у него нынче украли, что на зиму мамиллярии отгораживаются от комнаты пленкой, что каждый вид внесен в соответствующую инвентарную книгу и т. д.

Старик оказался из тех настоящих фанатиков, у которых нет другого увлечения, кроме одного, и которые скрупулезно следуют всем мелочам (если есть мелочи в кактусоводстве) для того, чтобы

создать своим питомцам максимум удобств, удовлетворения, а может быть, и удовольствий. Я уже писал, что такие фанатики и педанты встречаются среди всех видов увлечений: это аквариумисты, птицеловы, энтомологи, цветоводы и мало ли какие еще есть любители живой и не только живой природы, которые не доспят, недоедят, отдадут последнюю копейку, чтобы заполучить желаемый объект (птицу, кактус, рыбку, водяное растение), и будут носиться с этим животным, растением, изготавливать ему вольеру, тепличку, аквариум-вивариум-террариум со всеми мыслимыми и немыслимыми благами, как-то: проточная вода, подогрев, подсветка, дождевое и туманное орошение, подкормка, продувка, живой корм, будут высчитаны и месяцы тепла, и месяцы прохлады, и время перелета (для птиц), и сроки икрометания (для рыб), и сроки цветения, и способы опыления... Должен сказать в завершение, что таким только и может быть настоящий любитель. У таких-то все и растет-цветет, благоухает, изумляет, размножается, процветает, поет-щебечет, переливается всеми красками. Они-то и приближаются в своих деяниях к богу-творцу и сами получают от творчества не меньшее наслаждение. «И увидел бог, что это хорошо... » В противоположном случае только и слышишь жалобы и недоумения, что вот, мол, кактусы сгнили, парша на них «какая-то» напала, птица не поет, рыбкидохнут, вода в аквариуме мутная и т. д. — слышали вы такие жалобы, а может, и сами жаловались. Себя должен винить всегда строгий и честный любитель и, виня себя, находить причину, исправлять, дополнять — совершенствоваться. Иного пути нет...

У старика «мамиллярщика» все растения были на собственных корнях. «Прививку не терплю... » — мимоходом объяснил он в ответ на мой вопрос, ибо даже прекрасная меловая Мамиллярия эррера (*Mamillaria herrerae*) росла у него величиной в поперечнике до десяти сантиметров и была именно такой, какой она и должна быть: плоская, с идеально развитыми нежными звездочками словно кружевных колючек.

— Не терплю я никаких прививок, — повторил старик, а подошедшая из соседней комнаты пожилая женщина, не помню, жена или сестра, пожаловалась мне, что он ее замучил — чего-чего

только не заставляет толочь в ступе и смешивать: и мел, и жженую кость, и камень, и скорлупу — все колдует над смесями для своих кактусов.

Я купил у старика несколько интересных красивых растений по вполне приемлемой цене: тут были вайнгартия, редкая белая пародия, пара ферокактусов — остаток прежней и, видимо, разнообразной коллекции.

— Не гонитесь-ка вы, молодой человек, за всем. За всем не уследишь. Все не познаешь. Выберите-ка себе отрасль, ну хоть мамиллярии, да соберите капитально, — пытался он обратить меня в свою веру. — Это ведь красота... Это ведь ценность...

Замечу, что, хотя я не встал в ряды «мамиллярщиков», — впоследствии принялся деятельно пополнять свою коллекцию мамилляриями и довел их число до ста видов...

А теперь пришла пора подробнее рассказать об этом огромном, едва ли не самом большом и до сих пор пополняемом вновь открытыми видами роде. К роду Мамиллярия (сосочковые растения) принадлежит около 400 видов, кроме того, к нему примыкают близкие роды, такие, как Корифанта, Долихотеле, Порфирия, Бартшелла, Мамиллопсис, Кохемия, Феллосперма (*Coryphantha*, *Dolichothele*, *Porfiria*, *Bartschella*, *Mamillopsis*, *Cochemia*, *Phellosperma*) и др., а ближайшими родственниками, если не древними прародителями, являются розеокактусы и ариокарпусы.

Описывать все богатство рода нет возможности, для этого нужны отдельная книга или многотомное издание, ибо все мамиллярии так или иначе отличаются условиями роста, почв, климата. Наиболее известные и «простые» виды вроде Мамиллярии Вильда (*M. wildii* Dietr.) или Мамиллярии пролифера (*M. prolifera* (Mill.) Haw.) равно могут быть красивыми в хороших условиях содержания, как и наиболее изнеженные, скажем, такие, как М. Гумбольдта. Распространены эти растения, никогда не достигающие слишком большой величины, от Техаса, Аризоны и Нью-Мексико через всю Мексику и Центральную Америку до Венесуэлы и Колумбии, то есть заходят и в Америку Южную, но далеко в ней не распространяются. Таковы *M. soehlemannii* из Колумбии, *M. simplex* и *M. hennisii* из Венесуэлы, *M. ruestii* из Гватемалы и

Гондураса. Есть мамиллярии на больших и малых Антильских островах и на островах Галапагос, где растет вид, близкий к *M. wildii*. Мамиллярии в значительной степени горные виды, особенно белоопушенные, но есть они и в долинах, на краях каньонов, на горных осыпях, как, к примеру, недавно открытые крупноцветковые растения. Многие из этих кактусов растут в полупустынных местностях, образуя сплошные дернины или своеобразные «горки».

Среди мамиллярий любители особо выделяют систематически относящуюся к разным родовым рядам группу белых мамиллярий, то есть имеющих белое, беловатое или желтоватое одеяние, колючки, шипы, пух. Белые мамиллярии действительно очень эффективны, среди них есть виды сравнительно неприхотливые, например, *M. боказана* (*M. bocasana* Pos), и виды весьма капризные, плохо развивающие корневую систему в неподходящей Земле..

К числу наиболее красивых видов относится *M. кандида* (*M. candida* Scheidw), белоснежный шар из красиво сплетенных колючек, *M. эррера* (*M. herrerae* Werd), уже описанная выше, похожая на нее, но растущая коротким столбиком *M. альбифлора* (*M. albiflora* (Ward) Backbg.), образующая белое опушение на вершине, *M. хионоцефала* (*M. chionocephala* J. A. Purp) и др. «Белых» мамиллярий сравнительно много, список их, разумеется, неполный, я поместил в конце главы. Перечислю же мамиллярии, чем-то особо отличающиеся. Такова, например, замечательная *M. плюмоза* (*M. plumosa* Web.), покрытая странными колючками в виде белых перьев. Эта мамиллярия, как и многие другие «белые», требует очень осторожной поливки, и некоторые любители всего лишь опрыскивают ее, а поливают раз-два в лето, при условии, что она растет на своих корнях. Детки у нее нужно снимать в январе — феврале, и лишь после длительного подсушивания, до месяца-двух, их укореняют. Детки, снятые летом, обычно не укореняются. На подвое эта мамиллярия растет хорошо, но образует рыхлое, даже непохожее на вид опушение, зато на своих корнях она выглядит удивительно красиво. Почти то же самое можно сказать о *M. пенниспинозе*, *M. бомбицине*, *M. Мёллера*. Их прихот-

ливость зависит от режима и подбора почвы. «Залитые» обычным поливом, они мгновенно загнивают и гибнут.

Очень красива белая с длинными колючками *М. геминиспина*, вариант нивеа или нобилис (*М. geminispina v. nivea Schum.*). Длинные белые шипы ее возвышаются над снежно-белыми радиальными колючками подобно странному сиянию. Замечательна и «седовласая» с длинными свисающими прядями *М. ханиана* (*М. hahniana Werd.*).

К группе белых мамиллярий примыкает или даже включается в нее группа мамиллярий с беловато-желтыми колючками и пушинками. Таковы мамиллярий шиiedeана, ауриланата, цефалофора, аурихамата, микрохелия, микрохелиопсис, принглей и многие другие. (*М. schiedeana Ehrenbg.*, *М. aureilanata Backbg.*, *М. cephalophora Quehl*, *М. aurihamata Böd*, *microhelia Werd*, *М. microheliopsis Werd*, *М. pringlei (Coult) Brand.*)

Помимо белых мамиллярий очень широко известны мамиллярии с пирамидальными или коническими сосочками, видом своим несколько напоминающие ананасные шишки. Наиболее известными здесь будут *М. магнимамма* и *М. центрицирра* (*М. magnimamma Haw.* и *М. centricirha Lem.*), число видов им подобных и напоминающих их настолько велико, что я не решаюсь его комментировать. Дело в том, что растения эти очень изменчивы, взаимно скрещиваются, образуют, как многие другие роды кактусов, цепи видов, как бы переходящих друг в друга. Все это затрудняет собирание и определение мамиллярий, а систематика их также довольно несовершенна и ныне подвергается справедливой критике. Правильнее было бы, на мой взгляд, выделить из множества сходных видов, так сказать, «надвид» или «грандвид», а остальные считать подвидами. Что же касается любительского собирания, то если кактусовод сознательно не желает углубляться в дебри и собирать весь род мамиллярий, — а это совершенно невозможно, — стоит выделить десятка четыре-пять хорошо различающихся растений и попытаться их собрать, такая коллекция будет и эффектной, и достаточно полной.

Уход за мамилляриями несложен, исключая группу особо прихотливых белых растений, о которых уже говорилось. Все они

любят влажное лето (кроме белых, которые увлажняются изредка, а больше любят опрыскивание или росу), легкое притенение (кроме белых, любящих полное солнце) и сухую прохладную зимовку от +5 до +15°. Белые мамиллярии (типа М. плюмоза или М. эррера, М. пенниспиноза) зимой не поливают совсем, а весной лишь обильно опрыскивают до начала устойчивого роста, полив дается затем изредка и только с поддона.

Земля для белых мамиллярий типа пустынной и горной № 3 и 4, для всех прочих типа саванной и пустынной № 2 и 3.

Примыкающие к мамилляриям корифанты более прихотливы, они происходят из засушливых горных и пустынных местностей, хотя некоторые растут и на равнинах. Стебли их имеют самую разную форму: от столбовидной до приземистой и плоской. В отличие от мамиллярий, которые, кроме крупноцветковых, цветут мелкими бледными желтоватыми или розовыми веночками вокруг вершины, корифанты цветут более крупными отдельными цветами, колючки их часто грубее, значительнее, весь облик более «грозный» по сравнению с женственными мамилляриями. Сходство заключается в том, что те и другие имеют не ребра, а бугорки-сосочки, те и другие являются миниатюрными растениями.

Корифанты и примыкающие к ним растения родов Неоллойдия, Необессея, Эскобария (*Neolloydia*, *Neobesseyia*, *Escobaria* — *Br. et R.*) содержат так же, как мамиллярии, подбирая им пустынную или горную почву № 3 и 4. Исключение составляют широкоизвестные корифанты *C. elephantidens* Lem., *C. bumamma* Ehrbg. *Br. et R.*, первую из которых, Корифанту элфантиденс, именуют меж любителями «слоновый зуб» за крупные колючки, напоминающие слоновые бивни. Эти две корифанты требуют земли более гумусовой — типа № 2 «С».

С Корифантой элфантиденс был у меня забавный случай. Раздобыл я это растение привитым сеянцем в Москве, причем хозяйка, «отдавая» мне его, посетовала, что корифанта никак не хочет расти, стоит уже год или больше (видимо, поэтому мне и согласились ее продать). Желание приобрести корифанту было, однако, очень велико, тем более я видел, как выглядят взрослые растения, а выглядят они замечательно. Купленная мной кори-

фанта простояла и у меня всю осень и зиму, не подавая признаков жизни. И лишь в начале лета следующего года, осматривая растение, я заметил тянущийся мимо подвой тонкий корешок. Он упорно стремился к земле, игнорируя подвой. Стало ясно, что привит кактус неудачно, либо не тот подвой, либо между растением и подвоем образовалась пробка огрубевших тканей, так оно и оказалось, когда я осторожно отсоединил корифанту и, «подсушив», дал возможность расти на собственных корнях. Растение словно «подпрыгнуло» — налилось, стало увеличиваться день ото дня, опровергая утверждения прежней хозяйки, что эта корифанта растет «только на подвоях».

Что касается других родов кактусов, примыкающих к мамилляриям, то они не отличаются по содержанию и либо содержатся как обычные зеленые мамиллярии, например, род Долихоте́ле (*Dolichothele Br. et R.*) с длинными сосочками, либо как белые мамиллярии,— род Край́нция (*Krainzia*) с двумя красивыми видами К. лонгифлора и К. гюльцовиана (*K. longiflora Br. et R.* и *K. guelzowiana (Werd) Backbg.*) Это крупноцветковые белоопушенные растения, которые любят не песчаную — парадокс! — а гумусово-глинистую землю типа земли саванн № 2, но зимой нуждаются в абсолютной сухости, иначе быстро загнивают и гибнут. Летом необходимо обильное опрыскивание и редкий полив снизу, с поддона. Все сказанное о крайнциях относится и к виду *Bartschella schutnannii (Hildm) Br. et R.* и к видам из рода *Mamillopsis*.

НАИБОЛЕЕ КРАСИВЫЕ И РАЗНООБРАЗНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДОВ МАМИЛЛЯРИЯ, КОРИФАНТА, КРАЙНЦИЯ, БАРТШЕЛЛА, НЕОБЕССЕЙЯ И ДР.

Род MAMILLARIA Haw., 1812

К

КРУПНОЦВЕТКОВЫЕ

1. *M. backebergiana* Buchenau.
2. *M. dodsonii* H. Bravo.
3. *M. goldii* Foster et Glass.
4. *M. saboae* Glass.
5. *M. theresae* Cutak.

II
II
II
II
II

БЕЛЫЕ

1. <i>M. albicans</i> Berg.	II
2. <i>M. albicoma</i> Böd.	III
3. <i>M. albiflora</i> (<i>Werd</i>) Backbg.	II
4. <i>M. albilanata</i> Backbg.	II
5. <i>M. bocasana</i> Pos.	IV
6. <i>M. bombycina</i> Quehl.	II
7. <i>M. brauneana</i> Böd.	III
8. <i>M. candida</i> Scheidw.	II
9. <i>M. chionocephala</i> J. A. Purp.	III
10. <i>M. columbiana</i> S D.	III
11. <i>M. geminispina</i> (<i>Pfeiff</i>) Backbg. v. <i>nobilis</i>	II
12. <i>M. graessneriana</i> Böd.	III
13. <i>M. hahniana</i> Werd.	III
14. <i>M. herrerae</i> Werd.	II
15. <i>M. humboldtii</i> Ehrenbg.	II
16. <i>M. klissingiana</i> Bög.	III
17. <i>M. kunthii</i> Ehrenbg.	III
18. <i>M. kunzeana</i> Böd.	III
19. <i>M. lanata</i> (<i>Br. et R.</i>) Orcutt	III
20. <i>M. lenta</i> Brand.	III
21. <i>M. longicoma</i> (<i>Br. et R.</i>) Berg.	III
22. <i>M. magallanii</i> Schmoll.	III
23. <i>M. mendeliana</i> (<i>H. Bravo</i>) Werd.	III
24. <i>M. möelleriana</i> Bod.	II
25. <i>M. parkinsonii</i> Ehrenberg.	II
26. <i>M. pennispinosa</i> Krainz.	II
27. <i>M. plumosa</i> Web.	II
28. <i>M. swarzii</i> Shurly.	III
29. <i>M. solisioides</i> Backbg.	II
30. <i>M. spinosissima</i> Lem.	III
31. <i>M. tolimensis</i> Craig.	III
32. <i>M. woodsii</i> Craig.	III

ЖЕЛТЫЕ

1. <i>M. aureilanata</i> Backbg.	IV
2. <i>M. elongata</i> D. C	V
3. <i>M. microhelia</i> Werd.	III
4. <i>M. nivosa</i> Lk.	III
5. <i>M. pringlei</i> (<i>Coult</i>) Brand.	IV
6. <i>M. schiedeana</i> Ehrenbg.	III
7. <i>M. zelsiana</i> Lem.	IV
8. <i>M. cephalophora</i> Quehl.	IV

ЗЕЛЕНЬЕ и др.

1. <i>M. applanata</i> Eng.	IV
2. <i>M. bella</i> Backbg.	IV
3. <i>M. blossfeldiana</i> Böd.	IV
4. <i>M. buchenauui</i> Backbg.	IV
5. <i>M. dixanthocentron</i> Backbg.	III
6. <i>M. flavicentra</i> Backbg.	IV
7. <i>M. graessneriana</i> Böd.	IV
8. <i>M. magnimamma</i> Haw.	IV
9. <i>M. nana</i> Backbg.	III
10. <i>M. viperina</i> J. A. Purp.	IV
11. <i>M. zeilmanniana</i> Böd.	IV
12. <i>M. wildii</i> Dietr.	V

Род CORYPHANTHA (*Eng*) Lem., 1968

1. <i>C. andreae</i> J. A. Purp et Böd.	III
2. <i>C. bumamma</i> (<i>Ehrenbg.</i>) Br. et R.	III
3. <i>C. bergeriana</i> Böd.	III
4. <i>C. georgii</i> Böd.	III
5. <i>C. cornifera</i> (<i>DC</i>) Lem.	III
6. <i>C. elephantidens</i> (<i>Lem</i>) Lem.	III
7. <i>C. erecta</i> (<i>Lem</i>) Lem.	III
8. <i>C. obscura</i> Böd.	III
9. <i>C. palmeri</i> Br. et R.	III
10. <i>C. radians</i> (<i>DC</i>) Br. et R.	III
11. <i>C. retusa</i> (<i>Pfeiff</i>) Br. et R.	III
12. <i>C. sulcolanata</i> (<i>Lem</i>) Lem.	III

Род MAMILLOPSIS (*Morr*) Web., 1923

1. <i>M. diguetii</i> (<i>Web</i>) Br. et R.	II
2. <i>M. senilis</i> Web.	II

Род BARTSCHELLA Br. et R., 1923

1. <i>B. schumannii</i> (<i>Hildm.</i>) Br. et R.	II

Род DOLICHOTHELE (*K. Sch.*) Br. et R., 1923

1. <i>D. baumii</i> (<i>Böd</i>) Werd.	III
2. <i>D. camptotricha</i> (<i>Dams</i>) Tieg.	IV
3. <i>D. longimamma</i> (<i>DC.</i>) Br. et R.	III
4. <i>D. surculosa</i> (<i>Böd</i>) F. Buxb.	IV

Род KRAINZIA Backbg., 1938

1. <i>K. guelzowiana</i> (<i>Werd</i>) Backbg.	II
2. <i>K. longiflora</i> (<i>Br. et R.</i>) Backbg.	II

Род PORFIRIA Böd., 1925.

1. *P. schwartzii* Böd III

Род NEOLLOYDIA Br. et R., 1922

1. *N. ceratites* Br. et R. III

2. *N. conoidea* (DC) Br. et R. III

3. *N. grandiflora* (O) Berg. III

Род NEOBESSEYA Br. et R., 1923

1. *N. asperispina* (Böd) Bod. III

2. *N. rosiflora* Lahm. III

3. *N. similis* (Eng) Br. et R. III

4. *N. wissmannii* (Hildm) Br. et R. III

Род ESCOBARIA Br. et R., 1923

1. *E. chihuahuensis* Br. et R. III

2. *E. sneedii* Br. et R. III

Род LEPIDOCORYPHANTHA Backbg.

1. *L. macromeris* (Eng) Backbg. III

2. *L. runyonii* (Br. et R) Backbg. III

4.

МОНОТИПЫ

Обычно к монотипам относят растения из числа самых редких, которые образуют не только самостоятельный вид, но выделяются и в самостоятельный род, что говорит, во-первых, о их древности, а следовательно, малом распространении, во-вторых, трудностях доставания и выращивания. Все это капризные растения, каждое со своим секретом и прихотями, ибо не будь этих прихотей, кактусы оказались бы широко распространенными. В Северной Америке встречаются следующие монотипные роды: Цефалocereус (*Cephalocereus Pfeiff.*), Ацтекиум (*Aztekium Böd.*), Обрегония (*Obregonia Frič*), Лейхтенбергия (*Leuchtenbergia Hock.*), Тоумея (*Toumeyia Br. et R.*), Неогомезия (*Neogomesia Castan.*), Ютаия (*Utahia Br. et R.*), Хомалоцефала (*Homalocephala Br. et R.*) и др. В свою очередь все эти единичные роды сравнительно близки с родами, в которых содержится по два, три, пять, десять видов и которые также явля-

ются растениями реликтовыми, то есть древними, сохранившимися как живые ископаемые лишь в местностях особенно глухих, с климатом, не менявшимся в течение тысячелетий. Такими «маленькими родами» будут Ариокарпус, Розеокактус, Пелецифора, Лофофора, Анцистрокактус и др.

Род Ариокарпус в настоящее время делится на два самостоятельных — собственно Ариокарпус (*Ariocarpus Scheidw.*) и Розеокактус (*Roseocactus Berg.*), отличающиеся по способам образования цветков. Территория, где встречаются представители этих родов, очень обширна, — это нагорья и полупустыни Техаса и весь северо-восток Мексики — обширные плато между складками Восточной Сьерры, пустынные степи и жаркие тропические области по берегу Мексиканского залива. Ариокарпусы — растения известные, американцы называют их «живые камни», и не случайно: кактусы эти, особенно розеокактусы, морщинистые, серого, серо-зеленого и серо-коричневого цвета, угловатые розетки скорее напоминают странные изделия из вулканического туфа, лавы, пемзы, гранита, имитируя камень, среди россыпей которого они растут. Многие кактусы, кроме того, прячутся в верхний слой постоянно сухой почвы, их заносит песком, и только острые твердые углы конических сосочков выдают, что здесь спряталось живое и ждущее своего часа растение, в котором неспешно совершаются процессы, не видные глазу, не слышные никому. В общем, и ариокарпус и розеокактус отлично приспособлены к жизни в полупустыне, засушливой степи или нагорье.

Ариокарпусы — растения темно-зеленого или зелено-серого цвета, более похожие на миниатюрные агавы, чем на кактус в обычном понимании этого слова, ребра у них заменены коническими или миндалевидными выступами, гладкими, как полированное дерево, или морщинистыми. Выступы эти не назовешь и сосочками, как, скажем, у мамиллярий. Между выступами-углами обильно растет белый пух, и сплошь покрыта им верхушка растения, где могут быть то желтые большие цветы, то бутоны или гладкие красные ягоды с ядовитыми свойствами. Таков ариокарпус, а их всего-навсего четыре вида, не слишком сильно отличающихся друг от друга.

Розеокактусы отличаются лишь тем, что цветут не из пазух между ребрами, а из основания бороздок, проходящих посередине их треугольных морщинистых и как бы мозолистых углов-выступов. Если ариокарпусы мало похожи на кактусы, то розеокактусы и подавно напоминают странные скульптуры из выветренного камня и растут точно так же, на глинистых и каменистых буграх, иногда одиночными растениями, но чаще скоплениями головок и розеток и своего рода сообществами. Все эти виды достаточно редки в природе, отыскиваются с трудом, в обжитых зонах хищнически сведены разного рода сборщиками, а также местным населением, которые изготовляют из сока этих растений клей, лекарства и, по-видимому, наркотические средства. Зато «кактусовые» фирмы США и других стран давно освоили производство семян этих растений, и они включаются в каталоги всех сколько-нибудь крупных компаний.

В настоящее время американские ботаники, специалисты по кактусам, считают, что роды Ариокарпус, Розеокактус и Неогomezия должны быть объединены, так как различия между растениями значительно меньше, чем объединяющие их сходства. Да и для всякого любителя, пытавшегося выращивать и содержать представителей перечисленных родов, это становится ясным вскоре же после посева семян, ибо сеянцы очень схожи.

Довольно большую коллекцию этих кактусов (видов 6 из 8 или 7) я впервые увидел у некоего столичного кактусовода, который, очевидно, принадлежал к людям, стремящимся во что бы то ни стало огорошить слушателя или посетителя. Что делать, есть такие, обязательно надо им кого-то чем-то поразить. И вот, видимо, руководствуясь этим правилом, кактусовод принялся обрабатывать меня, а мне ничего не оставалось делать, как разыгрывать хлопающего глазами провинциала. Разговор был примерно такой:

— Скажите, пожалуйста, давно вы занимаетесь кактусами? (В коллекции стояли, например, астрофитумы без мала пятнадцати-двадцати лет, такие же лейхтенбергии, ореocereусы, гимнокалициумы...)

— Да всего три с половиной года...

— Что вы говорите?! А этим сеянцам у вас сколько лет?

— Полтора месяца...

— Что вы говорите?! Удобряете, конечно?

— С включением радиоактивных элементов!

— Что вы говорите?! А этот кактус у вас откуда?

— Этот? Еще неделю назад рос в посольстве ФРГ...

Помимо ошарашивающих сведений кактусовод еще любил и категорические советы, выраженные так:

— Только прививать! Все-все...

— Только торф... Торф-торф...

— Мамиллярии не поливать... Ни капли! (Речь шла о белых мамилляриях.)

— Может быть, опрыскивать? — я робко.

— Ни в коем случае! Ни капли!

Продать хотя бы один «живой камень» этот любитель наотрез отказался. Но, насмотревшись на его ариокарпусы и розеокактусы, все привитые и хорошо растущие, я твердо решил завести эти растения сам, хотя, естественно, не мог ни привезти из посольства, ни «достать» каким-то другим способом. О, ужасное «доставание»! Каких душевных мук, каких прорех в бюджете ты подчас стоишь, скольких унижений и просьб!..

Так или иначе, случай помог мне достать мизерное количество семян ариокарпусов и розеокактусов. Не обладая еще изощренностью и умением, приходящими с годами, я посеял их и довольно скоро, дней через пять, обнаружил всходы. Это были драгоценные растения! Казалось чудом, что они все-таки взошли. Я не знал простой истины, что семена ариокарпусов, розеокактусов и подобных им растений сохраняют всхожесть очень долго, до 30 лет. Природа позаботилась о том, чтобы редкие растения могли длительно сохранять жизнь в форме семени, пока дождь, прихоть ветра или окружающей растительности не создадут вместе с теплом благоприятных условий для прорастания.

Семена ариокарпусов, безусловно, разносятся ветром, птицами или насекомыми типа муравьев, причем замечено, что кактусы редко всходят на абсолютно голом месте, солнце неминуемо испепелило бы там нежный сеянец, вот почему они «прячутся» в тени

камней, скал, колючих кустарников или хотя бы своих более крупных собратьев. Если бы знать это правило! Но, начитавшись книг о «безводных пустынях», представляя себе, что кактусам «из пустынь» солнца нужно как можно больше, я держал сеянцы на мартовском солнце и замечал, как они краснеют, буреют, — а затем началась гибель. Один за другим сеянцы погибли полностью.

Лишь через несколько лет я снова посеял такое же мизерное количество семян. На сей раз я был умнее, сеянцы взошли хорошо и уже образовали первые длинные сосочки странной четырехреберной формы с крестообразными белыми «колючками» на концах. Растеньица нисколько не походили на ариокарпусы, а скорее напоминали сеянцы длиннососочковых долихотеле. Кстати, сосочки были не только у ариокарпусов-розеокактусов, но и у сеянцев неогомезии, энцефалокарпуса, обрегоний и лейхтенбергий, что, во-первых, говорит о их безусловном родстве, во-вторых, о родстве с мамилляриями. Но вот загадка: если ариокарпусы древнее мамиллярий, как это кажется и как думаю и верю я в это сам, то почему на ранней стадии развития сеянец напоминает мамиллярию, а мамиллярия в свою очередь (имеются в виду сеянцы) не напоминает ариокарпус? Похоже, вывод напрашивается другой: ариокарпусы произошли от мамиллярий или от общих с ними предков. Трудно поверить в это, однако вопрос остается открытым.

Сеянцы развивались очень медленно. То ли они не желали расти в тех условиях, которые я им создал, то ли понятие «медленно» по-разному понимают человек и природа. Ознакомившись с растениями пустынь, — а там растут и не только кактусы, — я пришел к выводу, что в пустынях могут нормально развиваться либо стремительно растущие представители растительного царства, либо развивающиеся крайне медленно. Недаром именно в пустынях живут и антилопы, и черепахи. Растения-эфемеры успевают за короткий период дождей выгнать метровый рост, отцвести и рассеять семена, засохнуть либо затаить жизнь в луковичном корне. Растения типа ариокарпусов тратят время не столько на рост, сколько на сопротивление зною, сухости и ветрам, подготавливая главное — цветение и плодоношение. После коротких нерегулярных дождей весной (иногда дожди бывают и довольно сильными) воспрянувшие к жиз-

ни растения набирают бутоны, выпускают от главного глубокого и совсем не похожего на репу, хоть он и называется «реповидным», корня (скорее он похож на петрушку) сосущие корешки, и кактус короткое время вегетирует — цветет, растет, дает жизнь плодам и семенам. Иногда он создает лишь бутоны и замирает от безводья и сухости, дожидаясь нового благоприятного «толчка» теплом и влагой к осени. Вот почему в коллекциях ариокарпусы и розеоактусы, набрав цвет в июне и даже в мае, могут зацвести только в сентябре. Возможно, что в природе в условиях Мексики они цветут и летом, и осенью. Завязав плоды, кактус снова погружается в период тихой скрытой жизни, он экономит воду, защищается от сухости, «отдыхает» и потихоньку готовится к будущему новому цветению, которое возможно лишь через много месяцев после зимней «спячки».

Попытки ускорить рост сеянцев дают малые результаты. Разумеется, создав наилучшие условия: световой режим, легкое удобрение, жару днем, прохладу ночью — их можно слегка «подогнать», но единственным «подгоном», по-настоящему ощутимым, может быть лишь прививка. Можно даже сказать с точностью, что без прививки, имея западные окна, рассчитывать на выращивание ариокарпусов почти невозможно. Кактус упорно не желает расти, стоит, темнеет и гибнет. Иное дело — окна восточные или теплица. Здесь ариокарпусы растут при соблюдении строжайших правил ухода. Земля должна быть глинисто-дерновой (типа пустынной или горной) или даже с примесью до $\frac{1}{4}$ торфа, поливка редкая и только снизу с перерывом летом на месяц-полтора. Зимовка сухая. В течение двух первых лет растения держат в тепличке под лампами. Солнечный свет дается в начале лета рассеянным с помощью решетчатого притенения, а далее, когда сеянцы привыкнут, их приучают к полному солнечному свету в течение трех-четырех часов в день. Лучше, если это утреннее, а не послеполуденное солнце. Думается, что для всех без исключения редких кактусов горшок или плошка должны быть «снаряжены» так: слой хорошего дренажа из кусочков битого кирпича, слой смеси дерновой, листовой пропаренной земли с третью песка (питательная часть для сосущих корней), слой обычной пропаренной смеси, слой

крупного песка или мелкого гравия вокруг корневой шейки. Кактусы должны быть раз и навсегда строго ориентированы по сторонам света, и эта ориентировка не должна нарушаться. Следует строго соблюдать и двойной период покоя: теплый в середине лета, прохладный и абсолютно сухой с ноября по март.

Отличия видовые у ариокарпусов и розеокактусов не слишком значительны. Лишь четыре-пять видов их различаются хорошо, остальные спорны и очень сходны. Ариокарпус тригонус (*A. trigonus* (Web.) K. Sch.) имеет острые трехгранные удлинённые и как бы «когтистые» углы-бугорки, голые и гладкие темно-зеленого цвета или серо-зеленые. Цветы бледно-желтые, довольно крупные и раскрывающиеся вокруг макушки, как у мамиллярий. *A. ретузус* (*A. retusus* Scheidw.) имеет бугорки серо-зеленые или темно-зеленые, снизу выпуклые и также треугольной формы, но уже неровные, с морщинками. Цветы меньше в диаметре и светло-розового цвета, *A. фурфурацеус* (*A. furfuraceus* (Wats) Thomps.) светло-серый, широкий, с бугорками, направленными не вверх, а вниз, и с бело-розовыми цветами. *A. скафарострус* (*A. scapharostrus* Böd) имеет удлинённые и похожие на нос челнока темные и гладкие бугорки, а цветы фиолетово-розовые с черными тычинками. Считается наиболее редким из ариокарпусов.

Розеокактусы имеют более тупые, морщинистые и еще более твердые выступы-бугорки, в целом повторяющие форму ариокарпусов, каждый бугорок, кроме того, имеет шерстистую бороздку, из основания которой ближе к вершине возникают сходные с ариокарпусами розовые, красные или беловатые цветы. *Р. фиссуратус* (*Roseocactus fissuratus* (Eng.) Berg.) имеет стебель до пятнадцати сантиметров шириной характерной кучевидной формы, бугорки морщинистые, серо-зеленые, цветы розово-красные. Иногда этот кактус кустится.

Розеокактус Ллойда (*R. lloydii* (Rose) Berg.) — полушаровидное растение величиною, как предыдущий вид, бугорки без опушения, зелено-серые, расширенной треугольной формы, морщинистые, с характерной бороздкой. Розовые или иногда лиловатые цветы.

Розеокактус Кочубея (*R. kotschoubeyanus* (Lem) Berg.) назван

по имени князя Кочубея, инициатора поисков кактусов в Мексике, куда он направлял барона Карвинского, открывшего целый ряд видов редких кактусов и в том числе уже упоминавшийся Астрофитум астриас.

Это самый маленький из розеокактусов, он темно-зеленого цвета, плоский, приплюснутый с вершины, с красновато-белыми цветками, часто превышающими размер самого кактуса. Кочубеянус — один из самых красивых розеокактусов, имеющий разновидности с белым цветком и с цилиндрической формой.

Примыкающие к роду Ариокарпус-Розеокактус растения: Лейхтенбергия (*Leuchtenbergia principis Hookft.*), Обрегония (*Obregonia denegrii Frič*), Неогомезия (*Neogomesia agavioides Castan*) и Энцефалокарпус (*Encephalocarpus Berg.*) представляют собой близкие виды, которые не менее требовательны, капризны и прихотливы. Сходство наиболее заметно, когда вы видите маленькие сеянцы этих растений; все они имеют вытянутые тонкие сосочки с крестообразными беловатыми щетинками, которые с возрастом опадают. Наиболее близок к роду Ариокарпус монотипный вид Неогомезия агавиоидес (*N. agavioides Castan. T.*) (агавовидная). Это растение американские систематики прямо включают в число ариокарпусов, однако сходство в «детском возрасте» с течением времени исчезает, и неогомезия превращается годам к пяти в миниатюрное, действительно слегка напоминающее мексиканскую агаву растение, тем более что агавы в Мексике растут разные и среди гигантских видов, тех, что мы знаем, сизо-зеленых растений с полосатыми или зазубренными листьями, встречаются и виды очень изящные и небольшие. Все сказанное о воспитании ариокарпусов относится и к неогомезии, которая лишь недавно стала появляться в наших коллекциях. Добавлю, что неогомезия происходит из мексиканского штата Тамаулипас и растет в горных районах среди травы и кустарников.

Лейхтенбергия — кактус еще более странного вида, чем неогомезия, и также скорее напоминает какое-то растение, не принадлежащее к кактусовым. Длинные трехгранные сосочки, на концах снабженные слабыми колючками-щетинками, довольно высокий рост, до 70 см, сине-зеленая окраска, своеобразные желтые цветы

как будто резко отличают ее и от ариокарпусов. Но достаточно сравнить сеянцы, и сомнения отпадают, ибо растеньица имеют сходство, пожалуй, неоспоримое. По сравнению с описанными выше растениями лейхтенбергия распространена гораздо шире по всей Средней и Северо-Восточной Мексике, растет более «крепко», устойчивей без прививки, однако режим ее содержания все-таки тот же самый, и у неопытного любителя лейхтенбергия также быстро гибнет. Растет значительно быстрее, чем розеоактусы, но, конечно, не имеет того очарования, какое может внушить морщинисто-зелено-серая, покрытая белым пухом, кажущаяся роговой или каменной розетка розеоактуса (пусть читатель простит мне двойное повторение). Кстати, розеоактусы названы так не за свою форму и тем более не за цветы, а в честь ботаника-систематика Роуза, хотя название как-то отлично перекликается с их внешним видом.

Обрегония денегри (*Obregonia denegrii* Frič.) — следующий кактус, примыкающий к «живым камням». Даже и форма его, сплюснутая, напоминающая отчасти кедровую шишку темно-зеленого или лучше сказать серо-темно-зеленого цвета, похожа на розеоактусы. Была открыта неутомимым собирателем редкостей Фричем и снова в том же штате Тамаулипас, где она встречается растущей в предгорьях и более затененных растительностью местах, чем ариокарпусы. Первые сеянцы обрегоний, которые мне доводилось выращивать, имели сосочки с крестообразными беловатыми щетинками и росли лучше и скорее, чем розеоактусы. Из четырех семян, которые у меня были, я получил четыре сеянца, темноватых, зеленых и очень здоровых. Сеянцы погибли от летнего солнца, которое я предоставил им по неопытности и отчасти по глупым и противоречивым рекомендациям «знатоков».

Вообще рекомендация «полное солнце» часто приводит меня в замешательство. Полное солнце в условиях нашего северного лета с семнадцатичасовым (!) знойным днем по потоку излучаемой радиации (парадокс!) гораздо активнее, чем летнее солнце Мексики. Кроме того, незакаленные «зимние» сеянцы в сотни раз чувствительнее к нему, чем сеянцы, взошедшие под этим же солнцем. Итак, опыт выращивания обрегоний и почти всех сеянцев редких кактусов говорит, что без притенения нельзя

вырастить здоровые корнесобственные растения. Привитые обрета-вши растут очень хорошо и цветут уже на третьем году, достигая размера среднего яблока. Цветы их белые, открывающиеся на вер-шине, подобно еще одному звену этой сложной цепочки, которой является Стромбокактус дискиформис (*Strombocactus disciformis* (D. C.) Br. et R.).

Это маленькое миниатюрное растение, также напоминающее сплюсненную шишку зеленого цвета. В верхней части оно опушено белым пухом и снабжено странными иглоподобными белыми же щетинками. Вырастить его нелегко, так как семена стромбокактуса даже не могут быть названы семенами — это какая-то микроскопи-ческая коричневая пыль-пыльца. И все-таки при терпении и ста-рании из посеянных пылинок появляются крошечные шарики-рас-теньица, идущие в рост довольно скудно. Кто выращивал пародии, блоссфельдии, мелкосеменные гимнокалициумы, может справиться и с этой нелегкой задачей. Сеять стромбокактусы нужно в отдель-ную, тонко измельченную землю, а добившись всходов, тщательно (с лупой) следить, не появится ли черная плесень или зеленый налет водорослей — главный враг мелких ничтожных сеянцев. Под-росшие и выпестованные до величины горошины, сеянцы далее прививаются или воспитываются на собственных корнях, что, ко-нечно, требует большого времени и ухода. Режим, сходный с ре-жимом для обрегоний и ариокарпусов.

И последним активно связанным с «живыми камнями» звеном будет оригинальнейший и один из самых трудных, на мой взгляд, по выращиванию кактус, также единственный в своем роде: Энце-фалокарпус стробилиформис (*Encephalocarpus strobiliformis* (Werd.) Berg.). Он может соперничать с маленьким стромбокактусом и чешуями напоминает круглую шишку, хотя отнюдь не еловую, как об этом пишут, а скорее какую-то словно отлитую из потемнелого серебра. Вершина энцефалокарпуса покрыта белым пухом, в ко-тором прячутся мелкие плоды, образующиеся из фиолетово-крас-ных цветов. Растет очень медленно, так же как ариокарпус, и в свою очередь представляет собой, очевидно, связующее звено между этими растениями и родом Пелецифора. Энцефалокарпус растет в горах, на скалистых склонах в штате Тамаулипас и более

солнцелюбив и защищен от солнца, чем стромбокактус или обрегония.

Содержится точно так же, как розеокактусы, и лучше растет привитым сеянцем.

Род Энцефалокарпус, по-видимому, связан и с родом Гимнокактус (*Gymnocactus*).

Растения из этих родов широко известны любителям, особенно Пелецифора азелиформис со своеобразными колючками, похожими на мокричек, и Пелецифора псевдопектината с гребневидными колючками (*P. aselliformis Ehrenberg.*, *P. pseudopectinata Backbg.*). Обычно их размножают детками на признаках, тем более что деток они дают множество, как и подобный им белый кактус Солизия пектината (*Solisia pectinata Br. et R.*). Что же касается Гимнокактуса вальдецианус, который ранее относился ботаниками к пелецифорам, то это белое с ромбической формы «чешуйками» растение было в давние времена всучено автору на рынке московскими кактусистами-дельцами как энцефалокарпус! Правда, когда я покупал растение, тень сомнения присутствовала при сем, но как сомневаться, если тебя уверяют с обворожительными улыбками и чуть ли не хором!

Второй группой монотипных и маленьких родов будут растения, так или иначе связанные родством, — это Телокактус и Турбиникарпус (*Thelocactus, Turbinicarpus*).

Телокактусы — растения, которые лишь сегодня входят в моду у собирателей, по крайней мере в СССР. Виды, с одной стороны, родственны мамилляриям и корифантам, с другой — смыкаются с родами уже названными. Как правило, телокактусы — некрупные растения, имеющие ребра, разделенные на бугорки и сосочки; ареолы большинства телокактусов снабжены сильными шипами и колючками, ибо растения происходят из пустынных районов Канзаса, Техаса, Нью-Мексико и северных частей собственно Мексики. Это типичные растения пустыни, плоские и шаровидные, либо удлиненной короткостолбовидной формы. Многие имеют пестрые и цветные колючки, как у эхинокактусов или даже ферокактусов, и разительно отличаются вид от вида, как, например, Т. флавидиспинус и

Т. гекседрофорус (*T. flavidispinus* Backbg. и *T. hexaedrophorus*), — первый напоминает мамиллярию, второй похож на гимнокалициум или корифанту. Разумеется, есть и родственные, сходные по цвету стебля и форме колючек виды. Телокактусы считаются «легкими» в культуре, с чем никак нельзя согласиться, ибо даже наиболее известный из них *T. bicolor*, имеющий разновидность с трехцветными колючками, капризен, легко теряет корни, с трудом укореняется. Как типично пустынные растения, телокактусы требуют строгого соблюдения двойного режима отдыха, подсвечивания зимой и песчано-глинистой, однако достаточно плодородной земли.

Близок к телокактусам другой, пожалуй, гораздо более распространенный в коллекциях род Турбиникарпус. Род этот создан систематиками сравнительно недавно, в нем объединяются растения из восточных и центральных штатов Мексики, таких, как Тамаулипас, Сан-Луис-Потоси, Идальго и Керетаро. Еще десятилетие назад турбиникарпусы были модной новинкой, за ними гонялись, как за большой редкостью, чего не скажешь о нынешнем времени, когда большинство видов стали довольно обычными в коллекциях любителей. Все без исключения турбиникарпусы — небольшие темно-зеленые или серо-зеленые растения, хорошо отличимые уже в стадии сеянца, они образуют овальную или палицеобразную форму с мелкими розетками белых колючек, которые позднее исчезают и начинают заменяться своеобразными шипами и щетинками, а тело турбиникарпуса покрывается ромбическими «черепичками». Эти черепички придают растениям сходство с какими-то маленькими динозаврами или инопланетянами.

На первый взгляд культура турбиникарпусов не тяжела: всходят они из семян прекрасно, даже радуешься, считая: «Ого, сколько высыпало! Стопроцентная всхожесть!» И растут сеянцы на питательной среде очень быстро, обгоняя другие растения, так что можно подумать, что турбиникарпусы будут крупными кактусами. За год, тем более — два можно получить уже вполне взрослые с виду растения, особенно у видов *T. лофофороидес* и *T. поласки* (*T. lophophoroides* (Werd) Buxb. et Backbg. и *T. polaskii* Backbg.). Но удивительно легко они поддаются и заболеваниям, особенно грибковым — таким, как гниль шейки, а также чувствительны к

почве, и едва изменится почвенная реакция (это постоянно случается от полива известковой водопроводной водой), кактусы останавливают рост и могут в таком полуживом состоянии находиться годами. Точно так же реагируют и описанные выше телокактусы. Все турбиникарпусы легко подгорают на солнце. Это растения тенелюбивые, растущие на защищенных от прямого солнца местах.

В настоящее время описано уже десять видов этого рода, первый вид которого был открыт Бедкером в двадцатые годы нынешнего века. Наиболее различаются четыре-пять видов, другие же более похожи на подвиды, чем на виды самостоятельные. Кроме того, при культивировании турбиникарпусы стали гибридизировать, и здесь уже возникла путаница невообразимая и отвратительная, так что в посеве иной раз всходит совершенно непонятное растение, не обладающее признаками ни того, ни другого вида. Вот почему хотелось бы заметить, что гибридизация близких видов в кактусоводстве недопустима, ибо влечет за собой полное обесценивание растений. Хорошо было бы также иметь единый отлично иллюстрированный цветными фото лексикон стандартов, где были бы представлены типичные виды всех кактусов. Но такая работа по плечу лишь коллективу энтузиастов, на базе многих обширнейших собраний кактусов. Видимо, эта работа — дело будущего.

Наиболее распространены в коллекциях следующие виды турбиникарпусов:

Т. лофофороидес (*T. lophophoroides* (Werd) F. Buxb.) — круглый, шишкообразный, с ограниченными панцирными сосочками, обильным белым пухом на темени (пух лучше развивается у привитых растений), постоянно цветущий в течение всего лета одно-двухдневными чередующимися один за другим цветками. Иногда цветков бывает на его вершине по два и по три. Сравнительно недавно открытый, но уже широко распространенный Т. поласки имеет более широкие черепички с колючками, которых нет у лофофороидеса. Растение маленькое, шаровидное на подвоях и вытянутое, когда развивается на собственных корнях. Цветет также удивительно обильно.

Т. шмидиккеанус (*T. schmiedickeanus* (Bod) F. Buxb. et Backbg.) — первый из открытых турбиникарпусов — распространен

в коллекциях реже и напоминает отчасти сосновую шишку с выступающими плоскоромбическими сосочками, каждый из которых оканчивается несколькими плоскими, своеобразно изогнутыми ключками-рожками. И еще более похож на шишку или странный какой-то плод, закованный в панцирь серо-зеленого цвета, не частый в культуре *T. макрохеле* (*T. macrochele* (Werd.) F. Buxb. et Backbg.). Другие турбиникарпусы, кроме *T. псевдомакрохеле*, напоминают описанные. Так, *T. клинкерианус* (*T. klinkerianus* Backbg. et Jakobs.) похож на *T. шмидеккеанус*, а *T. шварци* и *T. розеифлорус* (*T. schwarzii* (Shurly) Backbg. и *T. roseiflorus* Backbg.) похожи на *T. лофофороидес*. Недавно описанный десятый вид турбиникарпуса *T. спацелатум* (*T. spacelatum*) автору неизвестен.

Главное в содержании этих маленьких темных и своеобразных растений — обезопасить их от поражения грибками и создать правильный режим с двумя периодами покоя. Земля должна быть умеренно плодородная, проницаемая, типа горной, зима — сухая и не слишком холодная. К турбиникарпусам ныне примыкает целый ряд близких родов. Таким монотипным родом будет род *Тоумей* с единственным видом *Тоумей папираканта* (*Toumeya papyracantha* (Eng.) Br. et R.) — растение, похожее на турбиникарпус и одно время причислявшееся к этому роду. *Тоумей*, темно-зеленый небольшой кактус со своеобразными плоскими шипами и опушением наверху, очевидно, обладает каким-то неразгаданным любителями секретом, ибо упорно отказывается расти на собственных корнях, хотя на прививке растет замечательно и достигает приличного размера, и, кроме того, дает множество легко прививаемых (но неукореняющихся) деток. По крайней мере все мои попытки вырастить это строптивное растение (так и хочется сказать «существо») закончились неудачей. В лучшем случае *тоумей* на своих корнях стояла, существовала, но не росла. Возможно, ей требуется какой-то специальный подбор почвы.

Почти то же самое можно сказать о маленьких кактусах из рода *Навахоя* (*Navajoa fickeisenii* Backbg. и *Navajoa peeblesiana* Croiz.). На собственных корнях эти кактусы, похожие и на турбиникарпус, и на *тоумей*, и открытые недавно, растут весьма трудно,

хотя все-таки растут, на прививке же удаются при удачном подборе подвоя.

Род Лофофора (*Lophophora*) очень широко известен среди кактусоводов. Пожалуй, нет сколько-нибудь крупной коллекции, где не было бы представителей его и чаще всего Лофофоры Вильямса (*L. williamsii* (Lem. ex SD) Coult.) — невысокого круглого серо-зеленого растения без колючек. Лофофоры имеют богатую историю, которую излагают все руководства по кактусам, вот почему автор не хотел бы ее «переизлагать», сосредоточив внимание на культуре этого растения.

Сами по себе лофофоры ничего особенно красивого не представляют, они даже уродливы, на чей-то взгляд, но их своеобразие, странный медленный рост, неторопливое цветение, способность куститься и образовывать детки или даже скопления мелких головок вокруг маточного растения привлекают всех любителей. Лофофора — растение выносливое, хорошо растущее в суглинистой с песком почве, где оно образует массивный корень. Летом хорошо реагирует на поливку, зимой содержится сухо и холодно. В моей коллекции лофофоры однажды перенесли температуру в —7 градусов, промерзли насквозь и полностью сохранили жизнеспособность после медленного оттаивания. Лофофора растет на юге США и в Мексике, в самых засушливых, суровых климатом степях, равно вынося и зной, и холод. Однако в коллекциях на западных окнах всегда подгорает и требует притенения. Разновидности ее мало отличаются от типа.

Еще одним весьма интересным кактусом, недавно подававшимся во всех руководствах как «редкость из редкостей», является Ацтекиум Риттера (*Aztecium ritterii* (Böd), Это маленькое морщинистое растение, туловищем напоминающее какую-то «ватрушку» и уж никак не «скульптуры ацтеков», как пышно его рекламируют. Цвет растения колеблется от зеленого до фиолетового, цветы мелкие, как у лофофоры, семена — подобие пыльцы. По свидетельствам очевидцев, ацтекиумы растут в горных районах Южной Мексики и, следовательно, принадлежат к растениям «теплым», не требующим холодной зимовки. На собственных корнях ацтекиум не выращивают, а привитый, он образует множество отростков, которые,

будучи снятыми с растения и привитыми снова, мало сохраняют естественную морщинистую форму. Дольше сохраняют ее привитые сеянцы, однако здесь многое зависит и от самого подвоя. Главное в выращивании всех мексиканских монотипов — внимание к их особенностям, предупреждение от поражения вредителями, правильный подбор почв и соблюдение режима роста. Кактусы эти ни в коем случае нельзя стремиться «выгонять», стимулировать рост во что бы то ни стало. Стимулирование роста дает временные выгоды, а затем оборачивается гибелью растений. Все, кто желает возиться с редкими «мексиканцами» поменьше, должны их прививать на устойчивые подвои типа Эриоцереус, гибридные эхинопсисы, хилоцереусы или селеницереусы.

Многие опытные любители, не желая слишком тратиться на покупку редких кактусов, поступают именно так. Они срезают и прививают верхнюю часть купленного кактуса на новый подвой, «пенек» же на старом подвое становится поставщиком деток для новых прививок, и, таким образом, с течением времени аккуратный и хорошо владеющий опытом прививок коллекционер не только расширяет свое собрание кактусов, но и получает растения для обмена и возмещения истраченных денег. Такой коллекционер должен прежде всего позаботиться о создании фонда подвоев, как устойчивых, «постоянных», хотя опыт показывает, что все подвои со временем разрушаются, так и временных, для «подгона» сеянцев и деток. Обычно наиболее массовыми подвоями являются эхинопсисы, хотя опытные кактусоводы выращивают для этой цели целые ящики эриоцереусов, трихоцереусов, селеницереусов, пейреский, пейрескиопсисов и других кактусов с мощной устойчивой корневой системой.

5.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ЦЕРЕУСЫ

В самом начале своего собирательства я (и только ли я?) считал, что верхом совершенства в коллекции могут быть столбовидные кактусы, которые называл тогда несколько допотопно и неверно;

«цереусы». Первый цереус, который оказалось возможным купить, белоопушенный столбик сантиметров тридцать высотой и 3—4 в поперечнике, я увидел в магазине на Арбате, и он поразил меня не только красотой, но и ценой, ибо стоил рублей сорок. Там же, в окнах, стояли гигантские, метра по два длиною зеленые цереусы и цереусы монстрозные, причудливое нагромождение растущего зеленого вещества, считавшиеся тогда за чудо-редкость. По крайней мере о монстрозных перуанских цереусах так писалось в наших журналах. Как бы там ни было, постепенно коллекция моя обогащалась столбовидными кактусами, а я научился их правильно называть и говорил теперь, уже тщательно поправляя сам себя, только — цереус. Собрав их видов тридцать пять — сорок, я убедился, что при всей разности в опушении, «околюченности» или, наоборот, «голости» стебля они все-таки более однообразны, чем кактусы низкие, шаровидные или овальносплюснутые, с которыми я все более дружил, не забывая, конечно, и остальных.

Итак, цереусы — группа растений, без которых не может быть интересным и, главное, разнообразным любое сколько-нибудь крупное собрание кактусов. Но так как в строгом систематическом понимании к подсемейству цереусовых относятся почти все и шаровидные и короткостолбчатые кактусы, то здесь я искусственно выделяю лишь те роды и виды, которые обладают высоко-столбчатой формой. Виды эти очень многочисленны в Северной Америке, а еще более в Америке Южной, систематика их до сих пор не слишком совершенна. Они растут от умеренно теплых зон Севера США, достигают величайшего разнообразия на экваторе, в горах Перу, Эквадора и Боливии, спускаются далее в южный умеренный пояс и здесь идут до холодных равнин Патагонии. О южноамериканских и преимущественно горных видах будет сказано особо — в этом же разделе хочется сказать о цереусах преимущественно североамериканских, горных, пустынных и лесных, тех, которые чаще всего и попадают в коллекции любителей. Условно цереусы эти можно разделить на опушенные, густо одетые щетинами, примыкающие к ним, но опушенные лишь в верхней части, где они образуют своеобразные шерстистые разрастания — цефалии, цереусы с относительно голым зеленым, зеленовато-серым

или голубым стеблем, усаженным колючками лишь на ареолах, и, наконец, сюда же будут относиться вьющиеся, лианоподобные, свисающие и ползучие цереусы из горных лесов, где они растут на скалах и деревьях. Таково условное разделение на четыре группы родов.

Пожалуй, самым известным представителем густо опушенных белой шерстью и щетинами цереусов будет знаменитый Цефалocereус сенилис (*Cephalocereus senilis* (Haw) Pfeiff.), или «старик», «старичок», как обычно называют его любители. В природе это громадный кактус, до 15 метров высотой, растущий многие столетия, покрытый длинными седыми щетинами и верхушкой напоминающий голову фантастического существа, словно бы старого волшебника из немецких сказок. Смотришь на макушку кактуса, на седые свисающие с нее пряди, и грезится: вот-вот проглянет под ними лукавое лицо, — так необычен этот кактус.

Первого «старика» я привез из Прибалтики, следом купил еще одного в Москве, но кактусы эти были на прививках, из теплиц и росли очень плохо и медленно. Снятые с подвоев, «старики» вовсе не захотели укореняться. Помимо всего прочего я усвоил целую серию советов, что держать их надо чуть ли не без земли, в смеси из кирпича и гравия, почти без полива, одним словом, советы лишь помогли мне довести растения почти до гибели. В дальнейшем, раздобыв семена цефалocereуса, я принялся за выращивание сеянцев и здесь как нельзя лучше узнал, что нужно требовательному и капризному «старикуну». Сеянцы этого кактуса, сразу же очень крупные и сразу же опушенные белыми щетинами, растут очень хорошо и мощно на плодородной смеси из половины листово-торфяной и половины дерновой глинистой земли. Хорошо реагируют сеянцы на удобрение и боятся лишь грибкового поражения шейки, избежать которого можно лишь тщательным пропариванием земли, дезинфекцией семян и постоянным контролем с немедленным изъятием заболевшего растеньица вместе с комом земли. Вопреки утверждениям, что «старичок» растет очень медленно, могу утверждать, что при правильном режиме в микротепличке под лампами Цефалocereус сенилис за два года достигает почти пятнадцати сантиметров высоты при поперечнике в четыре сантиметра. Кактус очень

любит тепло, свет и солнце, зимой же с конца ноября по март не нуждается в поливке и довольствуется лишь опрыскиванием в теплую погоду мягкой дождевой водой. Летнее увлажнение умеренное с просыханием земляного кома; надо помнить, что длинноволосые «старрики» умеют извлекать влагу из воздуха, если они стоят в тепличке или на даче, однако отнюдь не в сухом, пересушенном воздухе городской квартиры. В таком воздухе волоски теряют свое влагоулавливающее свойство, загрязняются, сереют и отмирают.

Также внимательно надо следить за тем, не появится ли межщитинками белый червец. Червцы мгновенно останавливают рост кактуса, уродуют его и могут быстро погубить, если кактусовод по лени или незнанию не примет чрезвычайные меры к устранению вредителя. На осмотр растений никогда не надо жалеть времени, и осмотр не поверхностный, а тщательный, с лупой в руке. Надо помнить, что лучше сразу обнаружить вредителей, чем допустить их размножение, и тогда начать с ними бороться.

Густо белоопушенных цереусов в Мексике немного, гораздо больше их в Южной Америке, где встречаются виды удивительно красивые: Триксантоцереусы, Аустроцефалоцереусы, Эспостоа, многие Клейстокактусы и др.

Зато цереусов, образующих колючие колонны, столбы, разветвленные «деревья», часто покрытые на вершинах шерстистыми «шапками» цефалиев, в США, Мексике и Центральной Америке очень много. Такими будут пилосоцереусы (*Pilosocereus*) — древовидные кактусы четырех-пятиметровой высоты, образующие часто уже при метровом росте утолщение — цефалий. Это кактусы с мощным ростом, требовательные к почве и к теплу. Большинство из них растет в тропическом поясе от Южной, Восточной Мексики (штат Тамаулипас) до Бразилии и Венесуэлы, а также на Антильских островах. Зимовка для пилосоцереусов должна быть теплой, а земля питательной.

Очень интересны ныне вошедшие в культуру маршаллоцереусы, карнегии и другие кактусы с длинными шипами, сохраняющимися по крайней мере в стадии молодого растения. Это кактусы-гиганты многометровой высоты, особенно карнегия, но растут они в наших

коллекциях не слишком быстро и довольно капризны, во всяком случае, капризнее описанного выше «старичка». Почва им нужна менее гумусовая, типично пустынная, режим — как для растений пустыни.

Точно такого же содержания требуют почти все другие цереусы: лофоцереус, маргинатоцереус, пахицереус, стеноцереус и т. д., которые относятся к горным или пустынным видам. Все они цветут в старшем возрасте, при величине свыше полутора-двух метров и более пригодны для хорошо оборудованных отапливаемых оранжерей.

К цереусам столбовидным примыкают цереусы вьющиеся, свисающие и ползучие. Видов и родов здесь также очень много, тут и густоопушенные, и «голые» виды, стебли многореберные и словно бы граненые, все виды окрасок и колючек. Такими будут эриоцереусы (*Eriocereus*), никтоцереусы (*Nictocereus*), селеницереусы (*Selenicereus*), апорокактусы (*Aporocactus*) и др.

Так как все они сходны по условиям содержания, то я расскажу лишь о поведении и образе жизни одного из них. Таким типичным видом будет Селеницереус макдональда, «королева ночи», как называют его в Германии. Стебелек этого четырехгранного цереуса я получил в дар некогда во время посещения ботанического сада. Посаженный в жирную землю, стебелек дал на следующую весну полуметровый прирост, затем через год разветвился еще и еще, образовав подобие голых свисающих четырехгранных «веток». Вел себя этот кактус однообразно, как будто жил по каким-то очень точным часам. Всю осень и зиму он не проявлял признаков жизни, зато весной, уже в апреле, одна-две из его серых ареол превращались в зеленые светлые точки, точки увеличивались и развивались в побеги светлые, зеленые, растущие вниз не по дням, а по часам. Одновременно на старом приросте и также на месте ареол появлялись шерстистые беловатые точки, которые почти не увеличивались, пока всю старался расти побег. Но вот что-то внутри кактуса «выключало» его рост, он останавливался и начинал из светло-зеленого и нежного превращаться в тусклый, грубый и серо-зеленый, а шерстистые «почки» трогались в рост, обычно неравномерный, ибо одна всегда обгоняла остальные. Эта обгоняющая почка

все явственнее превращалась в шерстистый бутон, который, побыв в некотором раздумье дня три-четыре (обычно это было около 7—10 июня ежегодно), вдруг в один особенно погожий день начинал увеличиваться и к вечеру достигал почти чудовищной величины. Было ясно, что бутон раскроется вот-вот, что он чего-то дожидается.

Ждал он, оказывается, захода солнца. Как только светило опускалось за крыши, — в июне оно, как известно, не торопится и заходит уже в одиннадцатом часу, — цветок очень медленно и все-таки достаточно ощутимо начинал двигаться, то есть раскрывать сомкнутые лепестки. Он раскрывался со скоростью движения Земли или опускания Солнца, — как угодно... Через час над кактусовой коллекцией сияла волшебная белая, женственная, фантастической величины звезда, одинаково напоминая и кувшинку-лилию, и орденскую звезду. Полностью открытый цветок производил впечатление ирреальное, и никак не верилось, что тусклый невзрачный четырехгранный кактус может хранить в себе, а главное, произвести такое чудо красоты, изящества, цветения с легким запахом ванили. В диаметре самые крупные цветы селеницереуса достигали 30 сантиметров, а может быть, и более. Цветок сиял всю ночь и на рассвете гас, складывался и поникал по мере того, как вставало солнце. Задержать цветение можно было, только искусственно затемнив его. Вот пишу и невольно просится на ум: всегда в сказках были скромные Золушки, нищие принцы, умные дураки, и все они внезапно блистали красотой, — надолго ли, на одну ночь, на краткое мгновение? — много разных мыслей рождает этот до предела простой невзрачный кактус...

Некоторое подобие цветов селеницереуса — белые цветы листовидных кактусов, распространенных весьма широко, и отчасти белые цветы эхинопсисов, также расцветающие ночью.

Все ползучие, свешивающиеся растения нуждаются в плодородной земле, а вернее, растут в любой здоровой почве. Если растению не хватает питания или корни повреждены, а также при тепловой зимовке с поливом кактусы не цветут или, набрав бутоны, сбрасывают их до цветения.

6.

ЭХИНОКАКТУС И ЭХИНОЦЕРЕУС

Два рода этих совершенно несхожих на вид кактусов неопытные любители часто путают из-за созвучности названий. До тех пор, пока я на практике не столкнулся как с представителями первого, так и с многими видами второго рода, я также не видел между ними разницы. Род Эхинокактус в настоящее время настолько мал, что в нем остались лишь типичные растения, всего около десятка видов, в то время как первоначально к эхинокактусам относили сотни видов. Нужно сказать, что кактусы обладают таким количеством разнообразных признаков, что если задаться целью во что бы то ни стало выделять из старых, устоявшихся родов новые, беря за основу какую-нибудь мелочь, — особенности в строении семян, форму цветка, место образования цветка, характер колючек, — то можно до бесконечности выделять все «новые» роды и виды, чем, на мой взгляд, уже сейчас излишне перегружена и запутана систематика, — сравнив меж собой представителей таких родов, например, как Ариокарпус и Розеокактус, Эспостоа и Псевдоэспостоа, Нотокактус и Бразиликактус, легко убедиться в этом. Хотел бы добавить, что и в маленьком, оставшемся после отщепления и отсечения других новых или условно новых родов, роде Эхинокактус есть настолько несходные виды, что рождается мысль: не выделить ли их в особый род и назвать, скажем, Неоэхинокактус. Такими видами будут, допустим, Эхинокактус грузони и Эхинокактус ингенс, — растения, разительно не похожие друг на друга.

Оставляя эту проблему для желающих «открыть» новый род кактусов и еще более усложнить систематику, я в то же время хотел бы сказать, что эхинокактусы весьма значительно отличаются от эхиноцереусов даже по внешним данным. Эхинокактусы — это крупные шаровидные и даже бочкообразные из-за своей громадной подчас величины растения, жесткие и твердые, покрытые многочисленными крепкими колючками, а эхиноцереусы — столбовидные, кустящиеся, часто ползучие очень своеобразные кактусы

(здесь опять есть возможность выделить даже не один, а два-три новых рода!), шипы же и колючки эхиноцереусов, равно как и их цветы, бесподобно разнообразны, не в пример сравнительно одинаково околюченным эхинокактусам.

Эхинокактусы принадлежат к крупнейшим круглым кактусам. Достигая двух-трех метров высоты при метровом поперечнике, как, например, Эхинокактус грандис и Э. виснага (*E. grandis* Rose, *E. visnaga* Hook.), они могут быть представлены и сравнительно небольшими видами — таковы редкий и трудно растущий Э. горизонталониус (*E. horizonthalonius* Lem., *E. parryi* Eng.) и некоторые другие.

Эхинокактусы рано были завезены в Европу и появились в любительских коллекциях. Наиболее широко распространился замечательно красивый Э. грузони (*E. grusonii* Hildm.) — широкий округлый светло-зеленый кактус, весь покрытый острыми соломенно-желтыми или беловатыми крепкими колючками. Вершина кактуса густо покрыта светлой шерстью, которая в период роста принимает нежно-желтый, удивительно приятный цвет. Неприхотливый к почве (типы 2 и 3), отлично растущий и на своих корнях и на подвое, кактус стоек и к вредителям. Словом, если бы все кактусы были столь «прочны», культивирование и разведение их не составляло бы никакого труда. Все эхинокактусы цветут лишь до достижения крупной величины, если им, конечно, обеспечивается правильный режим. Это растения пустынь и засушливых степей. Мелкие виды очень прихотливы и требуют либо прививки, либо большого мастерства в уходе за ними.

Эхинокактус ингенс (*E. ingens* Zucc.) совершенно не похож на предыдущий вид. Это темно-зеленое или серо-зеленое округлостолбовидное растение, твердое и покрытое коричневыми шишками, выходящими из беловатых шерстистых ареол. Растет этот эхинокактус медленнее, но так же неприхотлив к почве, так же любит жару летом и прохладную сухость зимой. Эхинокактусы могут переносить мороз до пяти градусов ниже нуля, а кратковременный и еще ниже, важно лишь, чтобы они оттаивали постепенно.

Примыкает к эхинокактусам очень красивый монотипный род с единственным видом *Homalocephala texensis* (Hopff) Br. et R.

Это средней величины округлое растение с белыми ареолами и великолепными поперечноребристыми широкими шипами, расположенными на острых широких ребрах розетками. Хомалоцефала, растущая в пустынных районах Техаса, Нью-Мексико и северной части Мексики, как бы соединяет в себе признаки и эхинокактусов и ферокактусов — другого очень интересного рода пустынных растений. Кактус этот редкий и в коллекциях бывает нечасто.

Что же касается эхиноцереусов, то их бесчисленное количество, причем виды их изменчивы и для культивирования далеко не все годятся. Колючие их стебли обычно вытягиваются, принимая уродливые формы, почти все они кустятся, дают много отростков и в коллекциях требуют много места. Наверное, по указанным причинам эхиноцереусы, кроме некоторых излюбленных видов, в большом количестве в собраниях кактусов не встречаются. Виды, пользующиеся признанием, таковы:

Во-первых, это «ложный старичок» Эхиноцереус делаэtti (*E. delaetti Gürke.*), кустящийся, средней величины кактус из Северо-Восточной Мексики, покрытый седыми щетинами и несколько напоминающий Цефалоцереус сенилис. Сходство это чисто внешнее, а по своей прихотливости Э. делаэtti весьма трудный кактус, требующий внимательного ухода, режима и подбора почвы.

Популярными у собирателей эхиноцереусами являются «пектинатные» виды, то есть виды с гребенчатыми колючками, из которых наиболее красив Э. пектинатус (*E. pectinatus Scheidw. Eng.*) с несколькими вариантами, иногда считаемыми за самостоятельные виды. Эхиноцереус книппелианус — странное растение зеленой и фиолетово-зеленой окраски, также пользуется известностью у любителей. Имеются виды и с красивыми колючками и виды некрупные, как, например, представители примыкающего к эхиноцереусам рода Вилькохсия (*Wilcoxia Br. et R.*). Эхиноцереусы подобно эхинокактусам — растения гор и пустынь. Летом они любят тепло и свет, зимой свет, сухость и холод, в ином случае, эхиноцереусы перестают цвести, а стебли их принимают некрасивую форму.

К пустынным кактусам примыкают и самые пустынные, если их обозначить таким нелепым, однако точным определением. Это группа североамериканских растений, распространенных в юго-

западных штатах США, а также в мексиканских пустынях и полупустынях. Главным и самым крупным по численности видов будет широко известный род Ферокактус, к которому примыкают хаматокактусы, склерокактусы, педиокактусы, эхиномастусы и некоторые другие мелкие и монотипные роды, ныне, кстати, снова объединяемые. Все эти кактусы имеют сходные условия роста и развития, почти все трудны в культуре и требуют отличных знаний от кактусовода. Поэтому, не имея возможности описывать все растения, автор хотел бы подробнее остановиться на представителях рода Ферокактус (*Ferocactus Br. et R.*, 1922).

Как и эхинокактусы, ферокактусы принадлежат к самым крупным круглым кактусам, достигающим у некоторых видов, таких, как *F. acanthodes (Lem) Br. et R.*, трехметровой высоты при толщине не менее метра; более цилиндрические старые формы бывают и до четырех метров. Однако большинство видов рода — средние по величине и даже мелкие растения, объединенные одним признаком: все ферокактусы имеют очень длинные, широкие, мощные, часто многоцветные колючки, желтые, черные, красноватые, что придает растениям очень эффектный вид, особенно во взрослом (10—16—20 лет) состоянии. Ферокактусы растут очень медленно, и даже прививки не ускоряют значительно их рост, так что крупный, хорошо сформированный ферокактус — большая ценность в коллекции. Особенно красивы у ферокактусов центральные шипы, иногда они широкие и плоские, как, например, у *F. latispinus (Наш.) Br. et R.* или крючковатые, окрашенные в два или три цвета.

Ферокактусы наиболее приспособлены к жизни в пустыне, их твердая оболочка противостоит солнцу, ветрам и холоду, — подобно эхинокактусам они могут выносить значительные перепады температуры вплоть до минусовых, — мощные шипы рассеивают свет и улавливают росу, одновременно делая растения неприступными для врагов. В культивировании ферокактусы больше всего нуждаются в незащищенном ярком солнечном свете (при условии, что они растут на восточных, юго-восточных и южных окнах или в теплице). Это растение необычайно светолюбивое и донельзя любящее постоянный режим. При этом не следует забывать, что чрезмерно

длинный летний день им совершенно не нужен. Кактусы любят росу и опрыскивание, имеют два периода роста, весной и в августе — октябре, и следовательно, два периода отдыха — короткий малозаметный летом (июль) и долгий зимний с ноября по март. Цветение фeroкактусов — великая радость и главным образом потому, что старых экземпляров в коллекциях не так уж много, а режим суточного освещения 12—14 часов летом и 10—12 часов зимой редко кем строго соблюдается.

Выращивая до десятка видов фeroкактусов, я прихожу к выводу, что к земле они не очень требовательны, лишь бы она была не слишком гумусовой, во всех остальных смесях с добавкой от трети до половины песка кактусы растут хорошо, если в почве нет нематод и грибков. Сеянцы фeroкактусов всходят из семян, пролежавших после сбора не менее года, растут уверенно и быстро в тепличке под лампами, но очень чувствительны к плесневым грибкам, вот почему лучше всего все пустынные кактусы, а фeroкактусы в особенности, сеять в отдельную посуду со всеми возможными мерами предосторожности по отношению к грибковым заболеваниям (опрыскивание купоросом, хинозолом, тщательно пропаренная земля, яркий свет, высокая температура содержания и ежедневный осмотр сеянцев).

Желающий выращивать фeroкактусы должен изучить и понять условия их жизни на родине и помнить, что чем светолюбивее и прихотливее растение, тем больше любит оно постоянство и неизменность условий, что, впрочем, характерно для всего живого, особенно в старшем возрасте.

Кактусист, который без конца вертит и крутит свои растения, переставляет с места на место, переносит с окна на окно, с балкона на дачу, с дачи на балкон, может заранее не рассчитывать на успех в содержании кактусов, и так же будет далек от успеха тот, кто месяцами не заглядывает в коллекцию, полагаясь на выносливость растений. В кактусоводстве (и только ли в нем) следует придерживаться принципа: «лучше меньше, да лучше». Пятьдесят отлично растущих, ухоженных и процветающих в полном смысле растений приносят радости в сто раз больше, чем двести-триста видов, за которыми не успевают ухаживать и они существуют

кое-как, поражаются вредителями и грибами. Склерокактусы (*Sclerocactus Br. et R.*), эхиномастусы (*Echinomastus Br. et R.*) и другие примыкающие мелкие роды требуют еще большего внимания, ухода, знаний и лучше растут привитыми на устойчивые подвои.

7.

МЕЛОКАКТУСЫ И ДИСКОКАКТУСЫ

Оба рода принадлежат к давно открытым кактусам, особенно первый. Вероятнее всего еще Колумб, привезший в Европу первую небольшую коллекцию кактусов, встретился с этими растениями, ибо мелокактусы во множестве растут на побережье Карибского моря, как, впрочем, и на Антильских островах, в Южной Мексике, в Центральной Америке, в Венесуэле и Перу, в тропических частях Бразилии. Внешне эти круглые кактусы, особенно молодые, напоминают эхинопсисы или гимнокалициумы, однако позднее, когда мелокактусы становятся взрослыми, верхние и центральные шипы у них утолщаются, набирают цвет и одновременно они начинают обзаводиться чудесным шерстистым и цветным выростом на макушке — цефалием, что придает растениям вид странной бутылки, колбы, дыни, турецкой фески и еще можно найти немало сравнений, ибо цефалий этот красноватого, коричневого, розового, белого или желтоватого цвета, в зависимости от вида мелокактуса бывает то удлиненный 5—7—10—12 см (по некоторым источникам даже до 1 метра высотой), то короткий, при ширине также колеблющейся. У некоторых мелокактусов цефалий выступает в виде округлой широкой и цветной «шапочки», но чаще он короткостолбчатый и удлиняется по мере того, как растение становится старше. Редко цефалий разветвляется на две-три части.

По местам обитания и распространения можно было бы искусственно разделить все мелокактусы на виды прибрежные и континентальные — те, что встречаются в горах южной части Мексики, Гватемале, внутренних частях Больших Антильских островов, на

возвышенностях Венесуэлы, внутренней Бразилии и Перу. Все мелокактусы считаются прихотливыми растениями, и прихотливость эта увеличивается с возрастом кактуса, но особенно капризны виды с побережья, с песчаных пляжей Атлантики. Яркое тропическое солнце, морской ветер, изобилие растворенной в воздухе теплой влаги вместе с воздушными «витаминами» — запахами моря, песка, водорослей, колоссальных водных пространств, нагретых экваториальным светилом; отрицательная ионизация, столь полезная всему живому, а прибрежным растениям в особенности, наконец, постоянный суточный режим с двенадцатичасовым днем и двенадцатичасовой ночью, незначительные колебания температур в течение суток и года, теплые муссонные дожди летом и горячий зной зимой делают эти растения с трудом приспосабливающимися к холоду наших окон и даже тепличек, не говоря уже о загрязненном воздухе, морозной зиме, сухости и другом режиме освещения. Вот почему можно утверждать: тот, кто дождался цветения мелокактуса, то есть периода, когда 5—7-летний кактус образует цефалий, а цефалий в свою очередь покрывается мелкими розовыми колокольчиками цветов, — тот мастер-кактусовод высшего ранга, гроссмейстер среди опытных любителей.

По данным Бакеберга, привитые сеянцы растут лучше и образуют цефалий более легко. Берясь же за выращивание мелокактусов на их собственных корнях и получив на первых порах довольно крупные, мощно растущие сеянцы, надо помнить, что без специальной теплички с повышенной влажностью и возможностью создать тропический световой и тепловой режим мелокактусы рано или поздно начнут болеть, покрываться пятнами и гнить. Легко поражаются они и всякого рода вредителями и грибами. Летом они также требуют тепла и свежего воздуха, что в общем-то не легко обеспечить, ибо свежесть всегда связана у нас с похолоданиями и дождями. Очень болезненно реагируют мелокактусы на всякого рода перестановки, переносы, изменения привычных условий. Купленное взрослое растение редко сразу трогается в рост, обычно оно долго «стоит», не увеличивается и не образует новых колючек.

По моим наблюдениям, мелокактусы лучше растут сообщества-

ми и в широкой глиняной посуде, это же можно сказать и об астрофитумах и многих других кактусах. Сообщество растений, однако, должно быть таким, чтобы виды были характерными для данной географической зоны (здесь тоже нужна совместимость!), кактусы и в природе растут чаще группами, образовавшимися неподалеку от материнского растения или рядом с ним. Разумеется, когда кактусы уже теснят друг друга, когда начинается конкуренция и вытеснение более слабо развитых — скученность мешает. Виды мелокактусов из континентальных районов растут в коллекциях более успешно.

Земля для мелокактусов должна напоминать горную или пустынную с большей долей песка, рыхлая и водопроницаемая. Иногда полезна для прибрежных видов добавка в почву небольшого количества солей магния и обычной поваренной соли (очень немного). Зимовка мелокактусов сухая, без полива и теплая, но с регулярным опрыскиванием растений. Другой род кактусов, близкий к описанному, — дискокактусы (*Discocactus Pfeiff.*, 1837). Несмотря на то что они были открыты и описаны сравнительно давно, дискокактусы в коллекциях стали появляться лишь с развитием тепличного кактусоводства и применением ламп дневного света. В культуре эти широкие сплюснутые кактусы из Бразилии и Парагвая, сходные с мелокактусами, так как они тоже образуют на вершине шерстистый цефалий, встречаются редко. Причин этому можно назвать много, и первая — трудность «доставания» семян, а далее уже можно назвать причины объективного порядка: дискокактусы — растения из тропических лесов и лесистых саванн, растущие в довольно своеобразных условиях возле рек, ручьев, водопадов, и состав почвы для них нужен иной, чем для других кактусов, возможно, они требуют большей добавки листовой земли и гранитной крошки. И все-таки дискокактусы ныне увеличиваются в числе за счет новинок и, думается, скоро перестанут быть только модой, войдут в коллекции многих опытных любителей наряду с мелокактусами. Успех выращивания любых растений складывается из знания климатических особенностей страны и физиологических особенностей самого растения — и поэтому нет видов, которые бы невоз-

можно было успешно культивировать при наличии опыта, знания и терпения.

Имея сходство с мелокактусами, дискокактусы имеют и ряд отличий. Цефалий у них низкий и широкий, серовато-белый, цветы не мелкие и не розовые, а крупные, белые, ночные, ребра разделены на бугры подобно ребрам гимнокалициумов, и сами кактусы весьма напоминают гимнокалициумы, в то время как мелокактусы более напоминают ферокактусы или эхинопсисы. Колючки дискокактусов не слишком разнообразны и также по строению сходны с колючками гимнокалициумов. Дискокактусы требуют много тепла, особенно летом, нужна им и высокая влажность воздуха. Лучше всего они растут на восточных и юго-восточных окнах (имеются в виду привитые растения). Думается, что соблюдение режима тропиков даст основание выращивать их и на собственных корнях.

По характеру распространения к растениям этим примыкают кактусы из недавно открытого рода Уэбельмания (*Uebelmannia*, 1967). Виды его также увеличиваются и уже проникли в коллекции. Уэбельмании — своеобразные растения, не слишком похожие друг на друга, а может быть, объединяемые случайно. Сеянцы их похожи на пародии. Цветы некрупные, по крайней мере у *U. pectinifera*, которая во взрослом виде несколько напоминает Астрофитум мириостигма по своей крапчатости, ребра снабжены черными острыми щетинами. Уэбельмании растут на тропических нагорьях Бразилии и соединяют в себе признаки горных кактусов и кактусов из саванны. Почвы для них должны быть горного типа, режим же содержания, как у тропических гимнокалициумов, с периодом летних дождей и зимней теплой сухости. Разумеется, теплички необходимы для выращивания этих растений даже на подвоях.

НАИБОЛЕЕ КРАСИВЫЕ И РАЗНООБРАЗНЫЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДОВ МЕЛОКАКТУС,
ДИСКОКАКТУС, УЭБЕЛЬМАНИЯ

Род MELOCACTUS Link et Otto., 1827

1. *M. neryi* K. Sch.

2. *M. concinnus* Buin et Bred¹.

К

III

II

3. <i>M. albicephalus</i> Buin et Bred ¹ ,	II
4. <i>M. matanzanus</i> Leon.	II
5. <i>M. oreas</i> Miquel ¹ Migv.	II
6. <i>M. violaceus</i> Pfeiff ¹ .	II
7. <i>M. amoenus</i> (<i>Hoffm</i>) Pfeiff.	II
8. <i>M. erythracanthus</i> Buin et Bred.	II
9. <i>M. glaucescens</i> Buin et Bred ¹ .	II
10. <i>M. amstutziae</i> Rauh et Backbg.	II
11. <i>M. oaxacensis</i> (<i>Br. et R.</i>) Backbg.	II
12. <i>M. jansenianus</i> Backbg.	II
13. <i>M. azureus</i> Buin et Bred.	II
14. <i>M. giganteus</i> Buin et Bred ¹ .	II
15. <i>M. huallancaensis</i> Rauh et Backbg.	III
16. <i>M. communis</i> Lk et O. ¹ .	III
17. <i>M. peruvianus</i> Vpl.	III

Род UEBELMANNIA Buin, 1967

1. <i>U. buiningii</i> Donald.	I
2. <i>U. lavispinga</i> Buin et Bred.	I
3. <i>U. gummifera</i> (<i>Backbg. u. Volt</i>) Buin.	I
4. <i>U. meninensis</i> Buin.	I
5. <i>U. pectinifera</i> Buin ¹ .	I
6. <i>U. pectinifera</i> v. <i>pseudopectinifera</i> .	I

Род DISCOCACTUS Pfeiff., 1837

(Полный список по Бакебергу)

1. <i>D. boomianus</i> Buin et Bred.	I
2. <i>D. alteolens</i> Lem.	I
3. <i>D. bahiensis</i> Br. et R.	I
4. <i>D. boliviensis</i> Backbg.	I
5. <i>D. hartmannii</i> (<i>K. Sch</i>) Br. et R.	I
6. <i>D. heptacanthus</i> (<i>Rodr</i>) Br. et R.	I
7. <i>D. horstii</i> Buin et Bred.	I
8. <i>D. paranaensis</i> Backbg.	I
9. <i>D. placentiformis</i> (<i>Lehm</i>) K. Sch.	I
10. <i>D. subnudus</i> Br. et R.	I
11. <i>D. tricornis</i> Monv.	I
12. <i>D. zehntneri</i> Br. et R.	I

8.

БРАЗИЛИКАКТУС, НОТОКАКТУС, ЭРИОКАКТУС ПАРОДИЯ

В этой и последующих главах рассказывается о южноамериканских кактусах.

Кактусы Северной Америки и кактусы Америки Южной не соединяются так, чтобы хоть какой-либо род проходил строем своих видов через оба материка. И если некоторые опунции, цереусы, мамиллярии, мелокактусы «заглядывают» через перешеек Центральной Америки в южноамериканские просторы, то они не распространяются далеко, а ограничиваются Венесуэлой, Северной Бразилией и Перу. Северные кактусы словно бы натываются на незримую линию экватора и не идут в Южное полушарие. В свою очередь еще меньше заглядывают через экватор и в Северную Америку кактусы с юга, хотя роды Мелокактус или Триксантоцереус можно считать связующими, так же как некоторые опунции. Для Южной Америки характерны свои специализированные роды кактусов, такие, как Нотокактус, Пародия, Лобивия, Эхинопсис, Гимнокалициум, Ореocereus, Копиапоа, Ребуция, Неочиления и ряд других. Они так же характерны для Южной Америки, как для Северной ее эхиокактусы, мамиллярии, ариокарпусы, североамериканские цереусы и разнородные монотипы.

Помню, как во время моих скитаний по городу с высматриванием кактусов на подоконниках я однажды услышал о некой женщине, у которой будто бы имелась удивительная коллекция. «У нее все что угодно есть! Все кактусы! У нее даже бразиликактус достать можно!» И мне был указан приблизительный адрес где-то в районе улицы Мичурина. Разумеется, рыскать по этой улице, тем более «в районе ее» я не мог — время все-таки вещь, которую приходится ценить при всей ее незримости. Но я постоянно держал в памяти информацию о кактусистке и однажды, проходя по улице, наткнулся как будто на то, что неосознанно, может быть, все время искал. Небольшой деревянный дом с двумя широкими

окнами и «парадным» между ними стоял как-то скромно потупясь, дом явно без владельца, полукоммунальный или «жактовский», как иногда еще называют такие строения. Уверенность в определении была почти абсолютной, потому что некогда добротные наличники дома обломались и обвалились, водосточные трубы прежде даже с железным кружевом наверху печально поникли, фундамент разрушался, ворота были без створов и зияли пустотой, и окна двух разных квартир поражали своим несходством. В одном, совершенно голом без занавесок, виднелись груды книг, развалины и нагромождения из книг же, на столе жалкая лампа с полуобгорелым абажуром, на окне грязная тарелка. Здесь, очевидно, жил какой-то одинокий книжный червь — бюхервурм, как зовут таких людей немцы. Зато другое окно, тщательно окрашенное и ухоженное, вещало, что его владелец заботится о красоте не только внутренней, но и внешней. На этом окне и стояла целая коллекция кактусов — видов сорок, все в аккуратных горшочках, расписных мисочках, керамических вазончиках.

Набравшись смелости, я постучал в «парадное», ожидая увидеть какую-то полную, кроткую, розовую и улыбчивую женщину-хозяйшку, вариант кустодиевской «Купчихи за чаем». На мой стук никто не отозвался. Я постучал еще раз... Молчание. Еще... Тишина. Тогда, собрав последние остатки смелости или даже нахальства, я пробарабанил в четвертый раз, собираясь уйти. Но тут послышались шаги, за дверью что-то щелкнуло, и в приотворенное, насколько пожелала прочная цепь, пространство выставилась хмурая желчно-тощая женщина, скорее похожая на изможденного мужчину, — не хватало ей только лысины. «Что вам?» — спросила женщина-мужчина. Я сказал, что хотел бы посмотреть кактусы, что-нибудь купить, обменять...

— Я не торгую... А если менять — мне надо только лофофору... — все так же через щель сказала женщина и, определив довольно легко, что лофофоры у меня нет, захлопнула дверь, снова щелкнули задвижки, и все стихло.

Я обескураженно сошел с крыльца, все еще дивясь несовпадению веселого окна с кактусами и лика их владелицы. Пришлось смотреть коллекцию с улицы. Кактусы тут, по моим тогдашним

представлениям, были немыслимо прекрасные: «старичок» цефалоцереус, клейстокактусы, пародии, ребуции, мамиллярии, два небольших ореocereуса, еще какие-то — названий их я не знал, и, наконец, в самом уголке коллекции стояли два шаровидных кактуса со вдавленными вершинками, один был яркого желто-оранжевого цвета, другой — палево-зеленовато-серого. «Бразиликактусы!» — вспомнил я по рисункам и фотографиям в книге Хаге. Я долго смотрел на них, наслаждаясь одновременно и видом и названием растений.

А года через три я раздобыл, наконец, и семена этих растений, посеял их вместе с другими видами и получил плачевные результаты. Семена были слишком мелкие, их смыло при первом же поливе, утянуло в почву, так что из двадцати семян Бразиликактуса Гресснера (*B. graessnerii*) взошли только три сеянца и немногим больше было сеянцев другого бразиликактуса, Б. Хазельберга (*B. haselbergii*). Однако росли они довольно быстро, в тепличке под лампами хорошо перезимовали, из чего можно заключить, что бразиликактусы — растения, очень любящие тепло. Лишь в жаркой притененной тепличке растут они без прививки, на окне же, во власти сухого воздуха и умеренных холодов, кактусы эти часто загнивают, теряют корни и вообще «капризничают» — вот почему их нужно прививать. Бразиликактусы — типичные жители саванны, родина их — Бразилия и Уругвай. В настоящее время известно их три вида с несколькими вариантами. Растут они на суховатых склонах холмов, откосах, среди травы и кустов. Летом требуют обильной теплой поливки, зимой прохлады и сухости.

Почти все то же самое можно сказать и о более обширном до сих пор успешно пополняемом видами роде Нотокактус (*Notocactus* Berg. emend. Backbg., 1938), который был создан Бергом. Бразиликактусы из этого рода были выделены Бакебергом в 1942 году, равно как и другой небольшой род Эриокактус. Нотокактусы также жители суховатой травянистой и лесистой саванны и распространены в Бразилии, Уругвае, Парагвае и Аргентине. Бакеберг выделяет в этом роде два подрода: *Notocactus* (Нотокактус) и *Neonotocactus* (Неонотокактус). Причем к первому относит всего два широко известных вида: *N. ottonis* и *N. scopa*. Первый с многочис-

ленными вариантами, низкий, шаровидный, интенсивно цветущий желтыми яркими цветами ¹, второй — более высокий белоопушенный, вырастающий коротким красивым столбиком. Другие нотокактусы обычно зеленые разных оттенков растения с развитыми колючками, шаровидно-сплюснутые, с вдавленной вершиной. Все они обильно цветут весной и в начале лета. Наиболее красивы из них *N. apricus* с крупным цветком, *N. concinnus* также обильно цветущий, обильно покрытый колючками. *N. tabularis*, маленький кустиющийся *N. rutilans*, красноцветковый *N. herteri* — один из самых крупных.

Как и бразиликактусы, нотокактусы любят полутень, жару и влагу летом (сезон дождей в саваннах), полную сухость и умеренный холод зимой. Почва нужна плодородная, на ней они очень хорошо растут, и многие без перекрестного опыления завязывают семена, многие — но не все. Цветение начинается рано, иногда уже на втором году. Все нотокактусы не требуют прививки, а снятые с подвоев укореняются очень плохо, подобно пародиям. Лучше всего выращивать нотокактусы из семян, обладающих почти всегда хорошей всхожестью.

Новые виды нотокактусов, открытые в недавние годы, указывают на родство этих растений с гимнокалициумами. Таковы виды: *Notocactus HU-100* или *N. crassigibbus* или *N. uebelmannianus*. Другие виды нотокактусов очень близки к пародиям и виггинзиям. Есть мнение среди ботаников, что пародии и нотокактусы — две ветви одного большого рода, одна из которых (пародии) представляет горные виды, другая (нотокactus) виды равнинные. Во всяком случае, некоторые пародии описывались не раз, как нотокактусы или виггинзии, и, наоборот, отдельные растения вначале относили к пародиям. В связи с находками и выделением рода Уэбельмания (юбельмания) ряд пародий был переименован в уэбельмании (*P. gummiifera* Backbg. et Voll. — *Uebelmannia gummiifera* (Backbg. et Voll) Buin.).

¹ Имеются и новые разновидности с красноватыми цветками (Прим. авт.).

Род *Parodia* Speg., 1923 — это похожие на нотокактусы небольшие и средних размеров растения, обычно круглые или округло-столбовидные в более старшем возрасте. Пародии — растения гор, горных склонов, каменистых россыпей, но растут они обязательно там, где есть плодородная земля. Видов их очень много, и все увеличивается их количество. Например, недавно открыта целая группа белоопушенных видов. Но коллекция, составленная только из пародий, глядится бедновато при всей очевидной красоте этих растений. Цвет колючек у пародий колеблется от серебристого и снежно-белого до ярко-желтого и даже черного оттенков, шипы бывают либо крючковидные, либо дуговидные, либо прямые и острые — речь идет о центральных шипах, помимо которых имеются еще и радиальные колючки. Все пародии отлично цветут желтыми, оранжевыми и красными цветами, похожими на цветки нотокактусов.

Пародии дают небольшие плоды со множеством мельчайших пылевидных семян, рассеиваемых, по-видимому, ветром. Семена эти хорошо всходят, но нужно быть ювелиром своего дела, выращивая из них крупные растения. ПЕРВОЕ УСЛОВИЕ: отдельный посев пародий, бразиликактусов, стромбокактусов и других кактусов с пылевидными крошечными семенами в плошку с землей самого тонкого «помола», ибо в крупной, рыхлой земле семена теряются, а растения величиной с маковое зернышко не могут ухватиться еще более крошечным корешком за землю. ВТОРОЕ УСЛОВИЕ — увлажнение плошки только снизу, очень осторожно, чтобы семена не всплыли и не потерялись, не были втянуты водой в почву. ТРЕТЬЕ УСЛОВИЕ — ежедневный осмотр всходов с лупой, чтобы предупредить появление зеленых пленок водорослей и особенно фиолетовой плесени, которая губит мелкие сеянцы очень быстро. ЧЕТВЕРТОЕ УСЛОВИЕ — возможно более частые пикировки растений в свежую плодородную и, разумеется, пропаренную землю — 6—10 пикировок в первый год и 4—5 во второй дают к концу второго года почти взрослые растения, готовые к цветению. Выращивание из семян стромбокактусов, пародий и бразиликактусов — школа высокого класса для любителя-кактусовода.

Видов же пародий столько, что было бы бессмысленным перечислить их. Вот почему наиболее интересные, на взгляд автора,

вынесены в конец главы. По-видимому, уже два десятка самых разнообразных растений дадут хорошее представление об этих кактусах, а число резко разнообразных, пожалуй, не превысит десятка.

Помимо бразиликактусов, нотокактусов, виггинзий, пародий и уэбельманий в родственную группу входит и очень небольшой род Эриокактус (*Eriocactus*, 1942). Два-три вида этого рода почти всегда присутствуют в крупных и даже средних коллекциях.

E. leninghausii появился в моей коллекции рано, хотя еще ранее я увидел крупный экземпляр его у знакомых мне супругов-коллекционеров. Довольно толстый, высокий, типа цереуса, весь одетый в желтовато-оранжевую шубку колючек, эриокактус был бесподобен. Он понравился мне и своей густой, как бы лисьей шерстью и оригинальной скошенной вершинкой, точно улавливающей наше низкое северное солнце. Желанный эриокактус я раздобыл в двух экземплярах в Риге, и оба кактуса прекрасно росли, причем один из них после срезки дал целый пенек деток, и я обзавелся желтыми питомцами в достаточном количестве.

Более мощный и не слишком похожий на эриокактус *E. grossei* покрыт и более редкими, но длинными шипами-щетинами, черноватыми на концах. Несмотря на свою величину, он не производит такого впечатления, как его желто-оранжевый собрат. Цветут эти кактусы по достижении метровой высоты, и мне их цветения видеть не доводилось. Эриокактусы любят гумусово-глинистую плодородную почву, точно так же, как нотокактусы. Условия содержания не отличаются от всего сообщества этих родов.

НАИБОЛЕЕ КРАСИВЫЕ И РАЗНООБРАЗНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДОВ БРАЗИЛИКАКТУС, ЭРИОКАКТУС, НОТОКАКТУС, ПАРОДИЯ и др.

Род BRASILICACTUS Backbg., 1942

1. *B. graessneri* (K. Sch) Backbg.

2. *B. haselbergii* (Hge) Backbg.

K

III

III

Род ERIOACTUS Backbg., 1942

1. *E. leninghausii* (Hge.fr.) Backbg.

III

2. *E. magnificus* Ritt. II
3. *E. schumannianus* (*Nic*) Backbg. III

Род NOTOCACTUS (K. Sch) Berg emend Backbg., 1942

1. *N. apricus* (*Ar.*) Berg. III
2. *N. buiningii* Buxb. II
3. *N. carambeiensis* Buin et Bred II
4. *N. crassigibbus* Ritt. II
5. *N. herteri* Werd. III
6. *N. mueller-moelleri* Frič. III
7. *N. rutilans* Dän et Krainz. III
8. *N. ottonis* (*Lehm*) Berg. IV
9. *N. purpureus* Ritt. II
10. *N. scopia* (*Spreng*) Berg. III
11. *N. uebelmannianus* Buin. II
12. *N. vanvlietii* Rausch. II

Род WIGGINSIA D. M. Porter, 1964

1. *W. arechavaletai* (*K. Sch. ex Speg.*) Berg. II
2. *W. corynodes* (*O. ex Pfeiff*) D. M. Port. II
3. *W. erinacea* (*Haw*) D. M. Port. II
4. *W. kovaricii* (*Frič*) Backbg. II
5. *W. sessiliflora* (*Mackie*) D. M. Port. II
6. *W. tephraacantha* (*Lk et O.*) D. M. Port. II
7. *W. vorwerkiana* (*Werd*) D. M. Port. II

Род PARODIA Speg., 1923

1. *P. aureicentra* Backbg. IV
2. *P. aureispina* Backbg. IV
3. *P. backebergiana* Brandt II
4. *P. buenekeri* Buin. III
5. *P. camargensis* Buin et Ritt. II
6. *P. catamarcensis* Backbg. IV
7. *P. challamarcana* Brandt II
8. *P. culpinensis* Ritt. II
9. *P. dextrohamata* Backbg. III
10. *P. fričiana* Brandt. II
11. *P. elegans* Fechs. III
12. *P. echinus* Ritt. III
13. *P. gibbulosoides* Brandt. II
14. *P. ignorata* Brandt. II
15. *P. kilianana* Backbg. II
16. *P. koehresiana* Brandt. II
17. *P. lauii* Brandt II

18. <i>P. maassii</i> (Heese) Berg.	II
19. <i>P. maxima</i> Ritt.	II
20. <i>P. neglecta</i> Brandt.	II
21. <i>P. nivosa</i> Frič ex Backbg.	II
22. <i>P. penicillata</i> Fechs.	IV
23. <i>P. penicillata</i> v. <i>nivosa</i>	II
24. <i>P. pseudoprocera</i> Brandt.	II
25. <i>P. pseudostueneri</i> Backbg.	III
26. <i>P. punae</i> Card.	II
27. <i>P. rauschii</i> Backbg.	II
28. <i>P. rigide</i> Backbg.	III
29. <i>P. rubrifusca</i> Ritt.	II
30. <i>P. salmonea</i> Bradt.	II
31. <i>P. setosa</i> Backbg.	II
32. <i>P. spegazziniana</i> Brandt.	III
33. <i>P. subterranea</i> Ritt.	II
34. <i>P. superba</i> Brandt.	III
35. <i>P. weberiana</i> Brandt.	III
36. <i>P. uhligiana</i> Backbg.	III
37. <i>P. zaletaewana</i> Brandt.	II

9.

ЧИЛИЙСКИЕ КАКТУСЫ

В строгом понимании видов с таким названием и не существует. «Чилийцами» среди кактусов называют несколько родов этих растений, происходящих с западного побережья Южной Америки, то есть с той узкой полосы гор и предгорий, которая тянется от северной части Перу до южной части Чили. Климат здесь резко отличается от климата «заандской» восточной части Южной Америки. Здесь меньше дождей, больше безоблачных дней и ночей с холодными туманами, особенно в горах, здесь, как ни странно, рядом с великим океаном лежат самые засушливые пустыни Америки. Климат Чилийского нагорья отчасти напоминает Мексику и Калифорнию, и кактусы-«чилийцы» отличаются от прочих южноамериканских своим своеобразным видом. В большинстве случаев это темные (темно-зеленые, фиолетовые, почти черные), коричнево-серые, серые и голубовато-серые, даже белые растения а черными, коричневыми, жел-

тыми или белыми шипами и щетинами. Это типичные жители пустыни или сухого высокогорья, приученные природой к зною, мощному ультрафиолетовому излучению, защитой от которого может быть их окраска, толстая кожа с кутикулой, шипы же, как обычно, играют двоякую-тройную роль, являясь и защитой, и накопителями-проводниками влаги, и рассеивателями света.

Наиболее известны из чилийских кактусов виды рода Неочиления (*Neochilenia* Backbg., 1949), еще недавно считавшиеся редкостями, а ныне заселившие коллекции довольно сильно, так что, например, вид *N. napina* уже ни у кого не вызывает удивления, хотя в книге В. Хаге «Радость с кактусами», упомянутой мною в начале повествования, он обозначался как большая редкость. Неочилении — кактусы довольно однообразные, и большинство видов похожи друг на друга, думается, что коллекция из одних представителей этого рода не вызвала бы большого интереса. Однако среди видов, кроме названного и своеобразно красивого *N. напина*, есть несколько весьма разнообразных — густоопушенная и похожая на мамиллярию *N. дурипульпа* (*N. duripulpa* (Ritt) Backbg.), красивая своими завитыми колючками-«паучками», *N. талталензис* (*N. taltalensis* (Hutch.) Backbg.), черно-фиолетовая, колючая и приближающаяся к видам рода Копиапоа *N. пауцикостата* вариант *виридис* (*N. paucicostata* v. *viridis* (Ritt) Backbg.), еще более колючая *N. андреана* (*N. andreaeana* Backbg.) и некоторые другие. Род этих кактусов, выделенных Бакебергом, можно считать еще неустоявшимся, так как некоторые растения явно тяготеют либо к пародиям, либо к ребуциям, либо к роду Копиапоа, либо к хорридокактусам. Род Хорридокактус насчитывает около тридцати «чилийцев», распространенных в северной и средней части Чили. Это крупные шаровидные растения с твёрдым, как почти у всех пустынных кактусов, стеблем и мощными шипами. Отчасти они напоминают ферокактусы Северной Америки. Еще более красивыми и длинными шипами обладает сходный и явно родственный хорридокактусам род Пиррокактус (*Pyrhocactus* Berg. Backbg., 1929), растущий по другую, восточную сторону Анд, в Аргентине, хотя один вид пиррокактусов имеется и в Чилийском высокогорье, а именно (*P. subaianus* Backbg.).

Далее следует наиболее интересный и разнообразный по коли-

честву видов род со странным названием Копиапоа¹ (*Copiapoa Br. et R.*, 1922), нареченный по местности в Чили, где чаще встречались представители этого рода. Копиапоа теперь уже довольно распространенные растения в коллекциях, родственные указанным выше «чилийцам», однако, коллекционируя их подряд, надо помнить, что и они имеют ряды сходных, едва отличающихся видов, вот почему лучше остановиться на тех, что имеют особенное своеобразие. Такими будут светлый, почти белый с желтыми макушками Копиапоа хазельтониана (*C. haseltoniana Backbg.*), черноколючий Копиапоа цинереа (*C. cinerea (Phil) Br. et R.*), в старости приобретающий голубовато-серый оттенок, Копиапоа вагенкнехти (*C. wagenknechtii Ritt*) с острыми длинными шипами, К. купреа (*C. cuprea*), весь закутанный в шиповатое одеяние, и своеобразный, снабженный розетками шипов, напоминающий ферокактусы Северной Америки К. кокуимбана (*C. coquimbana (Karw.) Br. et R.*).

К перечисленным родам «чилийцев» примыкает небольшой род Райхеокактус (*Reicheocactus Backbg.*, 1942) с тремя видами, род своеобразных густошетиновых кактусов Неопортерий (*Neoporteria Br. et R. emend Backbg.*, 1922—1939), а также высокогорные перуанские растения из родов со странными названиями Оройя, Ислайя, Матукана и Субматукана (*Oroja Br. et R.*, 1922, *Islaya Backbg.*, 1934, *Matucana Br. et R.*, 1922, *Submatucana Backbg.*). Перуанские кактусы, «пользуясь» своим почти экваториальным положением, взбираются высоко в горы, почти до границы вечных снегов. Их находили и на высоте свыше четырех тысяч метров. Особенно красивы из них растения родов Оройя и Ислайя. Первые — плоскошаровидные, густо покрытые желтыми шипами растения; вторые, жители безводных пустынь и нагорий, — овальные и круглые с жесткими острыми желтовато-белыми шипами. Макушки ислайи покрыты густым шерстистым войлоком. Виды матукана, растущие подобно многим высокогорным кактусам кучами и скоплениями среди камней и осыпей, также интересны, но в коллекциях любителей встречаются пока нечасто.

¹ Ряд любителей считает, что произносить следует *копьяпоа*.

Высокогорные кактусы задают желающим их содержать целый ряд загадок. Как, например, создать условия высокогорья или хотя бы приближенные к ним, если ты живешь не на Эльбрусе и не в кишлаках Памира? А кактусы из Перу явно напоминают любителю, что им нужен разреженный, чистейший горный воздух, мощное солнце, потоки ультрафиолетовой и мало ли еще какой радиации, не говоря уже о суточных перепадах температур и строгом экваториальном режиме дня и ночи. Без всего перечисленного они живут, словно бы без каких-то витаминов, хиреют, подвержены нападениям вредителей и грибковым заболеваниям. В теплице им слишком жарко и влажно, на открытом воздухе (а это Урал, где в июне еще бывают заморозки, а в августе они уже бывают), под холодным дождем легко могут простудиться и загнить, на окне оройи, ислайи и матуканы вообще не растут без теплички, на прививках чувствуют себя лучше, но зато деформируются, теряют свойственный им вид, вытягиваются и вообще как будто перерождаются. Этим растениям необходим очень внимательный, вдумчивый уход с пониманием их требований. Содержание летом на открытом воздухе; осенью и весной, а также во время затяжного ненастья — под пленкой в теплице, именно под пленкой, а не под стеклом, так как обычное стекло сильно задерживает ультрафиолетовые лучи. Надо помнить, что чилийские нагорья, пустыни и перуанские выси почти лишены насекомых-вредителей, здесь не распространены грибковые заболевания. Солнечная радиация в сочетании со зноем, сухостью и влажным ночным дыханием океана создает исключительно здоровую атмосферу, и потому чилийско-перуанские кактусы, как и вообще кактусы из пустынь и гор, нуждаются в защитных мерах. Прежде всего, это опрыскивание раствором медного купороса, добавка угля в почву, присыпание углем корней и шейки кактуса и сухая прохладная зимовка. Только так можно культивировать «чилийцев», и успех всегда будет сопутствовать внимательному, пунктуальному, аккуратному любителю.

НАИБОЛЕЕ КРАСИВЫЕ И РЕДКИЕ ЧИЛИЙСКО- ПЕРУАНСКИЕ ВИДЫ

Род СОПАРОА Br. et R., 1922	К
1. <i>C. cinerea</i> (<i>Phil</i>) Br. et R. ¹	II
2. <i>C. montana</i> Ritt. ¹	III
3. <i>C. coquimbana</i> (<i>Karw</i>) Br. et R. ¹	II
4. <i>C. cuprea</i> Ritt. ¹	II
5. <i>C. chanaralensis</i> Ritt.	III
6. <i>C. longispina</i> Ritt.	II
7. <i>C. lembekei</i> Backbg.	II
8. <i>C. marginata</i> (<i>SD</i>) Br. et R.	II
9. <i>C. krainziana</i> Ritt.	II
10. <i>C. hypogaea</i> ¹ Ritt.	II
11. <i>C. haseltoniana</i> Backbg.	III
12. <i>C. scopulina</i> Ritt.	II
13. <i>C. dura</i> Ritt.	II
14. <i>C. columna-alba</i> Ritt.	II
15. <i>C. wagenknechtii</i> ¹ Ritt.	II
16. <i>C. longistaminea</i> Ritt.	II
17. <i>C. tenuissima</i> Ritt.	II
Род HORRIDOACTUS Backbg., 1938	
1. <i>H. crispus</i> (Ritt) Backbg.	II
2. <i>H. engieri</i> Ritt.	II
3. <i>H. echinus</i> (Ritt) Backbg.	II
4. <i>H. marksianus</i> Ritt.	III
5. <i>H. heinrichianus</i> Backbg.	II
6. <i>H. vallenarensis</i> (Ritt) Backbg.	II
Род RIECHEOACTUS Backbg., 1942	
<i>R. pseudoreicheanus</i> Backbg.	II
Род NEOCHILENIA Backbg., 1942	
1. <i>N. aerocarpa</i> (<i>Ritt</i>) Backbg.	III
2. <i>N. napina</i> (<i>Phil</i>) Backbg.	III
3. <i>N. rupicola</i> (<i>Ritt</i>) Backbg.	III
4. <i>N. odieri</i> (<i>Lem</i>) Backbg.	III
5. <i>N. jussieui</i> (<i>Monv</i>) Backbg.	III
6. <i>N. andreaeana</i> Backbg.	III
7. <i>N. duripulpa</i> (<i>Ritt</i>) Backbg.	III
8. <i>N. mitus</i> (<i>Phil</i>) Backbg.	III
9. <i>N. huascensis</i> (Ritt) Backbg.	III
10. <i>N. paucicostata</i> v. <i>viridis</i> (Ritt) Backbg.	III

Род NEOPORTERIA Br. et R. emend Backbg., 1922—1939

1. *N. subgibbosa* (*Haw*) Br. et R. III
2. *N. multicolor* Ritt. III
3. *N. villosa* (*Monv*) Berg¹. II
4. *N. gerocephala* V. Ito¹. III
5. *N. nigrihorrida* (*Backbg.*) Backbg. III

Род PYRRHOCACTUS Berg emend Backbg., 1929

1. *P. subaianus* Backbg. II
2. *P. strausianus* (*K. Sch.*) Backbg. II
3. *P. umadeave* (*Frič*) Backbg. II

Род OROYA Br. et R., 1922

1. *O. peruviana* (*K. Sch.*) Br. et R. III
2. *O. borchersii* (*Böd*) Backbg. III
3. *O. laxiareolata* Backbg. II
4. *O. gibbosa* Ritt. III

Род MATUCANA Br. et R., 1922

1. *M. haynei* (*Otto*) Br. et R. II
2. *M. breviflora* Rauh et Backbg. II
3. *M. variabilis* Rauh et Backbg. II
4. *M. yanganucensis* Rauh et Backbg. II
5. *M. multicolor* Rauh et Backbg. II
6. *M. blancii* Backbg. III

Род SUBMATUCANA Backbg.

1. *S. aurantiaca* (*Vpl*) Backbg. III
2. *S. formosa* (*Ritt*) Backbg. II
3. *S. madisoniorum* (*Hutch.*) Backbg. II
4. *S. myriacantha* (*Vpl*) Backbg. II

Род ISLAYA Backbg., 1934

1. *I. brevicylindrica* Rauh et Backbg. II
2. *I. islayensis* (*Först*) Backbg. II
3. *I. grandiflorens* Rauh et Backbg. II
4. *I. krainziana* Ritt. I

10.

ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЕ ГОРНЫЕ ЦЕРЕУСЫ

Однажды на самой заре своего собирательства я увидел весьма любопытный, можно сказать, останавливающий внимание кактус. Был он похож на ребристый темно-зеленый огурец, а на вершине «огурца» как-то дико и непричесанно во все стороны торчали седые волосы-щетины и сквозь них проступали мощные красноватые шипы. Владелец растения им очень гордился, говорил, что вывез его из Италии или еще откуда-то, и мне надолго запомнился этот чубатый, как старый запорожец, чудный кактус. Больше таких я нигде не встречал. Шли годы, росла моя коллекция, появились книги, и я, наконец, узнал чубатого незнакомца. Им оказался горный цереус из Северной Аргентины — Ореocereус неoцельзианус (*Oreocereus neocelsianus* Backbg.).

Ореocereус был открыт в середине прошлого столетия Бриджесом, а вслед за этим замечательным короткостолбчатым кактусом, который не бывает более метра высотой, но зато образует в старшем возрасте колонию стеблей, последовали открытия других не менее замечательных густоопушенных или, напротив, голых и шиповатых ореocereусов, так что род их насчитывает сейчас 6—7 видов с несколькими разновидностями. Наиболее известны в коллекциях ореocereусы тролли, максимус, хендриксенианус и фоссулатус (*O. trollii* (Kupp.) Backbg., *O. maximus*, *O. hendriksenianus* Backbg., *O. fossulatus* (lab.) Backbg.).

Вслед за ореocereусами в Европу были вывезены вновь открытые горные цереусы из Боливии, Перу, Аргентины, а в двадцатом веке и до сих пор Южная Америка становится основным поставщиком все новых и новых родов и видов кактусов, ибо гигантская горная система Анд и внутренние области Бразилии детально никем не были обследованы и это исследование ведется сейчас планомерно, многими кактусоводческими фирмами и отдельными экспедициями энтузиастов. Находки следуют ежегодно, и каталоги зарубежных фирм пестрят новыми, еще не описанными кактусами под номерами, что вносит немалую путаницу, неразбериху в кактусоводство.

Наиболее красивые горные цереусы, принадлежащие уже к другим родам, не могут быть описаны на нескольких страницах, для этого понадобилось бы многотомное издание. Могу лишь перечислить основные роды и вынести в конец главы самые красивые виды южноамериканских цереусов. Таковы род Эспостоя и Псевдоэспостоя из Перу и Эквадора, прекрасные мощные кактусы, закутанные в белые опушения, через которые проглядывают красные или желтые шипы. Эспостоя образуют цефалии-утолщения, где и возникают их цветы. Таковы оригинальные аустроцефалocereусы, также с белым серебристым опушением; многочисленные клейстокактусы со светлым, сероватым, желтым, желто-зеленым и просто разнообразно колючим опушением; таковы хагеocereусы, растущие и не только в горных районах Перу, и многие другие.

Виды горных цереусов разнообразны по прихотливости и требовательности, однако можно сказать, что все эти растения можно выращивать без прививки (исключение составляют, пожалуй, аустроцефалocereусы), а рекомендации некоторых авторов, пишущих, что, например, ореocereусы надо выращивать чуть ли не в камне, в бедной почве и т. д., совершенно неверны. Все горные кактусы любят почву питательную — примерно из четверти листовой, четверти торфяной, четверти глинисто-дерновой и четверти песка с гравием и кирпичной крошкой. Как все горные экваториальные виды, они имеют один довольно длинный период роста с марта — апреля по ноябрь и отдыхают с конца ноября до середины марта, апреля. Зимовка не должна быть слишком холодной, а мороз эти кактусы в отличие от многих североамериканских не выносят. Автору непонятны встречающиеся в литературе требования выращивать белоопушенные виды под колпаками из стекла или пленки. Белое опушение кактуса зависит не от того, что он закрыт, а от правильного содержания. Серыми кактусы становятся в грязной, сухой атмосфере, и кроме того, это почти всегда значит, что у них поражены корни. На чистом воздухе в теплице, на даче и вообще там, где достаточно влажности, кактусы остаются белоопушенными. Летом они любят тепло, полное солнце и притенение к вечеру (короткий экваториальный день) и потому лучше всего растут на восточных и южных окнах.

Точно такого же обращения требуют и сеянцы. В питательной земле они растут исключительно мощно, и, например, Ореоцереус неоцельзианус или эспостоа достигают к двухлетнему возрасту пятнадцати сантиметров высоты при пяти (у ореоцереуса) сантиметрах в поперечнике. Такой рост без прививки обеспечивается соблюдением всех правил режима ухода и подкормки.

НАИБОЛЕЕ КРАСИВЫЕ И РАЗНООБРАЗНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЮЖНОАМЕРИКАНСКИХ ЦЕРЕУСОВ

Род OREOCEREUS Berg et Ricc, 1909	K
O. neocelsianus (<i>Berg et Ricc</i>) Backbg.	II
O. hendriksenianus Backbg.	II
O. maximus Backbg. ¹ .	II
O. trollii (<i>Kupp</i>) Back ¹ .	II
Род AUSTROCEPHALOCEREUS Backbg.	
A. dybowski (<i>Goss</i>) Backbg.	II
A. lehmannianus (<i>Werd</i>) Backbg.	II
A. purpureus (<i>Gürke</i>) Backbg.	II
A. albicephalus Buin et Bred ¹ .	II
Род CLEISTOCACTUS Lem. 1861	
Cl. strausii (<i>Heese</i>) Backbg. ¹ .	III
Cl. baumannii (<i>Lem</i>) Lem.	IV
Cl. smaragdiflorus (<i>Web</i>) Br. et R. ¹ .	III
Cl. wendlandiorum ¹ Backbg.	III
Cl. variispinus Ritt.	III
Cl. azerensis Card.	III
Род EULYCHNIA Phil	
E. aricensis Ritt.	II
E. longispina Ritt.	II
E. saint-pieana Ritt.	II
E. floresiana Ritt. ¹ .	II
Род ESPOSTOA Br. et R. emend Werd, 1920	
E. lanata (<i>Hbk</i>) Br. et R.	II
E. ritteri Buin. ¹ .	II
E. mirabilis Ritt.	II
E. procera Rauh et Backbg.	II

Род PSEUDOSPOTEA Backbg., 1934	
<i>P. melanostele (Vpl) Backbg»</i>	II
<i>P. nana (Ritt) Backbg¹.</i>	II
Род STETSONIA Br. et R.	
<i>S. coryne (SD) Br. et. R.¹.</i>	II
Род WEBERBAUEROCEUS Backbg., 1942	
<i>W. winterianus Ritt.</i>	III
<i>W. longicomus Ritt.</i>	III
Род HAAGEOCEREUS Backbg., 1942	
<i>H. chosicensis (Werd et Backbg) Backbg.</i>	III
<i>H. versicolor (Werd et Backbg) Backbg.</i>	III
<i>H. ferox Ritt¹.</i>	III
<i>H. montana Ritt.</i>	III
<i>H. variabilis Ritt.</i>	III
<i>H. setosus (Akers) Backbg¹.</i>	III
<i>H. viridiflorus (Akers) Backbg.</i>	II
<i>H. akersii Backbg.</i>	II
<i>H. multicolorispinus Buin.</i>	II

11.

ЭХИНОПСИСЫ, ЛОБИВИИ, РЕБУЦИИ И ДРУГИЕ

Растения эти, особенно первые, известны всякому. С них начинается и большое и малое кактусоводство, с ними не расстаются, я встав на путь опытного любителя, и эхинопсис верно служит уже не как единственный и первый экземпляр «коллекции», но как надежный испытанный подвой для самых прихотливых видов. Заботливые любители выращивают эхинопсисы для подвоев целыми ящиками. Вряд ли нужно описывать эти круглые или цилиндрические растения, давным-давно потерявшие видовую принадлежность. Эхинопсисы довольно многочисленны, хотя и не слишком разнообразны по внешнему виду. Это выносливые растения из Аргентины, Боливии, Уругвая, Парагвая, одними из первых доставленные в Европу вместе с мелокактусами, на которые они очень похожи, пока у мелокактусов нет цефалия.

Однако цветы эхинопсисов совершенно не похожи на цветы мелоактуса, ибо отличаются большой, даже огромной величиной, воронковидной формой, раскрываются ночью, как цветы селеницереуса, и столь же недолговечны. Цветы растут из шерстистых бутонов, которые появляются у растений обычно по бокам стебля и лишь при правильном содержании с прохладной сухой зимовкой. Эхинопсисы, которые зимой содержатся в тепле, а главное, обильно поливаются, растут и зимой, принимая вытянутую, уродливую форму, цвести такие растения никогда не будут, так как не проходят период отдыха. Не цветут эхинопсисы и выращиваемые в чрезмерно жирной листово-перегнойной земле. Здесь они покрываются детками (излишек азота), такой облепленный детками эхинопсис может быть красив, но цветет очень редко. В общем, нужно признать, что это безмерно выносливые растения и недаром они так распространены, ибо каждая детка, часто имеющая готовый зачаток корня, укореняется очень легко и растет даже без соблюдения элементарных правил ухода везде и всюду. Иные любители пренебрегают эхинопсисами, не включают их в коллекции, хотя среди этих растений есть очень интересные и красивые виды — либо совсем почти без колючек, как, например, Эхинопсис вердермани, или, напротив, с очень длинными до семи сантиметров красивыми шипами, как светло-зеленый остроресный Эхинопсис чакоана.

Если эхинопсисы знает каждый, то близкие к ним псевдолобии, лобивии и медиолобивии знакомы лишь опытным кактусодам. По преимуществу это горные кактусы из Перу, Боливии и аргентинских Анд. Псевдолобивии вообще раньше объединялись с эхинопсисами и выделены в особый род сравнительно недавно. Фактически это горные эхинопсисы с красивыми дуговидными шипами или крючковатыми колючками. Псевдолобивии в свою очередь составляют переход к собственно лобивиям, обширному роду кактусов, делящемуся на подроды и группы видов. Систематика рода довольно сложна, число видов перевалило за сотню, Бакеберг выделяет два подрода с пятнадцатью рядами или группами.

Лобивии при всем их разнообразии (имеются виды с длинными мощными шипами, виды с короткими колючками, виды густоопушен-

ные или почти голые, темно-зеленые и желтовато-зеленые, шаровидные и столбчатые) имеют и много общего. В большинстве своем это круглые и короткостолбчатые кактусы заурядной внешности, красивые лишь во время цветения, когда они покрываются желтыми, красными, реже белыми длинными, как у эхинопсисов, или более укороченными цветами. Некоторые виды имеют множество вариантов, как, например, Лобивия фаматимензис. Собрание лобивий может быть весьма интересным, если подбирать разнородные виды.

Близко к лобивиям примыкает род Медиолобивия (*Mediolobivia* Backbg., 1934) — небольшие горные кактусы, образующие сращения стеблей, не слишком разнообразные и к тому же весьма прихотливые.

Род Айлостера (*Aylosteria* Speg.) стоит как бы между лобивиями и ребуциями и содержит круглые кактусы с цветными колючками и своеобразными цветами.

Род Ребуция (*Rebutia* K. Sch., 1895) замыкает эту группу родственных родов горных растений и широко известен неприхотливыми мелкими округлосплюсненными, а главное, богато цветущими кактусами, которые одними из первых появляются во всех коллекциях.

На ребуциях не заканчивается связь южноамериканских горных кактусов друг с другом, ибо следом идут виды из рода Сулькоребуция (*Sulcorebutia* Backbg., 1942), представляющие переход к группе чилийских кактусов.

Что же объединяет все эти роды?

Первое — то, что растения эти горные и высокогорные. Некоторые из них взбираются на высоту до пяти тысяч метров, высоту, редкую для высших растений, возможную лишь в горах на экваторе и вблизи него. Это растения короткого дня, нуждающиеся в световом режиме. Всем им нужен предельно чистый воздух и суточные перепады температур (теплый день, холодная ночь). Многие из них растут тесными сообществами, особенно лобивии и ребуции. В то же время некоторые (ребуции) растут в траве и требуют притенения. Все высокогорные кактусы не слишком любят жару и растут более активно в весенние и осенние месяцы. Большинство их образуют цветы не из верхних, а из боковых ареол.

Многие лобивии и псевдолобивии из-за их прихотливости необходимо прививать. Вообще же горным кактусам нужно как можно больше свежего воздуха, солнца, летнего дождя и содержания на открытом месте, в крайнем случае под пленкой, пропускающей ультрафиолетовые лучи. Зимой — прохлада и сухость. В темном месте эти кактусы теряют свою привлекательность, зато при соблюдении перечисленных правил ухода обогащают коллекцию очень красивыми экземплярами.

НАИБОЛЕЕ КРАСИВЫЕ И РАЗНООБРАЗНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДОВ ЭХИНОПСИС, ПСЕВДОЛОБИВИЯ, ЛОБИВИЯ, МЕДИОЛОБИВИЯ, АЙЛОСТЕРА, РЕБУЦИЯ, СУЛЬКОРЕБУЦИЯ и др.

Род ECHINOPSIS Zucc, 1837 K

1. <i>E. brasiliensis</i> Frič et Pazout.	IV
2. <i>E. chacoana</i> Schütz.	IV
3. <i>E. multiplex</i> (Pfeiff) Zucc.	IV
4. <i>E. oxygocha</i> (Link) Zucc.	IV
5. <i>E. paraguayensis</i> Mundt.	IV
6. <i>E. silvestrii</i> Speg.	IV
7. <i>E. turbinata</i> (Pfeiff.) Zucc.	IV

Род PSEUDOLOBIVIA (Backbg.) Backbg., 1942

1. <i>P. ancistrophora</i> (Speg) Backbg.	III
2. <i>P. aurea</i> (Br. et R) Backbg.	III
3. <i>P. carmineoflora</i> Hoffm et Backbg.	III
4. <i>P. ferox</i> (Br. et R) Backbg.	III
5. <i>P. fiebrigii</i> (Gürke) Backbg.	III
6. <i>P. kermesina</i> Krainz.	III
7. <i>P. longispina</i> (Br. et R) Backbg.	III
8. <i>P. polyancistra</i> (Backbg.) Backbg.	III
9. <i>P. torrecillasensis</i> (Card) Backbg.	III
10. <i>P. wilkeae</i> Backbg.	III

Род LOBIVIA Br. et R., 1922

1. <i>L. acanthoplegma</i> (Backbg.) Backbg.	III
2. <i>L. argentea</i> Backbg.	III
3. <i>L. boliviensis</i> Br. et R.	III
4. <i>L. famatimensis</i> (Speg.) Br. et R.	IV
5. <i>L. friči</i> Bauschk.	III

6. <i>L. haageana</i> Backbg.	III
7. <i>L. pugionacantha</i> (<i>Rose et Böd</i>) Backbg.	III
8. <i>L. rigidispina</i> Backbg.	III
9. <i>L. sanguiniflora</i> Backbg.	III
10. <i>L. schieliana</i> Backbg.	III
11. <i>L. tiegeliana</i> Wessn.	III
12. <i>L. jajoiana</i> Backbg.	III
13. <i>L. vanurkiana</i> Backbg.	III
14. <i>L. wrightiana</i> Backbg.	III
Род ACANTHOLOBIVIA Backbg., 1942	
1. <i>A. tegeleriana</i> (<i>Backbg.</i>) Backbg.	III
Род ACANTHOCALYCIUM Backbg., 1935	
<i>A. violaceum</i> (<i>Werd</i>) Backbg.	IV
Род MEDIOLOBIVIA Backbg., 1939	
1. <i>Ml. auranitida</i> (<i>Wessn</i>) Krainz.	IV
2. <i>Ml. aureiflora</i> (<i>Backbg.</i>) Backbg.	IV
3. <i>Ml. costata</i> (<i>Werd</i>) Krainz.	IV
4. <i>Ml. elegans</i> Backbg.	IV
5. <i>Ml. ritteri</i> (<i>Wessn</i>) Krainz.	IV
Род AYLOSTERA Speg., 1923	
1. <i>A. albiflora</i> (<i>Ritt et Buin</i>) Backbg.	III
2. <i>A. fiebrigii</i> (<i>Gürke</i>) Backbg.	IV
3. <i>A. muscula</i> (<i>Ritt et Thiele</i>) Backbg.	III
4. <i>A. kupperiana</i> (<i>Böd</i>) Backbg.	IV
5. <i>A. pseudodeminuta</i> (<i>Backbg.</i>) Backbg.	IV
6. <i>A. spegazziniana</i> (<i>Backbg.</i>) Backbg.	IV
7. <i>A. spinosissima</i> (<i>Backbg.</i>) Backbg.	IV
Род REBUTIA K. Sch., 1895	
1. <i>R. grandiflora</i> Backbg.	IV
2. <i>R. kariusiana</i> Wessn.	III
3. <i>R. krainziana</i> Kesselr.	IV
4. <i>R. marsoneri</i> Werd.	III
5. <i>R. senilis</i> Backbg.	IV
6. <i>R. violaciflora</i> Backbg.	IV
7. <i>R. wessneriana</i> Bewg.	IV
Род SULCOREBUTIA Backbg., 1951	
1. <i>S. alba</i> Rausch.	III
2. <i>S. caniguerallii</i> (<i>Card</i>) Backbg.	III
3. <i>S. crispata</i> Rausch.	II
4. <i>S. flavissima</i> Rausch.	III

5. <i>S. frankiana</i> Rausch.	II
6. <i>S. lepida</i> Ritt.	III
7. <i>S. taratensis</i> (Card.) Backbg.	III
8. <i>S. rauschii</i> Frank.	II
9. <i>S. verticillacantha</i> Ritt.	III

12.

ГИМНОКАЛИЦИУМЫ

Когда я впервые услышал это название, оно поразило меня некой кажущейся неправильностью произношения и словно бы излишней сложностью, точно так же, как «эхинофоссулокактус». Хотелось мне говорить «гипнокалициум», и я долго привыкал к новому названию, точно так же, как к произношению на латинский манер слов «цереус» или «фрайлея». Но кактусы эти все-таки хотелось достать, ибо в книге В. Хаге говорилось о них много интересного и в первую очередь, что гимнокалициумы неприхотливы и «цветут без устали».

Во время своего первого путешествия за кактусами в Прибалтику я увидел гимнокалициумы на базаре — там торговали кактусами загорелые мордастые дяденьки, причем ассортимент растений был удручающе невелик, кое-какие мамиллярии, отростки клейстокактусов и опунций. Но надо помнить, что тогда, в пятидесятые годы, и это были кактусы — прекрасные, изумительные, замечательные растения. В маленькой мисочке у одного из торговцев отдельно сидели плоские кругляшки с черными изогнутыми и похожими на паучьи лапки колючками. «Паучки» были темно-зеленые, и очень понравились мне, я и не предполагал, что по-словацки, например, гимнокалициум так и называется «пауковец».

— Что это у вас? — спросил я, указав на плоску с паучками.

— О-о! Эitto рэтки! Очень рэтки кактусы... Эitto... гимнокалициум! Дорого... — был ответ.

Но что такое «дорого» для любителя?.. Итак, первый гимнокалициум я раздобыл. И здесь же, в Риге, обзавелся еще одним видом этого рода — Гимнокалициум Михановича (*G. mihanovichii*), который своей окраской напоминал шлифованное изделие из темного камня, не то нефрита, не то агата.

Заняться же гимнокалициумами вплотную пришлось значительно позже, когда моя коллекция уже насчитывала двести видов и сам я превратился в искушенного сеятеля. Помню, что наибольшая трудность была в различении видов этих кактусов, так как многие присылаемые мне семена оказывались на удивление разными в смысле получаемых результатов. К примеру, и сейчас в моей коллекции есть четыре гимнокалициума, обозначенные как Гимнокалициум флейшериянум (*O. fleischerianum*), однако все растения очень разные, и ни одно не похоже на типичный гимнокалициум этого вида. Наверное, гимнокалициумы, как растения, образующие цепи видов, «переходящие друг в друга», нужно особенно оберегать от межвидовой гибридизации, иначе виды могут просто раствориться в мешанине гибридов, ни один из которых не бывает лучше, чем основные, образующие гибрид.

Коллекция моих гимнокалициумов (видов 35—40) собралась постепенно, как бы сама собой. Одни виды я вырастил, другие приобрел сеянцами, третьи купил готовыми растениями. Но тут-то я и столкнулся с целым рядом непредвиденных трудностей — ведь ждал я от этих растений легкой и радостной жизни. Во всех руководствах сказано, что гимнокалициумы «очень выносливы», «дружно цветут», «без конца радуют дружным цветением» и т. д. На деле же они оказались капризнейшими растениями. Что они делали дружно и охотно, так это теряли корни, загнивали, подгорали, отказывались не только цвести, но и расти. Я ломал голову над их проделками, пересаживал, пробовал все виды земли, ставил на полное солнце, убирал в тень, удобрял, не удобрял, пока не отыскал глазную причину — нездоровая земля, полная нематод, личинок мух и трипсов и разного рода грибков. Устранив эту причину пропариванием земли, я нашел, наконец, две формулы почвы — одну для гимнокалициумов из саванны и степи, другую для горных видов, более любящих глинистую землю. Третье правило пришло само собой, ибо покрытые пятнами ожогов растения яснее ясного говорили, что страдают от солнца на моих западных окнах. А главное, собственные сеянцы, выращенные в стабильных условиях и под постоянным наблюдением, оказались самыми лучшими. Наблюдая за их ростом, кстати довольно быстрым, я изучил многие особен-

ности этих сплюснутых, широких, бугорчатых кактусов и, наконец, добился того, что гимнокалициумы начали цвести действительно все лето непрерывно, белыми, розовыми, сиреневыми и красными цветами.

Цветок гимнокалициума возникает из оригинальной булавоподобной почки, которая, а лучше сказать которые, вырастают на вершине и вблизи вершины, а затем раскрываются тремя-четырьмя нежными большими по сравнению с растением и какими-то особенно приятными, благородными цветами. По моим наблюдениям, гимнокалициумы, кроме, может быть, видов Г. флейшеранум и Г. денудатум, из тропических районов Бразилии и Парагвая, не нуждаются в укороченном дне летом и в подсвечивании зимой, однако содержать гимнокалициумы надо в умеренной сухой прохладе, иначе они не набирают бутоны и не цветут. Как в чрезмерно кислой земле, так и особенно в щелочной, гимнокалициумы теряют корни, поэтому следует их поливать или дождевой водой, или воду для полива из водопровода обязательно кипятить и подкислять лимонной (азотной) кислотой.

Систематика большого и многообразного рода Гимнокалициум до сих пор сложна, запутана и, на мой взгляд, несовершенна. Род делится на пять подродов, некоторые из них подразделяются на секторы. Главным признаком, по которому род подразделяется, служит величина семян и их форма. Существует довольно сложная таблица, в которой объединены все виды и подвиды гимнокалициумов, открытые на сегодня, однако она может представлять интерес лишь для кактусоводов, специализирующихся на этих растениях.

Думается, что коллекция из одних гимнокалициумов была бы незаурядным явлением, но имела бы тот же недостаток, что и коллекция одних лобивий или мамиллярий, то есть была бы несколько однообразной; Многие виды гимнокалициумов похожи друг на друга и различаются незначительно, а потому стоит, наверное, собирать виды наиболее контрастные. Таких наберется немало, достаточно сравнить, меж собой хотя бы виды Г. денудатум (*G. denudatum*), Г. Михановича (*G. mihanovichii*), Г. пунгенс (*G. pungens*), Г. саглионе (*G. saglione*), Г. брухи (*G. bruchii*),

Г. спегаззинии (*G. spegazzinii*) и Г. хорридиспинум (*G. horridispinum*). Все эти растения настолько разные, что могут показаться представителями различных родов.

Зато цветение гимнокалициумов сразу обнаруживает родство, так как все цветы имеют одинаковое строение и окраску, от чисто-белого, розового до ярко-красного тонов.

Распространены гимнокалициумы очень широко от лесистых саванн Бразилии до холодных степей Патагонии, где растут несколько выносливых к небольшим морозам видов. Главная масса гимнокалициумов встречается в Аргентине, причем растения эти есть и в горах, и на равнинах, по долинам рек в сухих степях и, возможно, даже в заболоченных районах. Почти все они растут среди кустарников, трав, в тени деревьев, термитников, скал и камней. На родине они выносят и полное солнце, однако в коллекциях, особенно после зимовки, очень страдают от солнечных лучей, в первую очередь на западных незатененных окнах.

К гимнокалициумам и, возможно, к нотокактусам примыкают или стоят несколько обособленно еще два рода очень небольших южноамериканских кактусов — фрайлей и блоссфельдии (*Frailea Br. et R.*, 1922; *Blossfeldia Werd.*, 1937). Это маленькие и совсем крошечные растения. Фрайлей по строению семян и цветов обнаруживают сходство с североамериканскими астрофитумами (семена крупные и похожи на челночек). Цветы фрайлей могут образовывать семена не только без перекрестного опыления, но и не раскрываясь вообще (раскрываются только в очень жаркую погоду), достаточно, чтобы был развитый бутон. Несмотря на свою невзрачность, это прихотливые растения, которые требуют такого же заботливого ухода, как любые редкости. Особенно надо беречь фрайлей от грибковых заболеваний. На прививке растут очень хорошо и становятся более крупными, чем корнесобственные растения. Все, что сказано о фрайлях, относится и к блоссфельдиям, выращивать которые сеянцами без прививки очень трудно.

Примыкает к гимнокалициумам довольно странный род горных кактусов Вайнгартия (*Weingartia Werd.*, 1937) — растения, напоминающие и гимнокалициумы, и пародии, и лобивии. По-видимому, здесь еще нет ясности и точности в определении и отборе видов,

за исключением тех, которые давно известны. Кактусы эти считаются богато цветущими, однако требуют внимательного ухода, как лобивии или прихотливые гимнокалициумы.

НАИБОЛЕЕ КРАСИВЫЕ И РАЗНООБРАЗНЫЕ КАКТУСЫ РОДОВ ГИМНОКАЛИЦИУМ, БРАХИКАЛИЦИУМ, ВАЙНГАРТИЯ, ФРАЙЛЕЯ и др.

Род GYMNOCALYCIUM Pfeif, 1846	К
1. <i>G. andreae</i> (Böd) Backbg.	III
2. <i>G. anisitsii</i> (K. Sch.) Br. et R.	III
3. <i>G. asterium</i> Y. Ito.	III
4. <i>G. bayrianum</i> Till.	II
5. <i>G. baldianum</i> (Speg) Speg.	III
6. <i>G. bodenbenderianum</i> (Hoss) Berg.	III
7. <i>G. bruchii</i> (Speg.) Hoss.	III
8. <i>G. calochlorum</i> (Böd) Y. Ito.	III
9. <i>G. cardenasianum</i> Ritt.	II
10. <i>G. chubutense</i> (Speg) Speg.	II
11. <i>G. damsii</i> (K. Sch.) Br. et R.	IV
12. <i>G. denudatum</i> (Lk et O) Pfeiff.	II
13. <i>G. fleischerianum</i> Backbg.	III
14. <i>G. gibbosum</i> v. <i>nobile</i> (Haw) Y. Ito.	III
15. <i>G. grandiflorum</i> Backbg.	III
16. <i>G. griseo-pallidum</i> Backbg.	II
17. <i>G. horridispinum</i> Frank.	III
18. <i>G. horstii</i> Buin.	II
19. <i>G. hybopleurum</i> (K. Sch.) Backbg.	III
20. <i>G. intertextum</i> Backbg.	III
21. <i>G. izozogsii</i> Card.	II
22. <i>G. lagunillasense</i> Card.	III
23. <i>G. marquezii</i> Card.	III
24. <i>G. marsoneri</i> (Frič) Y. Ito.	III
25. <i>G. mihanovichii</i> (Frič et Gürke) Br. et R.	III
26. <i>G. mostii</i> (Gürke) Br. et R.	III
27. <i>G. multiflorum</i> (Hook) Br. et R.	III
28. <i>G. pflanzii</i> (Vpl) Werd.	II
29. <i>G. pseudo-malacocarpus</i> Backbg.	II
30. <i>G. pungens</i> Fleischer.	III
31. <i>G. saglione</i> (Cels) Br. et R.	II
32. <i>G. spegazzinii</i> Br. et R.	II

33. <i>G. vatteri</i> Buin.	II
34. <i>G. zegarrae</i> Card.	III
Род BRACHYCALYCIUM Backbg.	
1. <i>B. tilarens</i> (Backbg.) Backbg.	II
Род FRAILEA Br. et R., 1922	
1. <i>F. albicolumnaris</i> Ritt.	III
2. <i>F. cataphracta</i> (Dams) Br. et R.	III
3. <i>F. castanea</i> Backbg.	II
4. <i>F. colombiana</i> (Werd) Backbg.	IV
5. <i>F. curvispina</i> Buin et Bred.	III
6. <i>F. gracillima</i> (Monv ex Lem) Br. et R.	IV
7. <i>F. pygmaea</i> (Speg.) Br. et R.	IV
Род WEINGARTIA Werd, 1937	
1. <i>W. lanata</i> Ritt.	II
2. <i>W. longigibba</i> Ritt.	III
3. <i>W. multispina</i> Ritt.	III
4. <i>W. neocumingii</i> Backbg.	II
5. <i>W. riograndensis</i> Ritt.	III
6. <i>W. torotorensis</i> Card.	III
7. <i>W. vilcayensis</i> Card.	III
Род BLOSSFELDIA Werd, 1937	
1. <i>B. liliputana</i> Werd.	II
2. <i>B. campaniflora</i> Backbg.	II

13.

ОПУНЦИИ И ТЕФРОКАКТУСЫ

С опунций началось и опунциями заканчивается мое повествование о кактусах. Обычно коллекционеры крупного масштаба предпочитают не держать опунции в своих собраниях, ссылаясь на то, что они занимают много места, однообразны, требуют крупномерной посуды и пр. Опунции прочно держатся на окнах любителей поскромнее и всех тех, кто именует «кактусами» собрание всевозможных растений, хоть сколько-то напоминающих жителей пустыни. Всякого рода толстянки, крассулы, стапелии, гаворции, эхеверии, бриофиллюмы растут там, тешат взоры и сердца... Не будем,

однако, высокомерно ополчаться на таких любителей: именно отсюда, из этой многомиллионной рати, и выходят и появляются коллекционеры-знатоки, которые решаются перешагнуть первый барьер незнания, а дальше — пойдет... Опунция, неперенный член всех первичных собраний кактусов, таким образом, очень часто является двигателем к подлинному и системному кактусоводству, а поскольку ныне оно расширяется и процветает, клубы кактусоводов роятся, как грибы после дождя, организуются выставки, семинары, конференции, есть уже и республиканские объединения кактусоводов — значит, роль опунции возрастает и авторитет ее непоколебим.

Однако, если разобраться повнимательнее, зачастую утрата интереса к опунциям объясняется вовсе не их однообразием. Попробуйте достать семена интересных опунций, а тем более родственных им тефрокактусов, и вы сразу встанете в тупик. Семян нет. Ныне уже можно купить, пусть по высокой цене, почти любой кактус из подсемейства цереусовых, а редкую опунцию или тефрокактус почему-то не имеют в своих наборах даже кактусоводы-дельцы. Разнообразие же форм и видов опунциевых ничуть не меньше, чем цереусовых, принимая во внимание, что самих опунций и тефрокактусов раз в десять меньше, примерно четыреста видов.

Именно опунции населяют Америку «от края и до края», именно они, после мощных цереусов, — самый заметный элемент американского ландшафта, и они же самые распространенные за пределами Америки, растущие ныне в одичалом состоянии в Африке, Южной Азии и по Средиземноморскому побережью Европы. Опунции были даже чем-то вроде бедствия в Австралии, но об этом уже много писалось, и автор не хотел бы повторяться. Жизнестойкость этих растений часто поразительна. Так, однажды я забыл убрать в дом опунцию неизвестного мне вида, которая хорошо росла в парнике без стекла. В ту осень на Урале рано ударили морозы, выпал снег, и, увидев почерневшее сморщенное растение, я даже не попытался его оттаивать или выкапывать. Зима была многоснежная, термометр на даче показывал — 40—45 градусов... Читатель, вероятно, ждет, что опунция все-таки сохранилась. Нет. Она погибла, вернее, погибла вся ее надземная часть, но от кор-

невой шейки, где сохранилось несколько жизнеспособных ареол, все-таки появились на свет в мае новые яркие побеги. Так опунция перезимовала на Среднем Урале. По рассказам, эта же опунция, по-видимому *O. compressa*, будучи укрытой и толсто засыпанной снегом в мягкую зиму, лишь незначительно подмерзает. Разумеется, Урал не Австралия, и опасаться, что опунция распространится на наших полях, более чем смешно, даже все опыты разведения этого растения в Средней Азии пока не идут дальше благих мечтаний. Однако жизнестойкость опунций можно считать доказанной и фактом их распространения на окнах в сообществах со столь же выносливыми эхинопсисами.

Опунции, известные многим, немногочисленны. Обычно это три-четыре вида, такие, как *O. робуста* (*O. robusta*), *O. лейкотриха* (*O. leucotriha*), *O. микродазис* (*O. microdasys*) — последняя особенно распространена во многих коллекциях и имеет варианты с красными, желтыми, темно-коричневыми и светлыми «пуговками» ареол. Зато других и часто замечательно красивых опунций с длинными шипами, беловолосистых с оригинальными цилиндрической формы члениками в коллекциях почти не увидишь.

Нужно заметить, что десяток-два оригинальных опунций, особенно некрупных видов, способны украсить самую прихотливую коллекцию и, более того, без опунций коллекцию кактусов вряд ли можно считать достаточно полной. Любителям следует знать, что опунции бывают и столбовидные, подобные цереусам. Таковы цилиндропунции и аустроцилиндропунции, среди которых много очень интересных видов.

Еще более привлекательными и своеобразными растениями являются тефрокактусы, около ста видов которых населяют горы Южной Америки. Многие виды тефрокактусов высокогорные, поднимающиеся до границы вечных снегов. Встретить тефрокактусы можно на всем протяжении Анд от Перу до Магелланова пролива. Растения эти почти всегда образуют скопления или дернины, как, например, белоопушенный, образующий сращения стеблей Тефрокактус флоккозус (*T. floccosus*) или Тефрокактус раухи, имеющий округло-столбовидные членики, покрытые белой шерстью. В отличие от опунций тефрокактусы имеют не лепешковидные и не цилиндри-

ческие побеги, а круглые или овально-округлые, легко отламывающиеся членики. Они могут быть покрыты острыми, длинными шипами, бумагоподобными колючками, белыми волосками и щетинами, что придает растениям необычайно декоративный вид.

Одни тефрокактусы, как правило, мелкочленистые и неопушенные, превосходно растут на собственных корнях и посаженные в широкие плоски, кустятся дернинами из овальных зеленых члеников, другие, подобно опунциям, — «ветвящиеся» на одном более крупном стволе. Отломленные членики не нужно сильно заглублять в землю, ибо тефрокактусы дают корни из ареол. Многие тефрокактусы в наших условиях образуют корни трудно, особенно наиболее декоративные виды с белыми и бумагоподобными колючками. Их надо либо прививать на мощно растущую опунцию, либо, вооружась терпением, изучать их прихоти и добиваться успешного роста, соблюдая все возможные условия, приближенные к естественным. Чрезмерный полив им вреден, зато влажный воздух и опрыскивание необычайно полезны, а белоопушенные виды и виды с бумагоподобными колючками, очевидно, умеют извлекать влагу из воздуха, вот почему их корни слабы и служат не столько для питания, сколько для прикрепления растений.

Особенность тефрокактусов, как всех пустынных и горных видов, — они очень болезненно реагируют на перемену места и положения по отношению к солнцу. Постоянством места для растений многие кактусоводы пренебрегают, мы как будто забываем, что растения — это не животные, обладающие способностью активного движения, что растения с появления на свет «обречены» на неподвижность, а значит, раз и навсегда строго сориентированы по сторонам света, по отношению к солнцу, преобладающим ветровым течениям, и, кто знает, может быть, столь же строго и зависимо должны они быть сориентированы по отношению к Луне, звездам, космосу вообще и к силовым линиям не ощущаемого нами, но, возможно, хорошо ощущаемого растениями магнитного поля, к атмосферному давлению и т. п.

Ведь известно, что и люди, из числа наиболее чувствительных, болезненно переносят перепады давления, всякого рода передраги

на Солнце, а хорошо спят лишь в определенном положении к сторонам света и силовым линиям. Известно также, как человек реагирует на всякого рода переселения, скажем, из солнечной квартиры в квартиру с северными окнами. Но человек — существодвигающееся и способное немедленно выразить свое неудовольствие, ему гораздо легче приспособиться или избежать чего-то. Растение же не имеет такой возможности, реагирует медленнее, вынуждено «молча терпеть»...

Вот почему умение правильно растить зеленое создание — это прежде всего способность широко мыслить, знать физиологию растений, видеть и понимать их мельчайшие «grimасы», их настроение и состояние, не столько пытаться «заставить» расти в необычных и малопригодных условиях, сколько стараться имитировать условия природные, в которых растение существовало многие тысячелетия и даже миллионы лет.

Пластичность и приспособляемость растений к новым и необычным условиям всегда меньше, чем пластичность и приспособляемость животных, — эту простую истину надо знать каждому и особенно кактусоводу.

Наибольшей приспособительной силой обладают растения молодые и сеянцы, а также прогрессирующие виды. Виды редкие и старые, древние, реликтовые — наиболее консервативны во всех отношениях. Чем больше таким видам создается стабильных условий, тем лучше, тем они долговечнее, тем они успешнее растут. И опять сказанное относится ко всему живому.

Возвращаясь к тефрокактусам, хотел бы заметить, что лучше всего они растут на плодородных почвах из половины гумусово-торфяной и половины глинисто-дерновой земли с большим количеством песка, гравия, угля и кирпичной крошки. Земля должна быть как можно более рыхлой и проницаемой.

В общем, опунции и тефрокактусы еще ждут своих коллекционеров. Главное же сегодня — семена кактусов. Дайте любителям возможность без ограничений, по доступным ценам приобретать семена, и у нас будут, уже есть такие мастера-кактусоводы, каких не знают страны Европы и Америки. Из крошечного количества

семян мы уже создали приличные коллекции, научились творить чудеса, размножая редчайшие виды. Нет сомнения, что кактусоводство расширяется, что это интересное, благородное, эстетически воспитывающее увлечение, завоевывающее все новые тысячи горячих приверженцев, будет по достоинству оценено общественностью. Слово за любителями.

НАИБОЛЕЕ КРАСИВЫЕ И РАЗНООБРАЗНЫЕ ВИДЫ РОДОВ ПОДСЕМЕЙСТВА ОПУНЦИЯ И ПЕЙРЕСКИЯ

Род OPUNTIA (Tournef.) Mill., 1754 K

O. bruchii Speg. IV

O. microdasys (Lehm) Pfeif. V

O. basilaris Eng. et Big. IV

O. gosseliniana Web. IV

O. scheeri Web. IV

O. ursina Web. IV

O. pycnantha Eng. var. *margarinata* Coult. IV

O. macbridei Br. et R. IV

O. pilifera Web. IV

O. hickenii Br. et R. IV

Род CYLINDROPUNTIA (Eng.) Knuth., 1935

C. imbricata (Haw.) Knuth. V

Род AUSTROCYLINDROPUNTIA Bckbg., 1938

A. cylindrica (Lam) Bckbg. V

A. subulata (Mühlpferdt) V

A. vestita (S. D.) Bckbg. V

Род GRUSONIA F. Reichb.

G. bradtiana (Coult) Br. et R. IV

Род TERPHROCACTUS Lem., 1868

T. alboareolatus Ritt. III

T. strobiliformis Berg. II

T. catacanthus Bckbg. II

T. coloreus Ritt. II

T. curvispinus Bckbg. II

T. flexispinus Bckbg. II

T. floccosus (SD) Bckbg. II

T. articulatus v. *papyracanthus* (Phil.) Bckbg. II

<i>T. rauhii</i> Bckbg.	II
<i>T. sphaericus</i> v. <i>glaucinus</i> Bckbg.	II
<i>T. aoracanthus</i> Lem.	II
<i>T. platyacanthus</i> (S. D.) Lem.	II
Род <i>PEIRESKIA</i> (Plum.) Mill, 1754	
<i>P. aculeata</i> (Plum.) Mill.	
<i>P. undulata</i> Lem.	V
Род <i>PEIRESKIOPSIS</i> Br. et R.	

14.

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЮ

Вместо послесловия

Среди множества писем, пришедших мне после выхода в свет первого издания книги, писем в основном благодарных и даже восторженных (к сожалению, не на все я смог ответить) было и несколько (не более двух на сотню) от читателя строгого, даже сердитого, или, как я называл его где-то в книге, принципиально несогласающегося. В письмах такого читателя без большого труда можно было увидеть некоторое раздражение, словно бы автор узурпировал некое «право» людей более опытных, более знающих на создание книги о кактусах. Дескать, так ли уж много стоит тридцатилетний опыт кактусовода Никонова, если есть знатоки с пятидесяти- и чуть ли не семидесятилетним опытом? Никто из этих читателей почему-то не обратил внимания на подзаголовок книги, не принял к сведению, что писатель Н. Никонов отнюдь не биолог, не ботаник, не специалист по физиологии растений, наконец, и не знаток латинского языка, той самой премудрой латыни, которую он, как было уже сказано, осваивал на ходу, по мере знакомства с кактусами. Итак, мне еще раз приходится объяснить, что и второе издание подготовлено литератором и всего лишь скромным любителем кактусов, — о чем ясно сказано и в кратком предисловии. Именно с этих позиций автор считает себя вправе ответить на некоторые обвинения.

Прежде всего о латыни.

Упреки были в том, что в книге неверно дана русская транскрипция и произношение того или иного латинского слова, что автор русифицировал перевод некоторых фамилий и т. п.

Ответ здесь прост: хотелось бы сохранить традиционно сложившиеся формы произношения латинских названий кактусов и не «пугать» новейшими исправлениями. Вот почему название, допустим, Лофофора Вильямса автор считает возможным не исправлять так, как ему настойчиво и подчас даже грубо рекомендует сердитый читатель (Лофофора Уильямси!). Замену кстати, что русское произношение этой английской фамилии и в приведенном примере весьма условно передает подлинное ее звучание. Именно поэтому автор не считает ошибкой произношение, а вернее, написание произношения таких слов, как: копияпоа (рекомендуется «копяпоа»), ребуция (рекомендуется «ребютия») и т. д. и т. п. Обвинения в таких «ужасных» ошибках не приемлются и во втором издании.

Русская транскрипция латыни, особенно сходно звучащих *g* — *x*, *z* — *s*, и проч., вообще неизбежно будет довольно условной, напомним истину, что даже в русских говорах одни «гакают», другие «хакают» и бог весть, кто прав...

Отдельные читатели вообще советовали автору не переводить латынь в русское произношение. Чего бы проще! Но ведь книгу возьмут отнюдь не изощренные ботаники или хотя бы последователи великого Эскулапа, возьмут ее главным образом служащие, рабочие и крестьяне, любители подчас едва еще начинающие, и сплошная латынь будет лишь отпугивать такого читателя, а ведь именно для него (а не для знатоков) автор и старался рассказать о кактусах.

В то же время все ошибки, и главным образом опечатки, допущенные в латинских наименованиях по разным причинам, автор постарался исправить.

Целый ряд читателей (часто совсем не сердитых) настоятельно рекомендовал включить в раздел «Уроки географии» главу о природе Мексики и вообще «побольше о Мексике». Желание в общем-то закономерное и даже совпадающее с желанием автора кни-

ги. Однако написание такой главы после длительного размышления и колебаний пришлось отложить и вот по каким причинам. Главная — автор не был в Мексике, хотя и очень хотел побывать и даже получал заверения соответствующего отдела Союза писателей, что ему будет предоставлена такая возможность «в будущем». Так уж устроен мир, что поездки в ту или иную страну часто имеют не те, кто в этом остро нуждается... Возможно, поехав в Мексику, я привез бы не главу, а целую книгу, ибо знакомство с историей, культурой и особенно природой Мексики — одно из давних моих увлечений. На основании собранных материалов — карт, путеводителей, книг, слайдов, просмотренных документальных фильмов, опросов очевидцев — я мог бы, видимо, написать главу о Мексике, но привычка иметь информацию только собственную, и в первую очередь собственную, останавливала меня. Как знать, а вдруг получится глава, пусть похуже, но все-таки близкая к тем, которые не спеша писали знаменитые фантасты, удобно расположась в кресле в «тиши кабинета-библиотеки», попивая кофе и полистывая тома географии Элизе Реклю. Так появились страницы, столь популярные у юношества, однако не выдерживающие хоть сколько-нибудь серьезной критики, подступи к ним некто о критическим копьём. Жаль беспокоить великие имена, но ведь эпизод с кондором, унесшим Роберта Гранта, нападение «страшных хищников» красных волков, крокодилы-кайманы в Патагонии не более чем именно фантастика, потому что кондоры, американские грифы питающиеся падалью, вообще ничего не носят и не могут носить в когтях, красные волки редкие и весьма робкие хищники, встречающиеся лишь в горах, а для кайманов слишком холодно в Патагонии.

Но мы уклонились от темы. Итак, описывать Мексику по книгам, фильмам и т. п. вряд ли стоит. Но может быть тогда, по рассказам очевидцев, людей чаще всего совершенно незнакомых не только с биологией и ботаникой, в частности, но порой даже и с географией? Все сведения, полученные от них, свелись примерно вот к чему: «Жарко. Небо ярко-голубое, даже синее. Много лесов. Растут пальмы (это могут быть и не пальмы, а, допустим, похожие на них юкки). Кактусов много, но какие-то некрасивые, однооб-

разные. Или ребристые колючие палки, или еще такие, ну, лепешками. Некоторые цветут. Красным. Розовым».

Вопрос:

— Вода жесткая?

— Такая же, как у нас, вроде.

— А в книгах написано, что вода мягкая.

— Ну, не знаю. Чистая вода. Вкусная. Рек вообще много. Речки. Водопады.

— А в книгах написано — сухо.

— Да не сухо... А жарко. Влажно. Хоть в плавках ходи. Духота. Дышать трудно. Особенно в Мехико. Он ведь высоко. Пока привыкнешь... И еще смог везде... Дым... Автомобили...

— Воздух плохой?

— Ужасный. Хуже некуда. Не везде, конечно. А в горах-то, наверное, чистый. И речки тоже, наверное, чистые.

Вот такая картина получалась по опросам очевидцев...

Если же прибегнуть к учебникам географии, то вот образец описания страны:

«Восточная Сьерра-Мадре начинается на территории США хребтом Сьерра-дель Кармен, который сменяется группой коротких горных цепей. К югу от города Лампасос цепи сближаются и образуют единую горную дугу асимметричной формы. Отсюда на сотни километров на юг вытянут крутой, обращенный к востоку (!) структурный уступ, делающий Восточную Сьерра-Мадре трудно преодолимым барьером. Расчлененные глубокими ущельями склоны гор поднимаются на севере и юге на 1000—1500 м высоты, в средней части до 2500—3500 м.

В строении гор видны характерные особенности ларамийского пояса: преобладание осадочных пород, широкое развитие антиклинальных складок и отсутствие вулканических внедрений».

О растениях же сказано так: «Формации жестколистных кустарников остаются на западных склонах и образуют переходный к пустыне пояс, тогда как вершины невысоких гор и восточные склоны одевают дубово-сосновые леса. Вначале они имеют характер довольно однообразных редколесий, но затем становятся густыми и богатыми по флористическому составу».

Могу только сказать: не повезло Мексике и всем, кому предназначен этот институтский учебник, долженствующий, скажем тем же текстом, «прививать студентам любовь к географии».

Однако я рискнул уклониться от вопросов читателей. Итак, глава о Мексике, может быть, появится в последующих изданиях книги, если автору посчастливится побывать в стране не десять — пятнадцать дней в качестве туриста, которого галопом возят по городам, а хотя бы два-три месяца, чтобы иметь возможность поехать по Мексике, увидеть и описать ее, именно ту горную, пустынную, саванновую и тропическую, какой она в самом деле и является, ибо все четыре указанных выше пояса-ландшафта и составляют, видимо, понятие Мексика. А кактусы, растущие тут во всех названных поясах, имеют особенности приспособления, описанные в соответствующих разделах этой книги, точнее в главе «Уроки географии». Главное, что надо всегда помнить всем любителям кактусов: МЕКСИКА СТРАНА СКОРЕЕ ТРОПИЧЕСКАЯ, чем субтропическая. Она лежит южнее американской Флориды! Ее омывают два теплых огромных океана. И кактусы, как следствие, растения тоже главным образом ТРОПИЧЕСКИЕ: им нужно тепло, тепло, тепло, жара, солнце (не забывайте о притенении!) и много влаги ОСОБЕННО В ВОЗДУХЕ! Почвы же Мексики очень насыщены солями, и кактусы требуют их в виде удобрительных добавок, мексиканский краснозем (не заменяемый никакими нашими почвами) представляет собой как бы глину со всеми свойствами плодороднейшего чернозема. Вот почему и у нас кактусы лучше всего живут в разреженной песком, камнем или керамзитом глине, однако хорошо пропитанной растворами удобрительных солей.

Пока это все, что автор хотел сказать о Мексике.

Ряд вопросов читателей касается систематики. Один специалист-биолог даже упрекнул, что названные автором два царства, растительное и животное, устарели: биологи, мол, выделяют еще царство грибов и царство дробянок! Надо-де было писать над царства. Отвечу лишь, что где-то я сознательно старался не затруднять рядового читателя, который, наверное, тоже будет считать грибы все-таки растениями, и не стоит выделять их в особые

«царства», что же касается «дробянок» — они известны лишь посвященным. Осмелюсь также посягнуть на устои систематики, ибо смешное понятие надцарство воистину не находка. Не лучше ли бы его заменить хотя бы понятием «империя», «соединенное королевство», если не подходит уже употребленное автором простое понятие мир.

Некоторые читатели предлагали иллюстрировать издание своими слайдами и слайдами, которые показывают в клубах с помощью проектора. Предложение заманчивое, однако упирается в чисто полиграфические трудности и сложности. Вот почему автор вынужден и в данном издании использовать снимки кактусов из своей коллекции, сделанные фотографом-профессионалом и не в самое лучшее для этого время. К сожалению, сроки издания книг не совпадают с периодами цветения кактусов...

Еще одно читательское замечание: «Мало редкостей воспроизведено на слайдах!» Отвечу, что автор сознательно ограничил количество слайдов, ибо рядовые и начинающие любители хотели бы, естественно, сопоставить с изображенными свои кактусы, а редкостей у них всегда немного или нет совсем. Что же касается редкостей в коллекции автора, то они имеются в достаточном количестве, хотя и не преобладают над видами других категорий. Специально для удовлетворения запросов опытных любителей автор добавил в новом издании главу «Особенности содержания редких кактусов».

В нескольких письмах был затронут вопрос, почему в справочных разделах книги не называются места произрастания тех или иных кактусов. Хотелось бы оставить эту работу любителям, тем более что если названы, допустим, чилийские виды, то ясно, что они растут если не в Чили, то во всяком случае на тихоокеанском побережье Южной Америки.

И, наконец, автор книги не принимает возражений типа «Этого не может быть, потому что этого не может быть». Так некоторые прореагировали, в частности, на сообщение, что годовалые сеянцы можно вырастить величиной с трех- и даже пятигодичное! растение. Такие аргументы несерьезны, ибо свет, тепло, подкормки, пересадки и пикировки, правильный

режим, мастерство кактусовода в сочетании с многолетним опытом позволяют творить буквально чудеса в выращивании самых трудных видов. Вероятно, это подтвердят и многие серьезные любители. Можно лишь сказать: «Дерзайте!» Автор же книги абсолютно не заинтересован ни в каких мистификациях, хотя бы исходя из того, что сейчас сам уже не столь активно занимается кактусами и, как уже не раз говорилось, не претендует на роль непрекаемого авторитета в этой области.

В заключение автор благодарит всех читателей, приславших письма, а особенно тех, кто помог исправить вольные или невольные неточности, и тех, кто дружески, душевно, подчас даже с большой щедростью оценил его работу.

Автор приносит свои извинения всем, кому не смог ответить, но конечно же прочитал, оценил, обрадовался и был взволнован. Еще раз спасибо за доброе слово!

ПРИЛОЖЕНИЕ

СИСТЕМАТИКА КАКТУСОВ

по К. Бакебергу (из книги А. Урбана «Колючее чудо»)

Семейство САСТАСЕАЕ прежде всего делится на три подсемейства:

I. подсемейство: *Peireskioideae* — пейрескиевые, II. подсемейство: *Opuntioideae* — опунциевые, III. подсемейство: *Cereoideae* — цереусовые. Это разделение произвел К. Шуманы в 1898 г., и оно действительно до настоящего времени. И хотя дальнейшее разделение этих групп тем же автором на более мелкие единицы родов и подродов в процессе развития систематики кактусов устарело, но эти три ветви семейства *Cactaceae* остались неизменными и образуют основу всех позднейших систем вплоть до самой современной системы Бакеберга. Тогда как Шуманн в дальнейшем подразделении подсемейств исходил главным образом из внешних признаков растений, какими являются, например, форма и расположение ребер, колючек и т. д., современная систематика прослеживает естественное развитие и родственные отношения элементов и системы по половым и эмбриональным признакам.

Она обращает внимание, например, на положение семенника, расположение пыльников, форму и цвет рыльца, форму и длину цветочной трубки, на то, голая ли трубка, покрыта ли чешуйками или волосками, раскрываются ли цветы ночью или днем, далее на форму и окраску плодов, на то, сухие они или мясистые, гладкие, покрытые волосками или колючками. Изучает она также форму и размеры семян, форму проросшего сеянца и т. д. Правда, при этом имеет значение и строение стебля: колючки, листья, форма ареол.

наличие или отсутствие глохидий, а также и корневая система. Не последнее значение имеет и естественное место обитания кактуса и много других факторов. Эти факторы показывают разветвление системы и в систематике решают вопрос о родовой или видовой принадлежности каждого растения. Они прежде всего определяют принадлежность кактуса к одному из трех подсемейств Шуманна.

I. PEIRESKIOIDEAE

К этому подсемейству относятся листовные кактусы, которые своим ростом и формой тела похожи на наши деревья и кустарники. Их умеренно мясистые стебли представляют первую ступень — но лишь малозаметный намек — суккулентности. По строению их стебля мы можем реконструировать форму первобытных кактусов, давно уже вымерших, точно так, как сотни и сотни родов этого подсемейства. Три рода, сохранившиеся до сих пор и представляющие это подсемейство, — это лишь обломки некогда богатой вегетации. У всех пейрескиевых, кроме листьев, есть и колючки, но нет глохидий. Цветут днем.

Peireskia Plum.,
Rhodocactus (Berg.) Knuth.,
Maihuenia Phill.

II. OPUNTIOIDEAE

Это подсемейство образуют членистые кактусы, из ареол которых вырастают типичные для этого подсемейства глохидии. У них наблюдается более высокая степень суккулентности, но зато у них имеются еще сильно редуцированные временные листья. Листья мясистые, цилиндрические или плоские, вырастающие из ареол молодых побегов, после созревания которых рано или поздно опадающие. В зависимости от формы листьев, а также от формы побегов, которые могут быть цилиндрическими, шаровидными или плоскими, можно роды этого подсемейства разделить на несколько групп:

I. *Phyllopuntieae* Bckbg., с плоскими, слегка редуцированными листьями:

Quiabentia Br. et R.,
Peireskiopsis Br. et R.

2. *Eupuntieae* Bckbg., с цилиндрическими сильно редуцированными листьями:

а) *Cylindropuntiinae* Bckbg., с цилиндрическими побегами:

Austrocyllindropuntia Bckbg.,
Pterocactus K. Sch.,
Cylindropuntia (*Eng.*) Knuth.,
Grusonia F. Reichb.,
Marenopuntia Bckbg.

б) *Sphaeropuntiinae* Bckbg., с шаровидными побегами:

Tephrocactus Lem.,
Maihueniopsis Speg.,
Corynopuntia Knuth.,
Micropuntia Daston.

в) *Platyopuntiinae* Bckbg., с плоскими побегами:

Brasilopuntia (*K. Sch.*) Berg.,
Consolea Lem.,
Opuntia (*Tournef.*) Mill.,
Nopalea S. D.

3. *Pseudopuntieae* Bckbg., низкие кустики с продолговатыми стеблями без глохидий, цветут ночью:

Tacinga Br. et R.

III. CEREIOIDEAE

К этому подсемейству относятся шаровидные вплоть до столбовидных, прутиковидные и плетевидные кактусы без листьев и без глохидий, отличающиеся высокой степенью суккулентности. Следовательно, все остальные, не вошедшие в предыдущие два подсемейства. Эта ветвь системы кактусов охватывает не только в несколько раз большее число родов, чем предыдущие подсемейства, но отличается и наибольшим разнообразием форм, колючек и размеров растений. Сюда относятся самые маленькие кактусы, величиной с горошину, но одновременно и самые большие, гигантские цереусы в возрасте нескольких столетий. Кроме того, с ботанической точки зрения сюда включают и роды эпифитно живущих кактусов, форма которых

по меньшей мере не соответствует наименованию подсемейства (*cereus* — свеча). Очевидно, что в этой области системы труднее всего ориентироваться, но именно здесь это наиболее важно и крайне необходимо. Дело в том, что самые интересные и ценные с точки зрения коллекционирования роды кактусов находятся в подсемействе *Cereoideae*.

Девяносто процентов растений в коллекциях кактусов относится к этой самой богатой ветви системы, благодаря чему страницы всех монографий о кактусах до сих пор, начиная самыми старыми и кончая новейшими, истрепались под руками кактусистов более всего именно на тех местах, где говорится о шаровидных кактусах, составляющих значительную часть этого подсемейства. Правда, и среди свечевидных кактусов есть много прекрасных и благородных родов, пользующихся у кактусистов большой популярностью. Упомянем лишь волосистые или покрытые белоснежным опушением или золотисто-желтыми колючками цереусовые растения; являющиеся гордостью каждой коллекции.

Короче говоря, подсемейство *Cereoideae* с полным правом пользуется большим вниманием у коллекционеров. Правда, в совершенстве ориентирование в этой, самой обширной и сложной области системы кактусов — это задача, которая не только заслуживает, но и требует упорного внимания. Впрочем, научиться безошибочно ориентироваться в этом кажущемся лабиринте, состоящем из более чем двухсот родов кактусов, не так трудно — поможет нам систематика.

По систематической классификации большая ветвь подсемейства *Cereoideae* прежде всего делится снова на две несимметричные ветви — *Hylocereae* и *Cereae*.

1. HYLOCEREAЕ Br. et R.

Эта преимущественно тропическая ветвь эпифитных кактусов по числу родов составляет примерно седьмую часть всего, подсемейства. К ней относятся плетевидные и прутиковидные кактусы свисающей и ползучей формы, в основном живущие на деревьях и пальмах, реже — в трещинах влажных камней. Их продолговатые стебли в сечении бывают круглыми, овальными или многогранными. Они имеют

так называемые воздушные корни. В формах стеблей наблюдается большое разнообразие, но о их родстве свидетельствует и то, что большую часть их можно взаимно скрещивать. Среди возникших таким образом искусственных гибридов самыми известными являются эпифиллумы и зигокактусы. Роды этой ветви Бакеберг разделил на три группы:

а) RHIPSALIDINAE Bckbg.:

Rhipsalis Gart,
Lepismium Pfeiff.,
Acanthorhipsalis (*K. Sch.*) Br. et R.,
Pseudorhipsalis Br. et R.,
Hattoria Br. et R.,
Erythrorhipsalis Berg.,
Rhipsalidopsis Berg.,
Epiphyllanthus Berg.,
Pseudozygocactus Bckbg.,
Epiphyllopsis Berg. (*Knuth. et Bckbg.*),
Schlumbergera Lem.,
Zygocactus K. Sch.

б) PHYLLOCACTINAE Bckbg.:

Cryptocereus Alex.,
Marniera Bckbg.,
Lobeira Alex.,
Epiphyllum Haw.,
Ecremocactus Br. et R.,
Pseudonopalxochia Bckbg.,
Nopalxochia Br. et R.,
Chiapasias Br. et R.,
Disocactus Lindl.,
Wittia K. Sch.

в) HYLOCEREINAE Bckbg.

Strophocactus Br. et R.,
Deamia Br. et R.,

Wercklerocereus Br. et R.,
Setenicereus (*Berg.*) Br. et R.,
Mediocactus Br. et R.,
Weberocereus Br. et R.,
Wilmattea Br. et R.,
Hylocereus (*Berg.*) Br. et R.,
Aporocactus Lem.

2. CEREAE Br. et R.

Эта обширная ветвь подсемейства объединяет шаровидные, палицевидные вплоть до столбовидных кактусов, у которых нет воздушных корней и которые за единственным исключением (*Pfeiffera*) не ведут эпифитный образ жизни. Большое количество их прямо вызывает к дальнейшему расчленению на меньшие группы.

Здесь впервые напрашивается разделение ветви в зависимости от географического распространения растений на южноамериканскую ветвь — *Austrocereae* Bckbg. и североамериканскую — *Boreocereae* Bckbg. Дело в том, что представители обеих обширных географических областей несут признаки различного развития как в строении цветов, так и в общем внешнем виде растений. И, наконец, обе эти ветви — южная и северная — подразделяются в зависимости от формы стебля на группы шаровидных и столбовидных. Так что вся эта ветвь Cereae состоит из четырех групп:

1. Austrocereinae Bckbg. — южные столбовидные,
2. Austrocactinae Bckbg. — южные шаровидные,
3. Boreocereinae Bckbg. — северные столбовидные,
4. Boreocactinae Bckbg. — северные шаровидные.

Приведенное расчленение этой области системы кактусов на первый взгляд кажется довольно сложным и неясным, но это только на первый взгляд. Ближе познакомившись с этим разделением, каждый любитель кактусов придет к убеждению, что оно ясно и логично, а с практической точки зрения весьма целесообразно.

Все четыре группы содержат большое количество родов, поэтому дальнейшая группировка их по наиболее характерным при-

знакам цветов и габитуса является целесообразной и способствует наглядности.

AUSTROCEREINAE Bckbg.

1. Pfeifferae Berg., небольшие, эпифитные, с дневными цветами: Pfeiffera Sd.

2. Milae Bckbg., низкие, образующие колонии, с дневными цветами: Mila Bckbg.

3. Corryocerei Bckbg., небольшие и большие столбовидные кактусы, семенники и цветочные трубки которых покрыты колючками, цветут как днем, так и ночью;

Corryocactus Br. et R.,

Erdisia Br. et R.,

Neoraimondia Br. et R.,

Neocardenasia Bckbg.,

Jungasocereus Ritt.,

Lasiocereus Ritt.,

Armatocereus Bckbg.,

Calymanthium Ritt.,

Brachycereus Br. et R.

4. Gymnanthocerei Bckbg., столбовидные кактусы с голыми цветочными трубками и семенниками, цветущие ночью:

Jasminocereus Br. et R.,

Stetsonia Br. et R.,

Browningia Br. et R.,

Gymnocereus Bckbg.,

Azureocereus Akers et Johnson.

5. Loxanthocerei Bckbg., низкие вплоть до столбовидных кактусов, с узкими зигоморфными цветами, цветущими днем:

Clistanthocereus Bckbg.,

Loxanthocereus Bckbg.,

Winterocereus Bckbg.,

Bolivocereus Card.,

Borzicactus Ricc.,

Seticereus Bckbg.,
Akersia Buin.,
Seticleistocactus Bckbg.,
Cleistocactus Lem.,
Cephalocleistocactus Ritt.,
Oreocereus (Berg.) Ricc.,
Morawetzia Bckbg.,
Denmoza Br. et R.,
Arequipa Br. et R.,
Submatucana Bckbg.,
Matucana Br. et R.

6. *Trichocerei* Berg emend. Bckbg., от шаровидных вплоть до столбовидных, с колокольчатыми цветами, цветочная трубка покрыта волосками, цветут днем и ночью:

Samaipaticereus Cárđ.,
Philippicereus Bckbg.,
Setiechinopsis (*Bckbg.*) de Haas.,
Trichocereus (*Berg.*) Ricc.,
Roseocereus (*Bckbg.*) Bckbg.,
Eulychnia Phill.,
Rauhocereus Bckbg.,
Haageocereus Bckbg.,
Pygmaeocereus Johns. et Bckbg.,
Weberbauerocereus Bckbg.,
Echinopsis Zucc.,
Leucostele Bckbg.,
Helianthocereus Bckbg.,
Chamaecereus Br. et R.,
Pseudolobivia (*Bckbg.*) Bckbg.

AUSTROCACTINAE Bckbg.

1. *Lobiviae* Bckbg., шаровидные или низкие кактусы с воронковидными дневными цветами, вырастающими в большей или меньшей степени с боку растения:

Acantholobivia Bckbg.,

Acanthocalycium Bckbg.,
Lobivia Br. et R.,
Mediolobivia Bckbg.,
Aylosteria Speg.,
Rebutia K. Sch.,
Sulcorebutia Bckbg.

2. *Austroechinocacti* Bckbg., шаровидные или низкие кактусы с дневными цветами. Цветы вырастают из темени растения, форма их воронковидная или колокольчатая с более или менее короткой трубкой или же без трубки.

Восточная ветвь:

Austrocactus Br. et R.,
Pyrrhocactus Berg. emend. Bckbg.,
Brasilicactus Bckbg.,
Parodia Speg.,
Uebelmannia Buin.,
Wigginsia D. M. Porter,
Eriocactus Bckbg.,
Notocactus (*K. Sch.*) Berg.,
Frailea Br. et R.,
Blossfeldia Werd.,
Soehrensia Bckbg.,
Oroya Br. et R.,
Gymnocalycium Pfeiff.,
Brachycalycium Bckbg.,
Weingartia Werd.,
Neowerdermannia Frič.

Западная ветвь:

Rodentiophila Ritt.,
Neochilenia Bckbg.,
Horridocactus Bckbg.,
Delaetia Bckbg.,
Reicheocactus Bckbg.,
Neoporteria Br. et R. emend. Bckbg.,

Eriosyce Phill.,
Islaya Bckbg.,
Pilocopiapoa Ritt.,
Copiapoa Br. et R.

BOREOCEREINAE Bckbg.

1. Leptocerei Berg., столбовидные, с крупными дневными или ночными цветами. Цветочная трубка покрыта волосками или колючками, плоды покрыты колючками:

Acanthocereus (Berg.) Br. et R.,
Peniocereus Berg. Br. et R.,
Dendrocereus Br. et R.,
Neoabbotia Br. et R.,
Leptocereus (Berg.) Br. et R.

2. Leocerei Bckbg. более низкие столбовидные кактусы с мелкими ночными цветками, трубка чешуйчатая:

Leocereus Br. et R.,
Zehntnerella Br. et R.

3. Echinocerei Bckbg., низкие, большей частью дающие прикорневые побеги и растущие группами, с крупными воронковидными цветками. Трубка и семенник покрыты шипами, рыльце зеленое:

Echinocereus Eng.,
Wilcoxia Br. et R.

4. Nyctocerei Berg., тонкие и длинные, склоняющиеся кактусы с ночными цветками:

Nyctocereus (Berg.) Br. et R.,
Eriocereus (Berg.) Ricc.,
Harrisia Britt.,
Arthrocereus Berg.,
Machaerocereus Br. et R.

5. *Heliocerei* Bckbg., столбовидные, но встречаются и склоняющиеся кактусы с дневными цветками:

Heliocereus (Berg.) Br. et R.,
Bergerocactus Br. et R.,
Rathbunia Br. et R.

6. *Pachycerei* Berg. emend. Bckbg., столбовидные, большей частью с крупными цветками как дневными, так и ночными. Некоторые образуют цветочные цефалиумы:

Polaskia Bckbg.,
Lemaurocereus Br. et R. emend. Bckbg.,
Pachycereus (Berg.) Br. et R.,
Heliabrava Bckbg.,
Marshallocereus Bckbg.,
Rooksbya Bckbg.,
Ritterocereus Bckbg.,
Carnegiea Br. et R.,
Neobuxbaumia Bckbg.,
Pterocereus McDoug. et Mir.,
Marginatocereus (Bckbg.) Bckbg.,
Stenocereus (Berg.) Ricc.,
Isolatocereus (Bckbg.) Bckbg.,
Anisocereus Bckbg.,
Escontria Rose.,
Hertrichocereus Bckbg.,
Mitrocereus (Bckbg.) Bckbg.,
Neodawsonia Bckbg.,
Cephalocereus Pfeiff.,
Backebergia H. Bravo.,
Haseltonia Bckbg.

7. *Polyanthocerei* Bckbg., столбовидные, древовидно разветвляющиеся кактусы, с мелкими цветками:

Myrtillocactus Cons.,
Lophocereus (Berg.) Br. et R.,

8. *Gymnocerei* Bckbg., полувысокие, богато разветвляющиеся кактусы. Их ночные цветки имеют длинную, покрытую чешуйками трубку:

Brasilicereus Bckbg.,
Monvillea Br. et R.,
Cereus Mill.

9. *Cephalocerei* Bckbg., столбовидные, разных размеров, цветки вырастают из цефалиумов или из образований, похожих на цефалиумы:

Castellanosia Cárđ.,
Subpilocereus Bckbg.,
Pilosocereus Byles et Rowl.,
Micranthocereus Bckbg.,
Facheiroa Br. et R.,
Thrixanthocereus Bckbg.,
Pseudoespostoa Bckbg.,
Vatricania Bckbg.,
Austrocephalocereus Bckbg.,
Neobinghamia Bckbg. emend. Bckbg.,
Espostoa Br. et R.,
Coleocephalocereus Bckbg.,
Stephanocereus Berg.,
Arrojadoa Br. et R.

10. *Cephalocacti* Bckbg., шаровидные кактусы, цветки вырастают из цефалиумов:

Melocactus Lk. et O.,
Discocactus Pfeiff.

BOREOCASTINAE Bckbg.

1. *Boreoechinocacti* Bckbg., шаровидные кактусы, цветки вырастают из цефалиумов:

Echinocactus Lk. et O.,
Homalocephala Br. et R.,

Astrophytum Lem.,
Sclerocactus Br. et R.,
Leuchtenbergia Hook.,
Neogomesia Castan.,
Ferocactus Br. et R.,
Hamatocactus Br. et R.,
Echinofossulocactus Lawr.,
Coloradoa Boiss. et Davids.,
Thelocactus (K. Sch.) Br. et R.,
Echinomastus Br. et R.,
Utahia Br. et R.,
Pediocactus Br. et R.,
Gymnocactus Bckbg.,
Strombocactus Br. et R.,
Obregonia Frič.,
Toumeyia Br. et R.,
Navajoa Croiz.,
Pilocanthus B. W. Bens. et Bckbg.,
Turbinicarpus Bckbg. et Buxb.,
Aztekium Böd.,
Lophophora Coult.,
Epithelanta Web.,
Glandulicactus Bckbg.,
Ancistrocactus Br. et R.

2. Mamillariae Berg. emend. Bckbg., шаровидные или низкие кактусы, в большей или меньшей мере бородавчатые. Цветки вырастают из аксил или из бороздок, ведущих из ареол к аксилам:

Neolloydia Br. et R.,
Neobesseya Br. et R.,
Escobaria Br. et R.,
Lepidocoryphanta Bckbg.,
Coryphanta (Eng.) Lem.,
Roseocactus Berg.,
Encephalocarpus Berg.,
Pelecypora Ehrenbg.,

Ortegocactus Alex.,
Solisia Br. et R.,
Ariocarpus Scheidw.,
Mamillaria Haw.,
Porfiria Böd.,
Krainzia Bckbg.,
Phellosperma Br. et R.,
Dolichothele (K. Sch.) Br. et R., emend. Bckbg.,
Bartscheila Br. et R.,
Mamilloopsis (Morren) Web.,
Cochemiea (K. Brand.) Walton.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

К ЧАСТИ ПЕРВОЙ

- Берг Д. С. Климат и жизнь. М., 1922.
Жукова Е. Н., Ильина Е. Я. Комнатные растения. М: Просвещение, 1958.
Залетаева И. А. Книга о кактусах. М.: Колос, 1972.
Киселев Г. Е. Цветоводство. М.: Московский рабочий, 1964.
Пажоут Ф., Валничек З., Шубик Р. Кактусы, Прага, 1963.
Турдыев О., Седых Р., Эрихман В. Кактусы. Алма-Ата: Кайнар, 1970.
Тимирязев К. А. Жизнь растений. М: Сельхозгизд., 1962.
Урбан А. Колючее чудо. Братислава, 1976.

К ЧАСТИ ВТОРОЙ

- Аксенова Н. П., Баврина Г. В., Константинова Г. Г. Цветение и его фотопериодическая регуляция. М.: Наука, 1973.
Генкель П. А. Физиология растений. М.: Просвещение, 1975.
Гупало П. И., Скрипчинский В. В. Физиология индивидуального развития растений. М: Колос, 1971.
Кефели В. И. Рост растений. М: Колос, 1973.
Леман В. М. Светокультура растения, М.: Колос, 1971.

Леопольд А. Рост и развитие растений. М.: Мир, 1966.
Овчаров К. Е. Тайны зеленого растения. М: Наука, 1973.
Рубин Б. А. Курс физиологии растений. М.: Высшая школа, 1971.

К ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ

Кашкаров Д. И., Коровин Е. П. Жизнь пустыни. М.: Биомедгиз, 1936.

Леме Ж. Основы биогеографии. М.: Прогресс, 1976.

Нейл У. География жизни. М.: Прогресс, 1973.

Одум Е. Экология. М., 1968.

Талызин Ф. Ф. Под солнцем Мексики. М., 1967.

Шафер В. Основы общей географии растений. М., 1956.

Ярошенко П. Д. Общая биогеография. М.: Мысль, 1975.

К ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ

Backeberg C. Die Cactaceae. Veb Fischer verlag. Jena 1958—1962.

Backeberg C. Das Kakteenlexikon, 1976.

Marshall N. T. — Book G. M. Cactaceae.

Haage W. Freude rait kakteen. Neumaun verlag Berlin, 1958.

Haage W. Das praktische kacteenbuch in Farben.

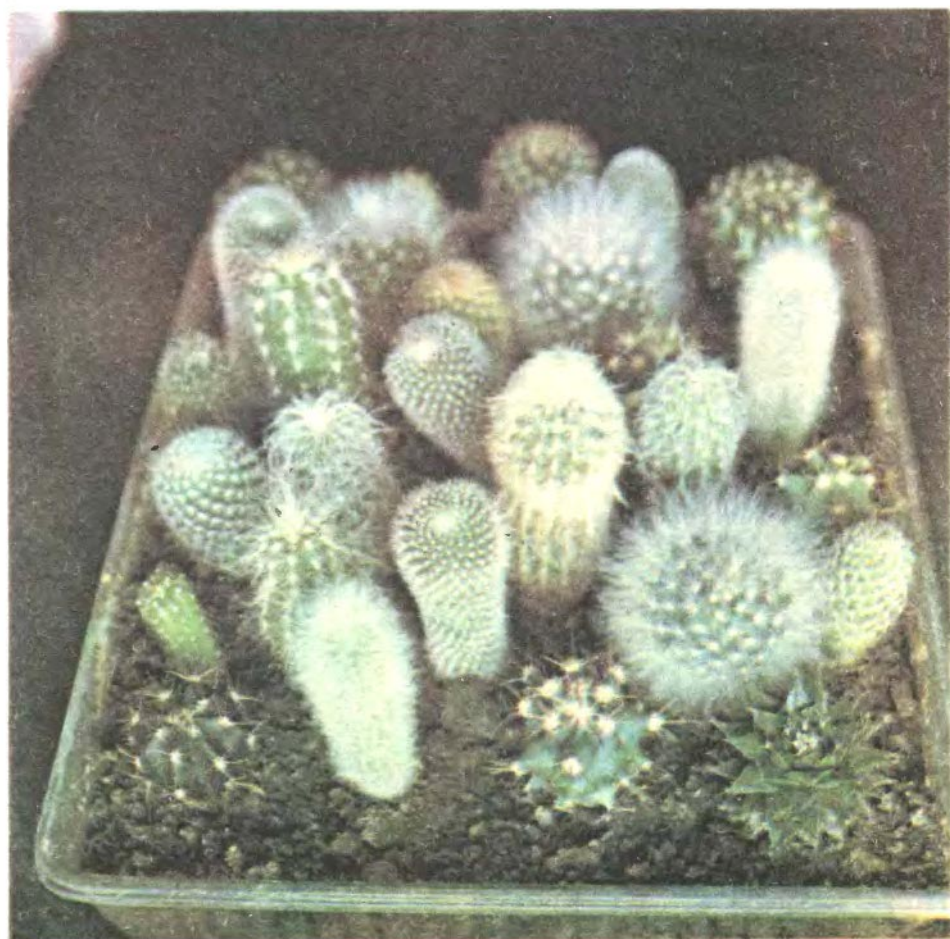
Britton N. L. — The Cactaceae. Washington, 1919—1923.

Шубик Р. Кактусы. Прага: Артия, 1969.

1

1. Ацтекиум Риттера
2. Сеянцы кактусов в возрасте 1,5 года

2

3

4

5

6

3. Цефалоцереус сенилис
4. Сеянцы кактусов в возрасте 6 месяцев
5. Группа ариокарпусов
6. Псевдоэпистоа меланостеле
7. Группа кактусов: Бразиликактус Хазельберга, Нотокактус скопа, Узбельмания псевдопектинифера, Гимнокалициум хорридиспинум

7

- 8. Брахикалициум тилкарензе
- 9. Ферокактус латиспинус
- 10. Пародия нивоза
- 11. Нотокактус скопа
- 12. Группа кактусов

8

9

10

11

12

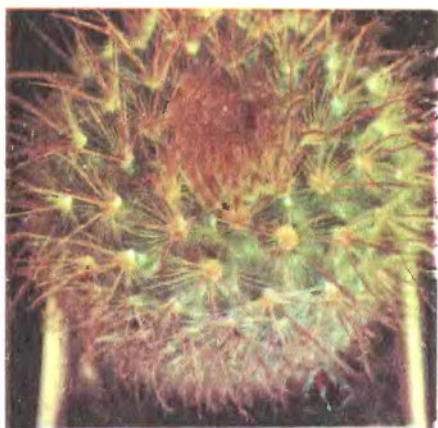
13

14

15

16

- 13. Группа кактусов
- 14. Мамиллярия плюмоза
- 15. Эхинокактус платиакантус
- 16. Пародия хризоканцион
- 17. Группа кактусов

17

18. Мамиллярия геминиспина
вар. нобилис
19. Астрофитум мириостигма
20. Цефалоцереус сенилис
10 лет и 2 года
21. Тефрокактус артикулатус
вар. папиракантус
22. Триксантоцереус спец.

18

19

20

21

22

23

24

25

26

- 23. Ореоцереус Тролли
- 24. Гимнокалициум спегацини
- 25. Группа кактусов
- 26. Долихотеле лонгимамма
- 27. Гимнокалициум Михановича

27

- 28. Астрофитум мириостигма
 субвариант нудум
- 29. Теплички с кактусами
 в интерьере
- 30. Эспостоа ланата
- 31. Астрофитум сениле
- 32. Мамиллярия шиедеана

28

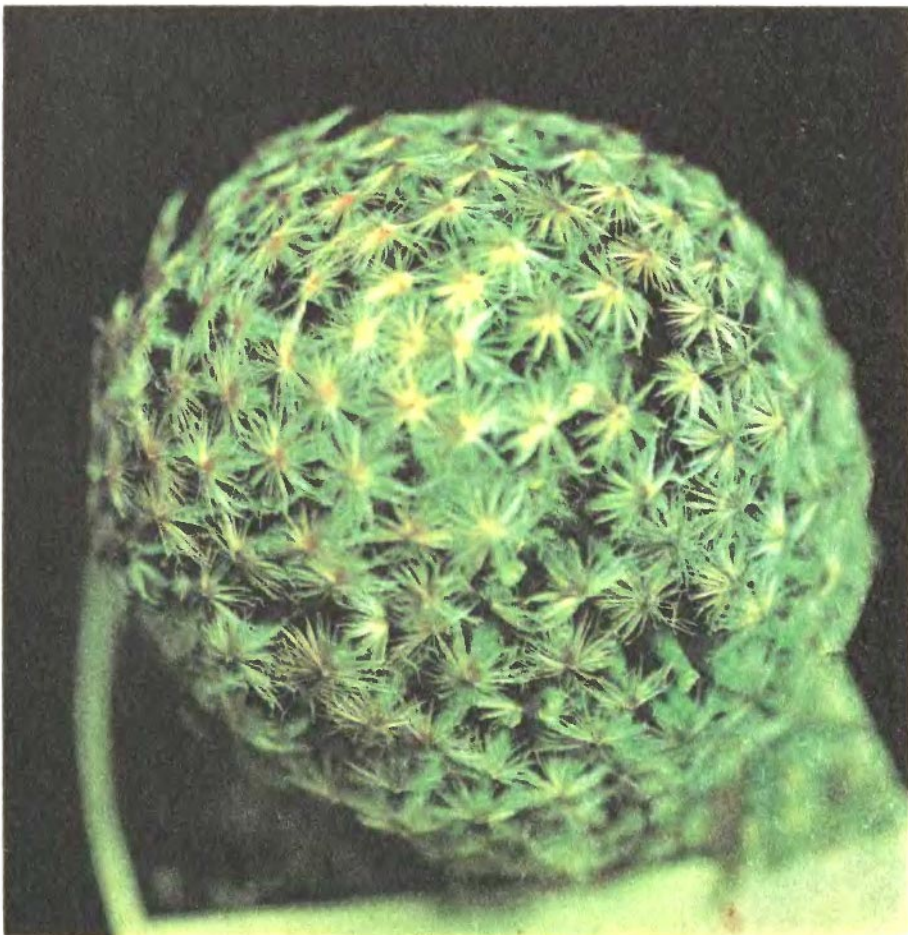
29

30

31

32

33

34

35

36

- 33. Эриокактус Ленингхауза
- 34. Астрофитум каприкорне
- 35. Астрофитум орнатум
- 36. Эхинокактус Грузона
- 37. Ореоцереус неоцельзианус

37

38. Мамиллярия бомбицина
39. Группа кактусов

38

39

1 р. 30 к.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1982

НИКОЛАЙ НИКОНОВ

СОЗВЕЗДИЕ КАКТУСОВ

НИКОЛАЙ НИКОНОВ ♦

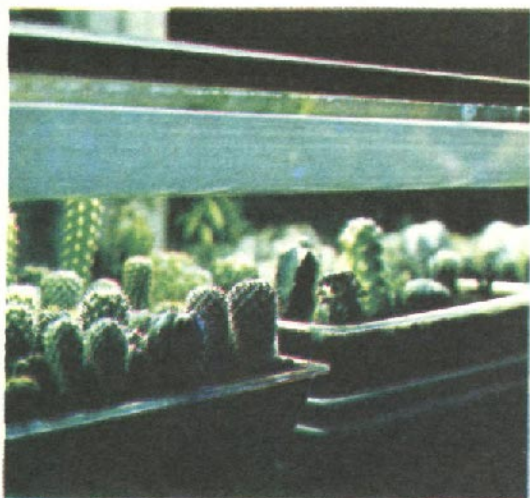

1. Теплички с кактусами
в интерьере
2. Пародия хризаканцион

1

2

3

4

5

3. Сеянцы в тепличке «Тамаулипас»
4. Плошка с 1—2-месячными сеянцами
5. Плошка с десятимесячными сеянцами
6. Мамиллярия магинимамма
7. Стетсония корине

6

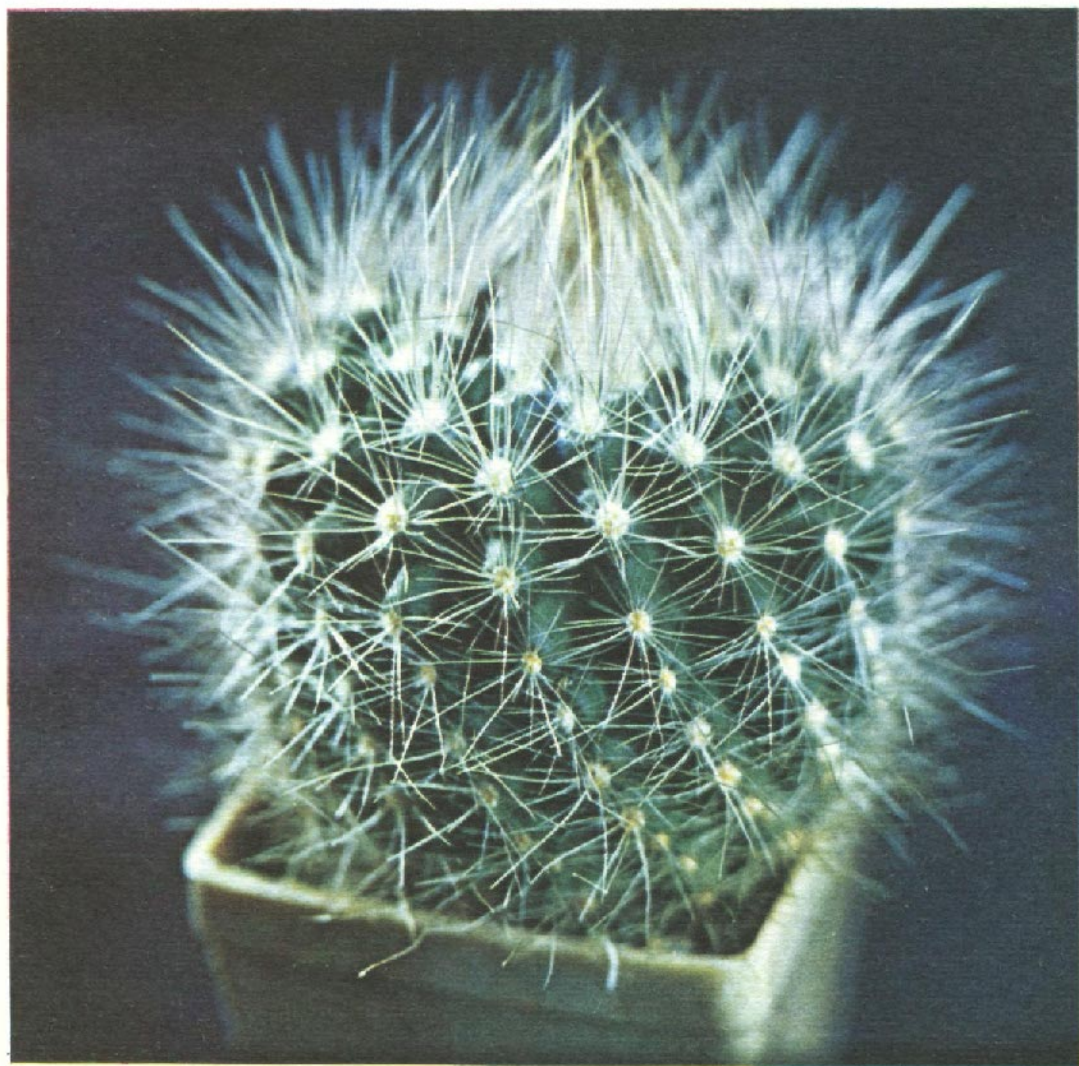

7

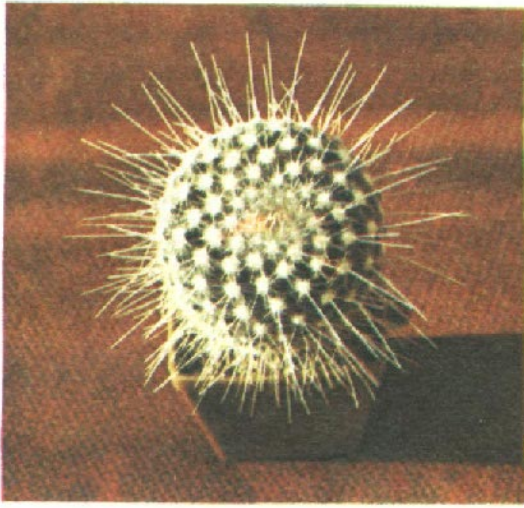
- 8. Гимнокалициум мультифлорум
- 9. Пародия пеницилата ф. нивоза
- 10. Мамиллярия геминиспина,
вариант нобиле
- 11. Мамиллярия бомбицина
- 12. Гимнокалициум Михановича,
вариант

8

9

10

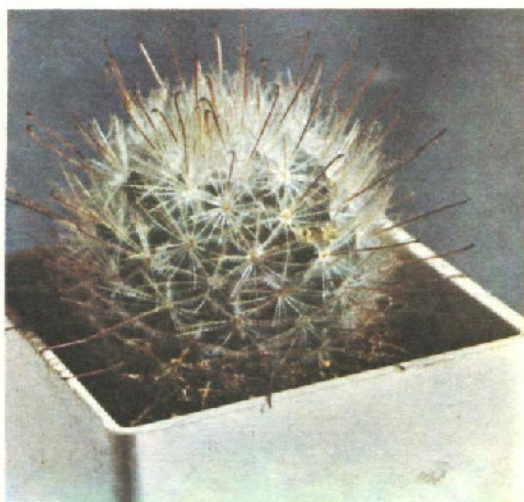
11

12

13

14

15

16

- 13. Ацтекиум Риттера
- 14. Мамиллярия пенниспиноза
- 15. Астрофитум мириостигма,
вариант нудум
- 16. Хагеоцереус ферзиколор
(кристатная форма)
- 17. Неочиления пауцикоштата

17

- 18. Гимнокалициум астирум
- 19. Лобивия цилиндрика
- 20. Астрофитум орнatum,
субвариант глабресценс
- 21. Цефалоцереус сенилис
- 22. Долихотеле альбесценс

18

19

20

21

22

23

24

25

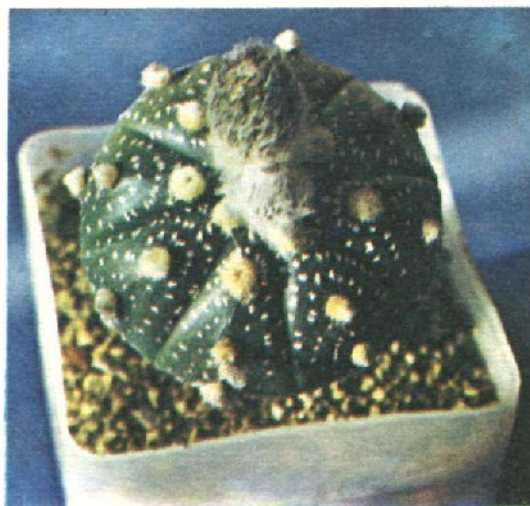
26

- 23. Ферокактус латиспинус
- 24. Пародия НЦ-78
- 25. Ореocereus неоцельзианус
- 26. Эхинокактус Грузона
- 27. Долихотеда лонгимамма

27

- 28. Астрофитум астриас
- 29. Гимнокалициум уругуаензе
- 30. Псевдозспоста нана
- 31. Астрофитум сениле,
вариант ауреум
- 32. Гимнокалициум Флейшера

28

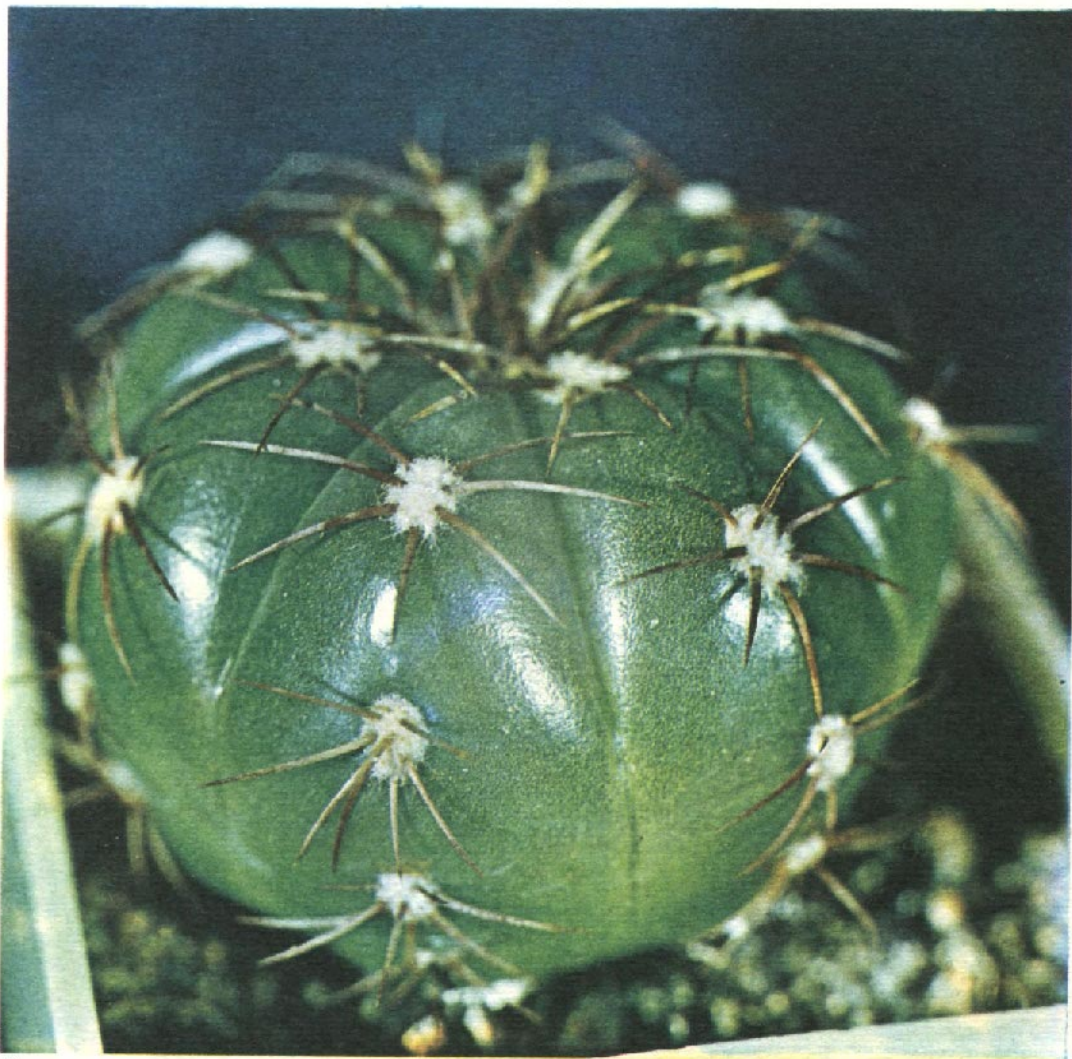
29

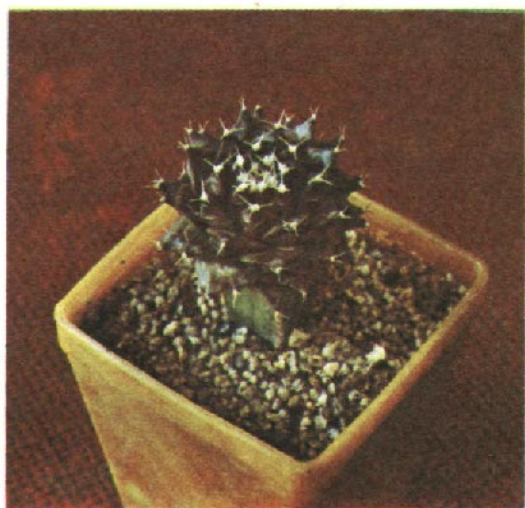
30

31

32

33

34

35

36

- 33. Обрегония Де-Негри
- 34. Астрофитум сениле,
вариант ауреум
- 35. Мамиллярия Гана
- 36. Астрофитум орнатум
- 37. Гимнокалициум Дамзи

37

38. Астрофитум мириостигма
39. Кактусы в витрине

38

39